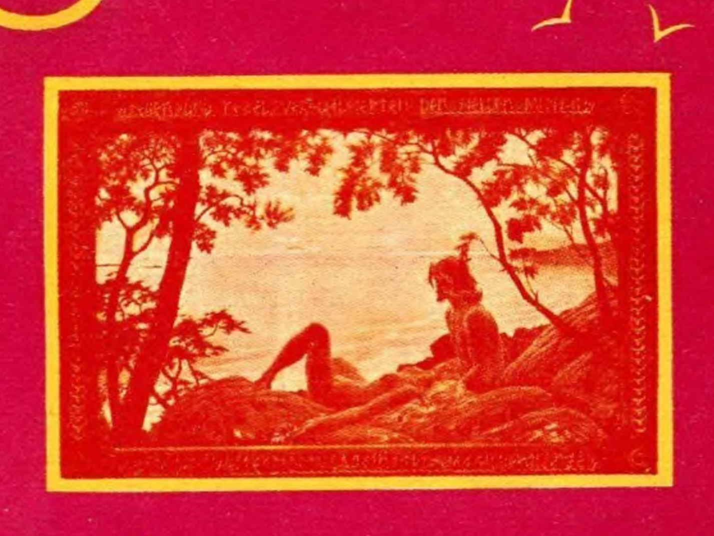
РОМАНЪ ЦАРЕВИЧА

Юрій Галичъ

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

РОМАНЪ ЦАРЕВИЧА

ПРИМОРСКАЯ ПОВѢСТЬ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА / ГРѢШНАЯ УЛИЦА № 25
1 9 3 1

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ДРАУГСЪ»
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.

1.

Море сверкало, солнце смѣялось, небо струило майскіе ароматы.

Три дѣвушки въ купальныхъ костюмахъ, бѣлыхъ съ синими полосами, взявшись за руки, кинулись въ воду.

Это было красиво.

Трое юношей, въ черныхъ трусикахъ, сдѣлавъ съ вышки прыжокъ внизъ головой, съ крикомъ бросились вслѣдъ, разсѣкая воду мускулистымъ бронзовымъ тѣломъ.

Это было красиво и, кромѣ того, виртуозно.

Вода кипѣла точно въ котлѣ. Звучалъ смѣхъ, хохотъ, веселыя восклицанія. Съ жалобнымъ стономъ, то взмывая наверхъ, то касаясь крыльями самой воды, кружились чайки:

— Кррріу!.. Кррріу!..

Впереди, на зеркальной поверхности моря, маячилъ парусъ шаланды, неподвижный, бѣлый какъ птица, навѣвавшій дремоту и лѣнь.

За нимъ, на противоположномъ берегу залива, бѣлѣли дачи — Девятнадцатая Верста, Океанская, Садъ-Городъ, заимка Конрада, Сидеми.

Щербатой стѣной тянулись приморскія горы, тонувшія въ голубоватомъ туманѣ.

А направо, осѣдлавъ голыя сопки, виднѣлся таинственный городъ, съ трамваями, банками, электричествомъ, съ маклерами и спекулянтами, съ японцами и китайцами, съ веселыми свѣтланскими барышнями, съ кафедральнымъ соборомъ и литерной батареей Б, взлетѣвшей, точно ястребъ, на самую кручу...

2.

Царевичъ живетъ двѣ недѣли въ столицѣ Приморскаго Края.

Четырнадцать дней гранитъ панели и мостовыя, приглядывается къ незнакомой толпѣ, прислушивается къ новымъ рѣчамъ, звукамъ, грохотамъ, шумамъ...

Между тѣмъ, жизнь не сулитъ, видимо, никакихъ перспективъ.

Какъ обманчивы были иллюзіи, толкавшія его, точно въ землю обѣтованную, къ берегамъ Тихаго океана, въ этотъ изумительный городъ, городъ великихъ возможностей и надеждъ, въ короткій срокъ выросшій изъ мрака зеленой тайги!

Послѣ всѣхъ испытаній, невѣроятной борьбы за право на жизнь, послѣ униженій, паденій, мытарствъ, въ некультурной и дикой полосѣ русско-китайской земли, есть, разумѣется, извѣстное наслажденіе въ томъ, чтобы пріобщиться къ благамъ цивилизаціи и почувствовать себя равноправнымъ членомъ того общества, которое состоитъ подъ защитой исконнаго національнаго флага.

Осколки бывшей сибирской арміи обезпечиваютъ въ краѣ порядокъ. Въ еще большей степени этотъ порядокъ обязанъ наличію японскаго экспе-

диціоннаго корпуса, прочно удерживающаго край въ своихъ цѣпкихъ рукахъ.

Но что касается экономической базы, послѣдняя покоится на весьма зыбкомъ фундаментѣ. Политическій смерчъ развѣялъ богатства, сокрушилъ силу коммерціи, уничтожилъ ростки тяжелой индустріи, лѣсной и каменноугольной промышленности. Остались лишь жалкія крохи былого могучаго достоянія...

Царевичъ поднялъ голову и оглянулся по сторонамъ.

По прежнему кипѣла вода. Порхали дѣвушки въ купальныхъ костюмахъ, веселыя, беззаботныя, точно бабочки или стрекозы на весеннемъ лугу. По прежнему гонялись за ними юноши, разсѣкая воду взмахами рукъ, оглашая воздухъ бодрымъ радостнымъ смѣхомъ. Мужчины, въ трусикахъ, иные совсѣмъ голые, въ чемъ мать родила, сидѣли на лавкахъ, читали газеты, обмѣнивались словами. Бѣлыя гладкія тѣла женщинъ, ласкаемыя солнечными лучами, сверкали сквозь клѣтки трельяжа, отдѣлявшаго обѣ купальни.

Жизнь идетъ неукоснительной чередой, отдѣляя, какъ эти самыя клѣтки, счастливцевъ отъ несчастливцевъ, свѣтлыхъ избранниковъ отъ темныхъ мучениковъ судьбы.

Царевичъ, въ эти минуты раздумья, имѣлъ основанія причислить себя къ послѣднимъ. Четыре нечеловѣческихъ года выпало на его плечи. Онъ вышелъ невредимымъ изъ всѣхъ положеній. Нѣкій огненный серафимъ, съ бѣлоснѣжными крыльями, стоялъ за его спиной вѣрнымъ и преданнымъ стра-

жемъ. Но какими страданіями, какой моральной и физической мукой былъ полонъ весь путь?

Лучше не вспоминать!

Жизнь пляшетъ сумасшедшій матчишъ, а въ душѣ грохочетъ мрачный танецъ Анитры. Чувства притуплены, желанія вынуждены дремать. Можетъ быть, продать душу дьяволу, а тѣло богатой старухѣ-американкѣ?..

Царевичъ закурилъ папиросу и снова перешелъ къ наблюденіямъ.

Сѣрыя мысли разсѣялись, какъ тучи въ праздничный день. Солнце и море, панорама синѣющихъ горъ, смѣхъ, сценки купанья, крутыя дѣвичьи формы, обтянутыя тонкою тканью — наполняли сознаніе легкимъ радостнымъ чувствомъ.

Женщина!

Не въ ней-ли, въ концѣ концовъ, заключается основная цѣнность существованія? Не въ этомъ-ли могучемъ влеченіи къ тайнамъ иного пола, который, подобно несказанному цвѣтку, дурманитъ, пьянитъ, властно призываетъ къ себѣ?

Увидѣть этотъ цвѣтокъ, сорвать его дерзкой рукой, насладиться его ароматомъ до самозабвенія, до безумія и отойти тихо въ нирвану, безъ мукъ, безъ боли, безъ стоновъ...

Царевичъ вспомнилъ свою прежнюю жизнь, далекую, давно отлетѣвшую въ прошлое.

Женщина играла въ ней крупную роль.

Какъ эстетъ, онъ оцѣнилъ сразу значеніе этой изящной игрушки, призванной, отъ сотворенія міра, ласкать душу и глазъ. Какъ поэтъ, онъ готовъ слагать этому культу священныя славословія...

3.

Царевичъ сидѣлъ на скамьѣ, поперемѣнно подставляя лучамъ то правый, то лѣвый бокъ, и продолжалъ пребывать въ состоянiи созерцательнаго покоя.

Время отъ времени, подносилъ къ глазамъ висѣвшiй на шеѣ маленькiй театральный бинокль, разсѣяннымъ взглядомъ скользилъ по морю, на минуту останавливалъ его на заснувшей шаландѣ, на стайкѣ игравшихъ баклановъ, на стѣнѣ далекихъ голубыхъ горъ.

Иногда взоръ его переносился на отдѣльныхъ купальщиковъ и купальщицъ и, въ этихъ случаяхъ, онъ изумлялся той смѣлости, съ которой нѣкоторые заплывали на огромное разстоянiе.

Онъ продолжалъ свои наблюденiя, отвлекавшiя его отъ сѣрыхъ, щемящихъ, докучливыхъ мыслей, переносившiя въ область какихъ-то новыхъ, давно не испытанныхъ ощущенiй и, казалось, готовъ былъ сидѣть до вечера, наслаждаясь моремъ, солнцемъ и смѣхомъ...

— Царевичъ?.. Ваше высочество?

Опираясь на суковатый костыль, передъ нимъ стоялъ человѣкъ.

Онъ былъ худъ, черноволосъ, съ блѣднымъ утом-

леннымъ лицомъ. На его тѣлѣ, покрытомъ густою звѣриною шерстью, проступали ключицы и ребра. Длинныя обезьяньи руки были обтянуты сухими мускулами.

Широко улыбаясь, незнакомецъ произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ.

Въ то же мгновенье, сидѣвшіе рядомъ, два хроникера, „Вечерняго Звона" и „Утренней Почты", переглянулись между собой, мигомъ сорвались и, перегоняя другъ друга, сверкая голыми пятками, побѣжали въ кабины.

Царевичъ поднялся со скамьи.

Лицо его, въ свою очередь, отразило извѣстное удивленіе.

— Капитанъ Моркотунъ? — спросилъ онъ не вполнѣ увѣреннымъ тономъ и протянулъ руку. — Афанасій Ивановичъ?

Незнакомецъ захохоталъ:

— Такъ точно!.. Собственноручно!.. Ну, братъ, и тебя-то я не призналъ съ перваго взгляда!.. Четыре года прошло!.. Шутка сказать!

Незнакомецъ снова захохоталъ.

— Ну, разсказывай? — продолжалъ капитанъ. — Что?.. Какъ?.. Гдѣ жилъ?.. Какъ веселился?.. Давно-ли въ нашихъ краяхъ?.. Сядемъ на солнышко!.. А вѣдь славно здѣсь, въ нашемъ клубѣ!.. Море!.. Воздухъ!.. Красивыя дѣвушки!.. Что ты скажешь?.. Чрезвычайно радъ съ тобой встрѣтиться!.. Вотъ ужъ не ожидалъ!.. Четыре года ни слуху, ни духу!.. Грѣшный человѣкъ, признаться, думалъ и не увижу!

Завязалась бесѣда.

Царевичъ, въ краткихъ словахъ, передалъ свою жизнь. Капитанъ Моркотунъ подѣлился своею не менѣе выразительной повѣстью. По привычкѣ, точно командуя, рубилъ короткими фразами, морщился, щурилъ острые, какъ у горностая, глаза, уснащалъ рѣчь сочными прибаутками.

— Э, да что тамъ!.. — заключилъ Афанасій Ивановичъ и взмахнулъ костлявой рукой. — Дѣло прошлое!.. Словомъ, изъ всей компаніи только трое насъ и осталось!.. Я да Ефимъ да Пульхерія Ивановна!

— Пульхерія Ивановна? — звонко разсмѣялся Царевичъ. — Да неужели?

Капитанъ Моркотунъ улыбнулся въ свою очередь:

— Жива, старуха!.. Что съ ней станется!.. Соблюдаю, какъ слѣдуетъ!.. Пятнадцать лѣтъ живу въ добромъ согласіи!.. Ну, а какъ у тебя? — спросилъ неожиданно капитанъ. — Все холостой?.. Все невѣсту ищешь съ каменнымъ домомъ?.. Брось!.. Не время заниматься такими дѣлами!

— Ты что же? — снова спросилъ Афанасій Ивановичъ. — Пожалуй уже есаулъ, чего добраго, войсковой старшина?

— Полковникъ! — скромно отвѣтилъ Царевичъ.

— Полковникъ? — изумился Афанасій Ивановичъ и свистнулъ. — Фью-фью-фью!.. Въ двадцать восемь лѣтъ — и полковникъ?.. Лихо, братъ!.. Это я понимаю!

Долго сидѣли еще два собесѣдника, вспоминая далекую жизнь, боевыхъ сослуживцевъ — кто суще-

ствуетъ, а кто уже сыгралъ въ ящикъ, перебирая эпизоды изъ „Ледяного Похода“, строя догадки, планы, предположенія.

Потомъ встали, одѣлись, направились къ выходу.

Въ вестибюлѣ, передъ зеркаломъ, Царевичъ на минуту остановился.

Изрѣзанное надписями стекло отразило щеголеватую, ладно скроенную фигуру, въ сѣрой, видавшей виды, кавказской черкескѣ, высокій лобъ, сѣрые выразительные глаза, тонко очерченный, съ легкой горбинкою носъ, коротко остриженные на англійскій манеръ усы...

Солнце склонялось.

Беззвучно, рѣя мохнатыми крыльями, падалъ тихій приморскій вечеръ.

Аметисты дымчатыхъ сопокъ заголубѣли въ бронзовой оправѣ заката...

4.

Въ меблированныхъ комнатахъ „Парадизъ“ было прилично и тихо.

Хозяйка гостиницы, Аида Раймондовна госпожа Салатко-Петрище, особа не первой молодости, но достаточно сохранившаяся, предпочитала сдавать комнаты одинокимъ солиднымъ жильцамъ.

Царевичъ снималъ угловой номеръ, съ двумя окошками на Морскую и Корейскую улицы. Помѣщеніе было невелико. Въ немъ стоялъ ломберный столъ, широкая полуторная кровать, платяной шкафъ, рукомойникъ. На полу лежалъ японскій коверъ съ вылинявшими отъ времени хризантемами. Штофныя гардины и японскій пейзажъ, съ сахарной головой Фузіямы, довершали убранство.

Аида Раймондовна, любившая простоту умныхъ кокотокъ и, по этой причинѣ, одѣвавшаяся неизмѣнно въ гладкое черное платье, какъ говорится — запомни и поди-ка сюда! произвела, въ общемъ, пріятное впечатлѣніе.

Сверкая золотымъ зубомъ и рыжимъ шиньономъ, она освѣдомилась объ имущественномъ и общественномъ положеніяхъ, съ манерами польской аристократки задала нѣсколько интимныхъ вопро-

совъ и, шутливо погрозивъ пальчикомъ, заключила условіе.

— Для васъ, монъ колонель, я дѣлаю исключеніе! — сказала Аида Раймондовна. — Комната съ гарнитуромъ и пансіономъ ходитъ обыкновенно за четыре іены!.. Вы будете платить только двѣ!.. Въ этой комнатѣ жилъ американскій посланникъ!

— Славная фемина! — подумалъ Царевичъ. — Интеллигентный, порядочный человѣкъ!

Недѣля прошла въ обоюдномъ согласіи.

Комната отвѣчала всѣмъ требованіямъ удобства и гигіены. Столъ былъ здоровый, обильный, питательный. Отношенія между хозяйкою и жильцами не оставляли желать ничего лучшаго.

Первый конфликтъ произошелъ черезъ семь дней, на почвѣ неуплаты Царевичемъ долговыхъ обязательствъ. Аида Раймондовна недовольно поморщилась. Царевичъ принесъ извиненіе и далъ обѣщаніе внести всю сумму сполна, по полученіи ожидаемыхъ долларовъ изъ Нью-Іорка.

Но доллары не приходили и долгъ возрасталъ.

Второй конфликтъ имѣлъ мѣсто на восьмой день. Познакомившись съ молодой арфисткой изъ сада „Италія", Царевичъ привелъ ее въ номеръ, угостилъ чаемъ съ кондитерскими пирожными и провелъ съ нею ночь.

Аида Раймондовна потеряла присущую выдержку и, на этотъ разъ, съ манерами далеко не аристократическими, сдѣлала выговоръ.

— Это возмутительно! — сверкая золотымъ ꙇмъ и дрожа отъ негодованія, кричала Аида Рай-

мондовна. — Вы оскорбляете репутацію моего дома!.. Стыдитесь, полковникъ!

Наконецъ, послѣдній конфликтъ произошелъ третьяго дня.

Здѣсь было все — и накопившійся долгъ, и непріятное воспоминаніе объ арфисткѣ и, наконецъ, драматическая сцена за столомъ, во время обѣда, когда раздраженный попреками и намеками, Царевичъ позволилъ себѣ нанести оскорбленіе женщинѣ.

Онъ выскочилъ изъ-за стола, швырнулъ салфетку и, въ присутствіи постороннихъ, далъ волю своему гнѣву.

— Къ чорту! — крикнулъ Царевичъ сорвавшимся голосомъ. — Довольно!.. Ноги моей больше не будетъ!.. Я оставляю этотъ публичный домъ!

— А, такъ? — зашипѣла, словно гадюка, Аида Раймондовна и лицо ея пошло лиловыми пятнами. — Бардзо добже!.. Вонъ!.. Сію минуту!.. Шуллеръ!.. Байструкъ!.. Каторжанецъ!.. Лайдакъ!

Грозовыя тучи сгущались.

Выходъ изъ положенія былъ настоятельно необходимъ.

Петля затягивалась все туже...

Въ подавленномъ настроеніи, закуривая и швыряя папиросу за папиросой, обдумывая одинъ планъ за другимъ, Царевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ. Гостинницы онъ не покинулъ и продолжалъ оставаться въ угловомъ помѣщеніи, съ видомъ на Морскую и Корейскую улицу, съ выцвѣтшимъ японскимъ ковромъ и сахарной головой Фузіямы.

Служба не входила въ его разсчеты.

Онъ чувствовалъ моральное утомленіе и потреб-

ность въ продолжительномъ отдыхѣ. Съ другой стороны, весь административный и хозяйственный аппаратъ правительства Земскаго Края, начиная отъ министерскихъ постовъ, вплоть до скромной должности милицейскаго или сторожа провіантскаго склада, былъ прочно занятъ.

Оставалась, правда, свободная профессія, служеніе міру искусствъ, поэзія, журналистика, работа газетнаго дѣятеля. Въ этомъ отношеніи, хотя и безъ малѣйшаго опыта, Царевичъ чувствовалъ за собой извѣстныя силы и готовился ихъ примѣнить.

Былъ еще одинъ планъ, вѣрнѣе мимолетная мысль, промелькнувшая на мгновенье и столь же быстро исчезнувшая.

Онъ вспомнилъ о хозяйкѣ, о той же Аидѣ Раймондовнѣ, особѣ не молодой, но достаточно сохранившейся.

Въ теченіе цѣлой недѣли она дарила его исключительной благосклонностью. Нѣсколько разъ онъ ловилъ взоры, съ томною нѣжностью останавливавшіеся на немъ. Случай съ арфисткой изъ сада „Италія" круто оборвалъ добрыя отношенія.

Это была ошибка, это была досадная опрометчивость.

Но если предать забвенію этотъ фактъ, если въ свою очередь проявить нѣжность, вниманіе, маленькое любовное чувство?

Царевичъ презрительно усмѣхнулся

Сорокалѣтнія прелести Аиды Раймондовны госпожи Салатко-Петрище его не привлекали.

Въ этомъ отношеніи, онъ предпочелъ бы двухъ дѣвушекъ двадцати лѣтъ...

5.

Каждое утро, тотчасъ послѣ чая, Царевичъ совершалъ небольшую прогулку.

Онъ направлялся обычно въ сторону бухты, нѣкоторое время бродилъ по берегу моря, послѣ чего присаживался на камень или на штабель грузившихся досокъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за работой.

Передъ нимъ, точно бездонныя пропасти, раскрывались трюмные зѣвы, скрипѣли блоки и краны, визжали лебедки, съ грохотомъ ползли по палубамъ тяжелыя цѣпи и якоря.

Съ жадной тоской онъ наблюдалъ, какъ нагруженный пароходъ, дымя гигантскими трубами, разворачивался въ синей водѣ, описывалъ полукругъ и направлялся къ выходу. И до самаго вечера, бывало, глядѣлъ, какъ сверкая иллюминаторами и топовыми огнями на мачтахъ, шли корабли, уходившіе въ недосягаемую Европу.

Когда же порой, совсѣмъ близко, усѣявъ бортъ пассажирами, гремя звуками вальса или джацъ-банда, на всѣхъ парахъ проходилъ щеголеватый англичанинъ, итальянецъ или французъ, какая жестокая буря подымалась въ его прокуренной, заплеванной, опустошенной душѣ!..

На этотъ разъ, отказавшись отъ обычной про-

гулки, Царевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и механически перелистывалъ книгу въ скромномъ коленкоровомъ переплетѣ.

Это была „Антологія русскихъ поэтовъ отъ Пушкина до нашихъ дней".

Прежде нежели приняться за литературный трудъ, было необходимо освѣжить въ памяти произведенія классиковъ, провѣрить размѣры, воскресить рифмы, настроить воображеніе, словомъ, произвести извѣстную подготовительную работу и направить умъ къ поэтическимъ воспріятіямъ.

Однако, не взирая на проявленную настойчивость, умственное напряженіе разсѣивалось побочными обстоятельствами.

Сначала это была муха, обыкновенная муха, съ противнымъ жужжаньемъ кружившаяся по комнатѣ, дерзко садившаяся то на щеку, то на носъ, пока ловкимъ движеніемъ Царевичъ не припечаталъ ее книгой къ столу.

Потомъ, китаецъ - разнощикъ, остановившись подъ окнами, загнусавилъ знакомую фразу. Онъ произносилъ ее каждый день, нараспѣвъ, въ опредѣленный часъ:

— Ли-и-ба!

— Кла-а-ба!

— Чи-лим-са!

Выждавъ минуту-другую, поворачивался съ лоткомъ и направлялся въ сосѣдній проулокъ.

Потомъ, изъ ближайшаго номера раздался дѣвичій голосокъ. Это была Галинка, смѣшливая дурочка, свѣжая, розовая, вѣчно улыбающаяся Галинка. Она, видимо, только что вернулась со службы, пере-

одѣвалась къ обѣду и звала служанку. Изъ коридора тянуло острымъ запахомъ лѣнивыхъ щей и пельменей.

Наконецъ, въ двери послышался стукъ.

Царевичъ насторожился.

Это могъ быть прачка-японецъ, кондитеръ со счетомъ, милицейскій надзиратель второго участка, можетъ быть, капитанъ Афанасій Ивановичъ Моркотунъ.

Царевичъ растянулся въ креслѣ, принялъ независимый видъ и сказалъ:

— Прошу!

6.

За дверью послышались неувѣренные шаги, шушуканье, сдавленный шопотъ. Кто-то крякнулъ, кто-то густо откашлялся и дверь открылась.

Впереди показался крупный чернобородый мужчина, въ русской поддевкѣ и въ лакированныхъ сапогахъ, державшій въ рукахъ серебряный подносъ, накрытый салфеткой, на которой лежалъ каравай изъ свѣтлой пшеничной муки.

За нимъ виднѣлось еще нѣсколько лицъ, въ сюртукахъ и въ такихъ же высокихъ сапогахъ бутылками. Изъ-за створки дверей выглядывали два молодыхъ хроникера „Вечерняго Звона“ и „Утренней Почты“.

Чернобородый мужчина поклонился въ поясъ, крякнулъ и произнесъ:

— Имѣю честь представиться!.. Предсѣдатель приморскаго сапожнаго цеха и активный членъ мѣстнаго Союза Русскихъ людей, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга!.. Не обезсудьте, ваше высочество!.. По старому исконному обычаю, разрѣшите!.. Чѣмъ богаты, тѣмъ рады, какъ говорится!

Съ этими словами онъ поставилъ подносъ съ хлѣбомъ-солью на столъ и по имени сталъ представлять присутствующихъ:

— Директоръ-распорядитель I-го на паяхъ мукомольнаго общества, Никита Андреевичъ Яровой!.. Членъ правленія акціонерной мѣхопромышленной и китобойной компаніи „Камчадалъ“, Егоръ Ивановичъ Бѣлкинъ!.. Секретарь Иманскаго торгово-промышленнаго союза и предсѣдатель мѣстнаго отдѣла садоводства и плодоводства, Африканъ Тарасовичъ Казаченко!..

Въ первую минуту, Царевичъ совсѣмъ было растерялся.

Онъ раскрылъ широко ротъ, глаза его безпокойно забѣгали во всѣ стороны, съ недоумѣніемъ, съ удивленіемъ, пожалуй, даже съ нѣкоторой тревогой.

Однако, овладѣвъ чувствами и съ чрезвычайной быстротой оцѣнивъ обстановку, пожалъ руку гражданину Чернѣгѣ и кивкомъ головы отвѣтилъ на поклонъ остальныхъ.

Гражданинъ Чернѣга, шаркая неловко ногами и крякая, съ почтительною улыбкой, произнесъ еще нѣсколько словъ:

— Прослышаны, дескать, о томъ, что проѣздомъ, въ меблированныхъ комнатахъ „Парадизъ“... Что безо всякой свиты, почитай безъ необходимыхъ удобствъ и всего прочаго... Что въ освободительной борьбѣ, во имя спасенія Родины и такъ далѣе... Что Союзъ, молъ, привѣтствуетъ желанное совокупленіе всѣхъ національно мыслящихъ силъ, подъ главенствомъ признаннаго вождя, для окончательнаго сокрушенія ненавистнаго ига... Ну и то, и другое, и прочее, и тому подобное, какъ говорится!..

Царевичъ не противорѣчилъ.

Больше того, съ усиліемъ удерживаясь отъ улыбки, изумленія и разбиравшаго его смѣха, онъ разыгралъ неожиданную роль съ искусствомъ подлиннаго комедіанта.

— Была не была! — подумалъ Царевичъ. — Пропадать, такъ съ музыкой!

Прежде всего, онъ поблагодарилъ за вниманіе... Замѣтилъ, что точно, европейскій концертъ пришелъ къ желанному соглашенію... Что всѣ спорные пункты улажены и, въ ближайшее время, намѣчается интервенція въ международномъ масштабѣ... Что лично онъ, по соображеніямъ внѣшней политики, рѣшилъ повстрѣчаться со своимъ другомъ, его величествомъ королемъ Сіамезіи, и вскорѣ отъѣзжаетъ на югъ... Что, наконецъ, по тѣмъ же соображеніямъ, все высказанное надлежитъ хранить въ тайнѣ...

— Въ строжайшей тайнѣ! — добавилъ наставительнымъ тономъ Царевичъ, подавъ руку гражданину Чернѣгѣ и давая этимъ понять, что аудіенція закончена.

Присутствующіе, пятясь задомъ къ дверямъ, продолжали отвѣшивать почтительные поклоны...

Съ уходомъ гостей, Царевичъ задумался.

— Пропадать, такъ съ музыкой! — повторилъ онъ, разглядывая каравай изъ пшеничной муки.

— Крупчатка! — произнесъ Царевичъ и выковырялъ пальцемъ изюминку. Онъ положилъ изюминку въ ротъ, потрогалъ пальцемъ подносъ, выдернулъ его изъ подъ хлѣба.

На полъ упалъ большой бѣлый конвертъ.

А на конвертѣ, выведенная крупнымъ размашистымъ почеркомъ, стояла надпись:

Въ фондъ
„СПАСЕНІЯ РОДИНЫ“

7.

Трубите трубы, звените кимвалы, бряцайте арфы и лиры поэтовъ!

Съ конвертомъ въ рукѣ, выплясывая сложные па, нѣчто среднее между чардашомъ и танцемъ апашей, Царевичъ кружился по комнатѣ, вокругъ ломбернаго стола.

Одновременно, пріятнѣйшимъ баритономъ уста его напѣвали мелодію изъ „Карменъ“:

„Торреадоръ, смѣлѣе въ бой!“

Онъ описывалъ уже пятый туръ, пока не упалъ на кровать. Онъ не смѣялся, онъ хохоталъ дикимъ звѣринымъ смѣхомъ. Онъ захлебывался отъ счастья.

Потомъ, мало-по-малу придя въ себя, подсѣлъ къ столу.

Онъ вытащилъ изъ конверта пачку билетовъ и сталъ пересчитывать ихъ во второй разъ. Онъ откладывалъ одну бумажку за другой, смотрѣлъ на свѣтъ, прощупывалъ пальцами.

Желтенькія бумажки были сотеннаго достоинства, однѣ подержанныя, уже бывшія въ обращеніи, другія же совсѣмъ новенькія, пахнувшія какимъ-то особымъ экзотическимъ запахомъ, съ портретами

старыхъ бородатыхъ японцевъ, съ оригинальными японскими іероглифами, которые, на подобіе столбиковъ, тянулись отъ верхняго края до нижняго.

Уже давно, очень давно, въ его рукахъ не было подобнаго капитала, прочнаго, крѣпкаго, въ видѣ иностранной валюты. Когда-то водились добрыя царскія деньги, прекрасной чеканки, съ портретомъ всемилостивѣйшаго монарха и самодержца всея Россіи. На смѣну пришли революціонныя керенки, коммунистическіе дензнаки, колчаковскія сибирки, семеновскіе голубки и прочая рвань.

Но тысячу іенъ, полноцѣнныхъ японскихъ іенъ, онъ держитъ въ рукахъ первый разъ.

Случай — изумительный режиссеръ!

Царевичъ почувствовалъ себя спасеннымъ.

Всѣ докучныя мысли, похоронныя думы и траурныя заботы исчезли въ одно мгновенье. Передъ нимъ, словно написанная рукой талантливаго художника, ярко выростала картина иной жизни.

Мелькнули детали комическаго спектакля.

Появленіе неожиданной депутаціи... Почтительные поклоны, слегка заискивающія улыбки... Не совсѣмъ связная, можетъ быть, но торжественная рѣчь предсѣдателя... Каравай хлѣба и подъ нимъ... деньги!.. Большія деньги, крупныя деньги, свалившіяся положительно точно съ неба!

Царевичъ задумался.

— Что это значитъ?

Шутка, умыселъ, мистификація?.. Кто оказалъ ему эту неожиданную услугу?.. Любопытно знать, что ввело въ заблужденіе?.. Фамилія?.. Или, можетъ быть, нѣкоторое физическое сходство?.. На-

конецъ, можетъ быть, просто вздорные слухи, которыми полнится городъ, которые, точно грибы-поганки, выростаютъ едва-ли не каждый день?

Вотъ не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, появился молодой человѣкъ, назвавшійся княземъ Барклай де Толли, якобы личнымъ адъютантомъ покойнаго императора, и выудилъ не малую толику у довѣрчивыхъ гражданъ.

Царевичъ захохоталъ:

— Предсѣдатель приморскаго сапожнаго цеха, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга и Ко!... Ха-ха-ха!.. А въ общемъ, симпатичный брюнетъ!.. Милый, душевный, обходительный человѣкъ!

На сердце было все-таки неспокойно.

Что-то грызло, что-то терзало.

— Шутка, случай, мистификація? — думалъ Царевичъ. — Допустимъ, пускай будетъ мистификація!.. Но его положеніе столь отчаянное, если можно такъ выразиться, столь лягавое, что отказываться отъ этихъ денегъ нельзя!.. Мораль не потерпитъ никакого ущерба!.. Это не больше, какъ долгосрочный заемъ или безпроцентная ссуда, которую онъ беретъ подъ дружескій вексель!.. Рано или поздно, полученная сумма будетъ полностью возвращена, съ благодарностью, вмѣсто процентовъ!

Царевичъ почувствовалъ одновременно нѣкоторую тревогу:

— Исторія можетъ разоблачиться въ кратчайшій срокъ!.. Что дѣлать, если потребуютъ деньги назадъ?.. Не положить ли ихъ въ банкъ, на имя Афанасія Ивановича?.. Можетъ быть, лучше исчез-

нуть, уѣхать обратно въ Харбинъ, или въ Шанхай, въ Мукденъ, въ Нагасаки?

Царевичъ снова задумался.

— Глупости! — произнесъ онъ черезъ минуту. — Съ какой стати?.. Ему подарили тысячу іенъ и онъ не видитъ причинъ отказываться!.. Онъ не отказался, онъ принялъ подарокъ!.. Если потребуютъ, скажетъ, что прожилъ, что потерялъ, что подвергся нападенію злоумышленниковъ!.. Наконецъ, офиціально ему поднесли каравай!.. Какія деньги?.. Денегъ онъ и въ глаза не видѣлъ?.. Пардонъ, денегъ онъ теперь не отдастъ!

Пытливымъ окомъ Царевичъ окинулъ комнату, прощупалъ обивку кресла, тюфякъ, залѣзъ подъ кровать.

На мгновенье, взоръ остановился на старомъ парусиновомъ чемоданѣ.

Царевичъ открылъ чемоданъ и досталъ „Ящикъ Пандоры"...

8.

Это былъ небольшой квадратный ларецъ изъ карельской березы, со стершимся отъ времени лакомъ, съ металлическими оковками по угламъ.

Царевичъ положительно не въ состояніи припомнить, когда и при какихъ обстоятельствахъ этотъ ларецъ перешелъ въ его обладаніе. Во всякомъ случаѣ, это было очень давно.

Въ дѣтствѣ, на зарѣ туманной юности, и потомъ, уже въ вполнѣ сознательные годы, ларецъ изъ карельской березы составлялъ неотъемлемую собственность его нынѣшняго владѣльца. Можетъ быть, онъ перешелъ по наслѣдству, можетъ быть, полученъ въ дѣтствѣ, въ качествѣ рождественскаго подарка.

Царевичъ помнитъ только, что нѣкогда въ этомъ ларцѣ онъ держалъ оловянныхъ солдатиковъ, игрушечный пистолетикъ съ пистонами, разноцвѣтныя стеклышки и коробочки со всякою дрянью — засушенными жучками, облатками, карамельками, фарфоровыми яичками.

Потомъ, въ немъ помѣщалась коллекція марокъ, стальныхъ перышекъ и монетъ. Въ годы юности ларецъ выполнялъ роль дорожнаго несессера, въ которомъ хранилось мыло, небольшое круглое зеркальце и туалетныя принадлежности.

Въ настоящее время, „Ящикъ Пандоры“, какъ прозвалъ его Царевичъ по склонности мыслить поэтическими образами, хранилъ нѣчто другое...

Маленькимъ бронзовымъ ключикомъ Царевичъ открылъ ларецъ и поднялъ крышку. Потомъ, осторожными движеніями сталъ извлекать содержимое.

Прежде всего онъ вынулъ объемистую тетрадь, подъ заглавіемъ „Приходо-расходная книга“. Наряду съ цыфровыми данными, относившимися къ сравнительно отдаленному времени, страницы тетради были испещрены замѣтками, какими-то выписками и списками, рифмами на „окъ“, „екъ“ и „акъ“, географическими названіями, начатою поэмой изъ эпохи гражданской войны — „Романъ и Людмила“, анекдотами „для некурящихъ“, выпиской изъ статута ордена святого Георгія Побѣдоносца.

Послѣ этого, онъ извлекъ „Полный послужной списокъ Чеченскаго коннаго полка прапорщика Ивана Царевича“ со всѣми послѣдующими измѣненіями и дополненіями. Это была большая тетрадь, размѣра in folio, согнутая пополамъ, прошнурованная, скрѣпленная сургучной печатью.

Были еще кое-какія вещицы, не заслуживающія, впрочемъ, серьезнаго упоминанія, какъ-то: дамскій вѣеръ съ перламутровой ручкой, бусы изъ голубого стекляруса, пара ломбардныхъ квитанцій, нѣсколько писемъ, хрустальный флаконъ изъ-подъ духовъ „Жокей-Клубъ“, краткое росписаніе поѣздовъ за 1913 годъ, дамская шелковая подвязка.

Царевичъ опорожнилъ ящикъ и закурилъ папиросу.

Медленно выпуская одинъ клубокъ за другимъ,

онъ слѣдилъ за дымкомъ, за его кольцеобразными очертаніями, принимавшими все болѣе расплывчатую форму, пока не пропадали на потолкѣ.

— Не такова ли и жизнь? — подумалъ Царевичъ и отдался неожиданнымъ размышленіямъ.

Гдѣ-то, зарождаясь въ тайныхъ истокахъ, струится она ручейкомъ... Ручей переходитъ въ могучую полноводную рѣку... Рѣка изсякаетъ и превращается въ прахъ, въ испаренія, въ дымъ... Все уходитъ, все исчезаетъ... Остаются воспоминанія и кое-какія вещественныя доказательства... На долго ли?

Царевичъ швырнулъ окурокъ.

Потомъ, указательнымъ пальцемъ нажалъ кнопку.

И открылось двойное дно...

9.

Здѣсь необходимо сдѣлать краткое отступленіе.

Чтобы не утомлять вниманія, исторія будетъ изложена схематически, въ общихъ чертахъ.

Итакъ...

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, въ погожій іюньскій вечеръ, маленькій городокъ на Волыни былъ взволнованъ неожиданнымъ происшествіемъ.

Капельмейстеръ Н-го пѣхотнаго полка только что набилъ трубку крѣпкимъ голландскимъ кнастеромъ и готовился идти на обычную репетицію въ музыкантскую команду.

Совершенно внезапно, Антонъ Леопольдовичъ услыхалъ звукъ.

Его музыкальное ухо приписало звукъ флейтѣ или гобою. Это были тонкія и нѣжныя рулады изъ какой-то неизвѣстной оперы, то затихавшія, то возобновлявшіяся съ новою силой.

Это былъ не Вагнеръ, не Верди, не Глинка, и даже не Мендельсонъ. Это напоминало скорѣе всего Сибеліуса или Шопена.

Антонъ Леопольдовичъ отложилъ въ сторону длинный чубукъ и прислушался.

Звуки шли отъ дверей.

Въ полномъ недоумѣніи, Антонъ Леопольдовичъ

поднялся съ кресла, сдѣлалъ подагрическими ногами нѣсколько шаговъ и распахнулъ дверь.

На ступеняхъ, завернутый въ кружевныя пеленки, лежалъ младенецъ.

Онъ вопилъ сейчасъ изо всей мочи, теръ рученками красное, искривленное гримасой лицо, неистово перебиралъ ножками.

Антонъ Леопольдовичъ былъ изумленъ.

Неожиданный сюрпризъ былъ ему непріятенъ... Не обременитъ ли ребенокъ скромный бюджетъ?.. Не внесетъ ли въ домъ излишнія хлопоты?.. Наконецъ, какъ къ этой исторіи отнесется начальство?

Но душевная мягкость и теплота одержали верхъ надъ голосомъ благоразумія и разсудка.

Антонъ Леопольдовичъ отнесъ ребенка женѣ.

Само собой разумѣется, бездѣтные старики приняли въ новорожденномъ самое трогательное участіе. Младенецъ былъ мужескаго пола, здоровъ, крѣпокъ на видъ. Дорогія пеленки наводили на размышленія. Въ пеленкахъ былъ обнаруженъ бумажный листокъ, на которомъ неизвѣстной рукой было написано, что младенецъ родился тогда-то, нареченъ при святомъ крещеніи Іоанномъ, что вмѣстѣ съ собой ребенокъ принесетъ въ домъ извѣстныя матеріальныя компенсаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, по истеченіи мѣсяца, Антонъ Леопольдовичъ получилъ денежный переводъ, въ размѣрѣ ста царскихъ рублей. Съ точностью вполнѣ исправнаго часового механизма, переводъ сталъ поступать каждый мѣсяцъ. Н-ій пѣхотный полкъ, въ лицѣ полковыхъ дамъ и общества господъ офицеровъ, принялъ со своей стороны заботы объ усыно-

вленномъ младенцѣ и, вмѣстѣ съ щедрыми вещественными подношеніями, присовокупилъ милое прозвище „Сына Полка“.

При такихъ обстоятельствахъ протекло дѣтство Ивана Антоновича, его поступленіе въ луцкую классическую гимназію, его отрочество и первая юность.

Не взирая на годы, проведенные въ родномъ полку, Иванъ Антоновичъ не чувствовалъ особаго призванія къ военной профессіи. Онъ поступилъ въ Политехническій институтъ.

И здѣсь произошло новое обстоятельство.

Иванъ Антоновичъ вскорѣ получилъ единовременный переводъ на сравнительно крупную сумму, послѣ чего регулярныя пособія прекратились. Одновременно, отъ нѣкоего нотаріуса было получено извѣщеніе:

„Имѣю честь увѣдомить, что согласно послѣдней волѣ моего довѣрителя, съ наступленіемъ совершеннолѣтія, вамъ надлежитъ прибыть въ мою контору, для ввода васъ во владѣніе, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ имуществомъ.“

Ницца, 15 іюля 1914 года. № 121315.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Нотаріусъ Ж. Жакомино.

Неожиданная война перевернула вверхъ дномъ всѣ разсчеты. Повинуясь патріотическому порыву, Иванъ Антоновичъ смѣнилъ мундиръ молодого студента на бешметъ и черкеску одного изъ конныхъ полковъ Дикой дивизіи.

Революція окончательно спутала карты.

Она оборвала всѣ связи и всѣ возможности. Хлопоты о далекомъ наслѣдствѣ отошли надолго на задній планъ. Новая патріотическая идея увлекла юнаго прапорщика и бросила въ ряды героической арміи, на кровавую титаническую борьбу.

Кубань и Донъ, Самара, Казань и Челябинскъ, тяжелый бой на Тоболѣ, Омскъ, Красноярскъ, великій сибирскій походъ — таковы отдѣльные эпизоды сравнительно недавняго прошлаго, изъ котораго Иванъ Антоновичъ вышелъ физически невредимымъ, но съ усталой надломленною душой.

Въ настоящую минуту мы застаемъ его въ меблированной комнатѣ гостинницы „Парадизъ", склонившимся надъ ларцомъ изъ карельской березы...

10.

Что могло бы храниться на потайномъ днѣ небольшого деревяннаго ящика съ бронзовыми оковками?

Документы государственнаго значенія, секретная переписка, дипломатическая вализа?

Можетъ быть, денежныя росписки, билеты государственной 4½% ренты или I-го внутренняго съ выигрышами займа?

Ничего подобнаго!

Здѣсь просто хранилась коллекція...

Коллекціи, какъ извѣстно, бываютъ различныя.

Первое, наиболѣе распространенное мѣсто, занимаетъ коллекція филателистическая.

Существуютъ люди, странные люди, которые находятъ особое наслажденіе въ собираніи маленькихъ цвѣтныхъ лоскутковъ бумаги, желтыхъ, синихъ, зеленыхъ, алыхъ, фіолетовыхъ и многихъ иныхъ, съ изображеніемъ королевскихъ головъ, животныхъ различныхъ породъ, какъ-то: слона, бегемота и ламы, страуса, попугая, колибри, или парусныхъ джонокъ, монументовъ, государственныхъ дѣятелей, женщинъ въ фригійскомъ колпачкѣ или мужчинъ съ звѣроподобными мордами, съ серпомъ, молотомъ и звѣздой.

Второе мѣсто занимаетъ по праву коллекція ну-

мизматическая. Собираніе старинныхъ монетокъ, ихъ классификація и сортировка по различнымъ признакамъ, въ отношеніи эпохи, національныхъ особенностей, металлу — благородному и неблагородному, удѣльному вѣсу и значенію, составляетъ очередное занятіе многихъ людей, не вѣдающихъ чѣмъ заполнить часы убійственно тянущихся сутокъ.

Собираніе подобной коллекціи имѣетъ за собой извѣстное оправданіе. Въ минуты черной полосы жизни, ее не такъ трудно превратить въ обычныя цѣнности.

Можно еще сказать про коллекціи мотыльковъ и насѣкомыхъ, жесткокрылыхъ, членистоногихъ, безпозвоночныхъ, про коллекціи глиняныхъ трубокъ, золотыхъ и серебряныхъ табакерокъ, тарелочекъ изъ саксонскаго или севрскаго фарфора.

Можно упомянуть про коллекціи металловъ и минераловъ, персидскихъ, турецкихъ, текинскихъ и дагестанскихъ ковровъ, музыкальныхъ инструментовъ, художественныхъ произведеній великихъ мастеровъ кисти, порнографическихъ карточекъ, старинныхъ рукописей и цѣнныхъ миніатюръ.

Иванъ Антоновичъ не былъ ни филателистомъ, ни нумизматомъ.

Онъ коллекціонировалъ — любовь...

Въ самомъ дѣлѣ, то, что открылось бы сейчасъ взору посторонняго человѣка, привело бы его въ немалое изумленіе.

На потайномъ днѣ березовато ларца, плотно уложенныя и перевитыя ленточками, покоились, въ особой картонкѣ, шелковистыя пряди.

Однѣ изъ нихъ были точно вороново крыло, съ

синимъ отливомъ. Другія, наоборотъ, золотистаго цвѣта и сверкали, какъ солнечный лучъ. Были пряди нѣжно-каштановыя, русыя, блѣдножелтыя, точно ржаной снопъ или ленъ. Были пряди огненно-рыжія, горѣвшія какъ шкура пантера или львицы. Была, наконецъ, одна прядь роскошнаго пепельнаго оттѣнка, прослоеннаго платиновыми нитями.

Рыночная цѣнность подобной коллекціи не представляла, разумѣется, крупной величины. Но это была крайне рѣдкая, можетъ быть, единственная въ мірѣ коллекція, которая по своему внутреннему, такъ сказать, содержанію, являлась исключительнымъ уникумомъ.

Шелковистыя женскія пряди, уложенныя правильными рядами, сверкавшія всѣми оттѣнками радуги, различныя по своему атомному строенію, то гладкія, или слегка вьющіяся, какъ у дѣвушекъ свѣтскаго круга, то пушистыя и даже курчавыя, какъ у представительницъ низшей расы — были когда-то связаны съ жизнью Ивана Антоновича весьма тѣснымъ образомъ.

Здѣсь была мимолетная связь, какъ у мотылька-однодневки, были случайныя увлеченія, была привязанность, страсть и глубокое чувство, тянувшееся недѣлями и даже больше, была подлинная любовь, жестоко оборванная въ самомъ расцвѣтѣ.

Въ общемъ, все было!

Безъ малаго полсотни женщинъ различныхъ соціальныхъ круговъ, индивидуальности и темперамента, различныхъ національностей, начиная отъ златокудрыхъ прибалтійскихъ фіалокъ и томныхъ столичныхъ гортензій, кончая черноземнымъ украинскимъ

макомъ и пламенными орхидеями Южной Пальмиры, безъ малаго полсотни женщинъ и дѣвушекъ оставили четкій слѣдъ въ душѣ Ивана Антоновича.

Все было и ничего не осталось, за исключеніемъ этихъ крошечныхъ сувенировъ, покоящихся на днѣ березоваго ларца:

„И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
Какъ мукъ сказать не умѣемъ — усни!
Такъ въ скорбную мы красоту превращаемъ
Минувшіе дни...“

Прошлое проходило, переплеталось между собой, сверкало ослѣпительнымъ хороводомъ.

Рой далекихъ воспоминаній закружился, точно стая чаекъ надъ моремъ...

Иванъ Антоновичъ вздохнулъ, потянулся къ конверту съ деньгами, извлекъ три сотенныя бумажки. Конвертъ сунулъ подъ картонку съ коллекціей, щелкнулъ потайной кнопкой и замкнулъ ларчикъ на ключъ.

Это было своеобразное кладохранилище и, одновременно, надежный сейфъ...

11.

Царевичъ спалъ, какъ убитый.

Проснулся онъ сравнительно рано, бодрый и свѣжій, чувствуя притокъ какихъ-то особенныхъ силъ. Настроеніе его не оставляло желать ничего лучшаго.

„На разсвѣтѣ поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ!“

замурлыкалъ онъ любимый стишокъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что все въ добромъ порядкѣ.

Быстро надѣвъ кальсоны и полосатые въ дыркахъ носки, натянувъ рейтузы и мягкіе кавказскіе сапоги изъ телячьей кожи, онъ присѣлъ за ломберный столъ и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, полировалъ передъ зеркаломъ свои исхудавшія щеки.

Потомъ, тщательно прополоскавъ горло, засучилъ рукава, отвернулъ воротъ сорочки, единственной въ гардеробѣ, и подставилъ голову подъ кранъ съ холодной водой. Долго растиралъ послѣ этого лицо, шею и грудь полотенцемъ, накинулъ черный бешметъ, поверхъ него надѣлъ сѣрую, видавшую виды, затрепанную черкеску, туго подпоясался узенькимъ ремешкомъ и нацѣпилъ кинжалъ...

Въ столовой уже сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Смущеніе жильцовъ не ускользнуло отъ наблюдательности Ивана Антоновича. Одновременно, онъ замѣтилъ на столѣ номеръ „Утренней Почты“, предупредительно положенный кѣмъ-то возлѣ его прибора.

— Ахъ, вотъ какъ? — подумалъ Царевичъ. — Чернѣга или, можетъ быть, эти газетные клопы уже вѣроятно пустили трезвонъ по всему городу?.. Очень жаль, но что дѣлать?.. Ноблессъ оближъ!

Иванъ Антоновичъ взялъ въ руки газету и увидѣлъ на первомъ листѣ, на парадномъ мѣстѣ, рядомъ съ передовицей, знакомое изображеніе человѣка, съ привѣтливымъ открытымъ лицомъ и сѣро-голубыми глазами, въ такой же точно черкесскѣ, съ царскими вензелями на погонахъ, съ бѣлымъ крестомъ на груди.

Внизу, крупнымъ шрифтомъ, была набрана коротенькая замѣтка:

„По свѣдѣніямъ нашей редакціи, высокій гость осчастливилъ городъ своимъ прибытіемъ. Остановившійся въ гостинницѣ „Парадизъ“, высокій гость отбываетъ въ близкомъ будущемъ заграницу, для согласованія международной политики въ общей борьбѣ съ силами III-го Интернаціонала“.

Иванъ Антоновичъ усмѣхнулся, отложилъ газету и сѣлъ за столъ. Замѣшательство жильцовъ возрастало. Какъ ни пытался Царевичъ разсѣять смущеніе, всѣ молчали, точно набравъ воды въ ротъ. Пригубливая чай или кофе, кидали искоса восторженныя

улыбки, а одинъ старикъ, чиновникъ акцизнаго вѣдомства, отъ волненія, запустилъ пятерню вмѣсто сахарницы въ молочный кувшинъ.

Выпивъ чашку какао, Иванъ Антоновичъ поднялся со стула. Онъ чувствовалъ себя неловко. Природная деликатность и благоразуміе подсказывали это рѣшеніе.

Царевичъ всталъ, сдѣлалъ общій поклонъ и направился къ выходу.

— Аида Раймондовна! — обратился онъ къ хозяйкѣ, стоя уже на порогѣ и какъ бы что-то неожиданно вспомнивъ. — Пардонъ!.. Мнѣ необходимо съ вами поговорить!.. Я буду васъ ожидать у себя!

Въ головѣ Ивана Антоновича созрѣлъ окончательный планъ.

Онъ не колебался, онъ не раздумывалъ.

Дальнѣйшее пребываніе въ меблированныхъ комнатахъ „Парадизъ" исключалось по нѣкоторымъ соображеніямъ.

Иванъ Антоновичъ рѣшилъ перемѣнить мѣстожительство.

Онъ остановилъ выборъ на квартирѣ Афанасія Ивановича Моркотуна...

Когда Аида Раймондовна, выглядѣвшая совершенно малиновой отъ смущенія и стыда, боязливыми неувѣренными шагами вошла въ угловую комнату, Иванъ Антоновичъ встрѣтилъ ее горькой улыбкой.

— Я покидаю васъ! — произнесъ онъ и въ его голосѣ задрожали грустныя ноты. — Сударыня, вы поймете мотивы?.. Шуллеръ, каторжанецъ — все это, конечно, понятно!.. Но что такое — лайдакъ?.. Объясните, пожалуйста, что значитъ — лайдакъ?

„Царевичъ я!.. Довольно!
Стыдно мнѣ предъ гордою полячкой унижаться!“

воскликнулъ онъ, переходя неожиданно на трагическій ладъ, скрестивъ на груди руки и съ такой силой топнувъ ногой, что Аида Раймондовна задрожала. Она не пыталась оправдываться. Краска слетѣла съ ея лица и щеки покрылись мертвенной блѣдностью.

— Ва-ва-ва! — лепетала бѣдная женщина, готовая ежеминутно лишиться послѣднихъ силъ.

Иванъ Антоновичъ снова перемѣнилъ тонъ.

— Забудемъ прошлое! — произнесъ онъ. — Мадамъ, я ликвидирую наши разсчеты!.. Вотъ ваши пятьдесятъ іенъ, а остальные прошу принять въ фондъ безработныхъ пансіонеровъ!.. Оллъ райтъ!.. Сикъ транзитъ глоріа мунди!

Съ этими словами, швырнулъ на столъ сотенную бумажку.

И прежде нежели Царевичъ опомнился, гордая полька, госпожа Салатко-Петрище, опустилась передъ нимъ на колѣно и карминовыми устами прикоснулась къ его рукѣ...

12.

Былъ еще только полдень, когда обитатели Посьетской улицы могли наблюдать переселеніе.

Въ черкескѣ, съ папиросой въ зубахъ, впереди шелъ Иванъ Антоновичъ. Онъ помахивалъ тросточкой, и любопытнымъ взоромъ скользилъ по сторонамъ. Непосредственно за нимъ плелся китаецъ-рогульщикъ, неся на плечѣ парусиновый чемоданъ.

Переселеніе было несложно.

Вотъ, застроенная каменными домами, замощенная крупнымъ булыжникомъ, улица переходитъ въ длинный проспектъ сугубо провинціальнаго типа, съ пыльною разъѣзженною дорогой, съ рядомъ вытянувшихся въ линію деревянныхъ домишекъ, съ небольшими садами и огородами, съ покосившимся тыномъ, съ лавками у крылечекъ, съ бузиной, маками, желтыми кругами подсолнуховъ, съ развѣшаннымъ для сушки бѣльемъ, съ пѣтухами, съ курами, съ собачьими будками и грѣющимися на солнцепекѣ котами.

Еще нѣсколько десятковъ шаговъ и направо уже сверкнула голубая полоска моря.

Внизу хорошо видна знакомая купальня Комнацкаго, а за ней, на серединѣ залива, заснувшій, какъ обычно, парусъ китайской шаланды и далекія синія горы...

Афанасій Ивановичъ Моркотунъ проживалъ на самой окраинѣ Эгершельда — ограниченномъ пространствѣ земли, узкою полосой, на подобіе колбасы, выбросившейся въ море.

Въ старомъ таможенномъ пакгаузѣ, передѣланномъ подъ офицерское общежитіе, онъ занималъ двѣ небольшія комнатки съ кухней. Какъ инвалидъ великой и гражданской войны, пользовался извѣстными преимуществами. Кромѣ безплатной квартиры, получалъ небольшую пенсію, въ размѣрѣ пяти золотыхъ рублей, выдававшуюся ему ежемѣсячно въ видѣ пяти серебряныхъ колесъ, съ изображеніемъ покойнаго государя, или же мелкаго полуцѣннаго серебра — гривенниковъ и пятиалтынныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, занимая должность эконома въ офицерской столовой, имѣлъ столъ и паекъ.

Такимъ образомъ, казенный прожиточный минимумъ обезпечивалъ его существованіе...

Афанасій Ивановичъ Моркотунъ принадлежалъ къ той породѣ людей, которые не обольщаютъ себя химерами, а просто и здраво, не мудрствуя лукаво и не увлекаясь фантазіями, довольствуются скромнымъ, выпавшимъ на ихъ долю достаткомъ.

Какъ старый таежникъ, сроднившійся отъ юности съ укладомъ жизни маленькаго захолустнаго гарнизона, заброшеннаго въ зеленыя дебри Приморья, капитанъ Моркотунъ научился любить и цѣнить природу, и въ общеніи съ ней видѣлъ высшее наслажденіе.

Вотъ такъ и сейчасъ, когда жребій гражданской войны вымелъ его съ береговъ Тобола и Иртыша и, закруживъ волчкомъ по сибирскимъ равнинамъ, при-

велъ вновь на родныя насиженныя мѣста, Афанасій Ивановичъ, отказавшись отъ болѣе выгодныхъ предложеній, сѣлъ тотчасъ на землю и занялся эксплоатаціей своего маленькаго хозяйства.

Собственными руками раздѣлалъ, удобрилъ и выровнялъ почву. Отъ зари до заката, въ теченіе круглаго дня, сидѣлъ на этомъ клочкѣ, орошая его водой и собственнымъ потомъ, пока не привелъ въ необходимый порядокъ. Съ первой весной началась столь же упорная работа по насажденіямъ. И въ настоящее время, голый каменистый обрывъ, круто ниспадающій къ морю, уже зацвѣлъ первымъ изумрудомъ огородныхъ растеній.

Бобы, помидоры, картошка, топинамбуры и душистый горошекъ уже выкинули свою нѣжную поросль. Жгучее приморское солнце уже раскрыло алыя чашечки маковъ. И точно своеобразный бордюръ, окаймлявшій капитанскій участокъ, кругомъ пестрѣла дикая рвань — шиповникъ, лиловый касатикъ, клещевина и златоцвѣтъ...

13.

Въ тотъ полуденный часъ, когда Царевичъ, сопровождаемый китайцемъ-рогульщикомъ, остановился передъ дверьми офицерскаго общежитія, Афанасій Ивановичъ находился на огородѣ. Сѣрый песъ волчьей породы, съ оглушительнымъ лаемъ, выскочилъ со двора и остановился передъ Царевичемъ, занявшимъ, на всякій случай, оборонительную позицію.

— Цъ-цъ! — примирительно цокалъ и подсвистывалъ Иванъ Антоновичъ на собаку и называлъ ее ласкательными именами:

— Миленькій!.. Кадошка!.. Неро!.. Цезарь!.. Касторъ! Собачка, я тебя очень люблю, повѣрь, очень люблю!.. Тубо!.. Славный песикъ, чортъ бы тебя подралъ!

Песъ рѣшительнымъ образомъ преграждалъ входъ въ общежитіе, щетинился точно подлинный волкъ, грозно рычалъ и продолжалъ лаять.

Изъ боковыхъ дверей показался широкоскулый смуглолицый гигантъ, съ коротко остриженной головой. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, онъ съ видимымъ наслажденіемъ слѣдилъ за зрѣлищемъ, послѣ чего отозвалъ пса. — „Дружокъ, подь сюда!“, отомкнулъ калитку и побѣжалъ въ огородъ.

Черезъ минуту появился Афанасій Ивановичъ.

— Ваше высочество? — засмѣялся капитанъ Моркотунъ. — Ты что же не предупредилъ?.. Давно бы такъ!.. Вотъ и славно!.. Вѣдь мы живемъ здѣсь точно въ деревнѣ!.. Воздухъ, море подъ бокомъ, благодать!

— Ефимъ! — крикнулъ онъ гиганту, державшему за кожаный ошейникъ Дружка, и съ широкой улыбкою наблюдавшему за Царевичемъ. — Чего стоишь, олухъ?.. Тащи чемоданъ ихъ высокоблагородія!.. Отнесешь въ кабинетъ!

Въ огородѣ, усѣвшись на ступеняхъ крыльца, курили, бесѣдовали.

— Ты что же, окончательно сѣлъ на мель? — спросилъ Афанасій Ивановичъ. — Не бѣда!.. Живи сколько влѣзетъ!.. Не возьму съ тебя ни копейки!.. Я вѣдь, братъ, совсѣмъ помѣщикомъ сталъ!.. Огородъ!.. Куры, гуси, пара подсвинковъ!.. Корову думаю заводить!... Ну, а со службой ничего не вышло?.. Хочешь, въ офицерскую артель устрою?.. Товары будешь въ порту грузить?.. Плотятъ не плохо!.. Жить можно!

— Въ службѣ я не нуждаюсь! — улыбнувшись. возразилъ Царевичъ.

— Вотъ какъ?.. Невѣсту нашелъ?.. Наслѣдство получилъ?.. Много?

— Много не много, а на годъ, полагаю, что хватитъ!.. Выручилъ одинъ человѣкъ!.. Симпатичный брюнетъ! — добавилъ Иванъ Антоновичъ и усмѣхнулся.

— Впрочемъ, я не на долго! — продолжалъ Царевичъ. — Поживу съ тобой, отдохну, а тамъ пора собираться въ дорогу!.. Европа меня ожидаетъ!

Царевичъ задумался.

Въ эту минуту, съ неожиданной силой, передъ нимъ воскресла давно нарисованная картина.

Золотой берегъ Ривьеры... Нарядная вилла, выходящая фасадомъ на лазурное море, примыкающая тыломъ къ тѣнистому саду, съ алоэ, орхидеями, пальмами... Бархатный пляжъ, на которомъ лежатъ обнаженныя женщины... Бѣлокурыя вѣнки, черноволосыя флорентинки, рыжія, какъ золото, англичанки... Хохотъ, смѣхъ, пестрая иностранная рѣчь.., Точно музыка, слышенъ свирѣльный гудокъ лимузиновъ, Рольсъ-Ройсовъ, Мерседесовъ и Шевроле... А въ нѣсколькихъ километрахъ, рукой подать, стоитъ на скалистомъ утесѣ храмъ Золотого Тельца, въ которомъ, при удачѣ, можно шутя выиграть огромное состояніе...

Мысль о далекомъ наслѣдствѣ волнуетъ его каждый день. Каковы размѣры имущества? Этого Царевичъ не знаетъ и можетъ только предполагать:

— Сто тысячъ?.. Двѣсти?.. Мильонъ?

Всѣ попытки связаться съ нотаріусомъ не дали результата. Письма, телеграммы, сношенія при посредствѣ консульскихъ учрежденій, оставались безъ отвѣта. Необходимо лично и, возможно скорѣй, преодолѣть эти пятнадцать тысячъ верстъ морского пути.

А тамъ— легкая, обезпеченная, красивая жизнь... Утонченная роскошь европейской культуры... Встрѣча съ прекрасною дѣвушкой изъ Чикаго или Нью-Іорка... Богатство, счастье, весь міръ лежитъ у его ногъ!..

— Ты что же, одинъ здѣсь? — спросилъ, послѣ раздумья, Царевичъ.

— Никакъ нѣтъ! — отвѣтилъ Афанасій Ивановичъ. — Живемъ цѣлой артелью!.. Славные все ребята!

— А Пульхерія Ивановна? — засмѣялся Царевичъ.

— Хочешь взглянуть? — улыбнулся капитанъ Моркотунъ. — Сейчасъ она въ неглиже!.. Красоту наводитъ!.. Занимается праздничнымъ туалетомъ!

Онъ поднялся съ крыльца и, волоча ногу, направился въ комнаты...

14.

Редакція „Утренней Почты“ помѣщалась въ концѣ Семеновскаго Базара.

Впереди было конское стойло, сзади общественный ретирадъ, а посерединѣ стояло небольшое деревянное зданіе, съ кабинетомъ редактора, архивомъ и собственнымъ линотипомъ устарѣвшаго образца.

Редакціонный коллективъ, въ свою очередь, не представлялъ громоздкаго аппарата. Если не считать ножницъ и клея, число сотрудниковъ отвѣчало точно пальцамъ руки.

Въ первую голову, разумѣется, необходимо отмѣтить лицо, отвѣтственное за общее направленіе органа, за его политическую физіономію, за точную информацію и своевременную подачу горячаго блюда, въ видѣ злободневныхъ телеграммъ и сенсацій. Таковымъ лицомъ, безъ сомнѣнія, являлся редакторъ-издатель Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, онъ же директоръ конторы и экспедиціи, онъ же завѣдующій архивомъ, онъ же метранпажъ, выпускающій и кассиръ.

Вторымъ по значенію слѣдовало бы назвать Наркиза Наркизовича Неаполитанскаго.

Занимая офиціальное мѣсто литературнаго критика, Наркизъ Наркизовичъ, въ свою очередь, совмѣ-

щалъ одновременно рядъ должностей. Онъ былъ руководителемъ шахматнаго отдѣла, романистомъ и беллетристомъ, завѣдующимъ отдѣлами „Наши Загадки“ и „Бриджъ“, критикомъ театральнымъ и критикомъ музыкальнымъ, обозрѣвателемъ періодической прессы, а равно авторомъ короткаго фельетона, подъ названіемъ „Песьи Мухи“. Кромѣ того, это былъ поэтъ, поэтъ милостью Божіей, съ одинаковой легкостью подававшій, въ опредѣленные дни, язвительныя сатиры въ стилѣ раешника или же, по частному заказу, выполнявшій чисто коммерческія заданія, ничего общаго съ газетою не имѣющія, какъ напримѣръ:

„Нѣга“ — чудо, „Нѣга“ — кладъ,
„Нѣгу“ куритъ старъ и младъ!

Третьимъ лицомъ являлся спеціальный парижскій корреспондентъ „Кокъ“, или иначе Николка Бэляевъ, симпатичный молодой человѣкъ, завѣдывавшій одновременно отдѣлами спорта, биржи и метеорологіи, производившій свою фамилію отъ французскаго корня „бэль“.

Четвертымъ былъ, подающій большія надежды юноша, рыжеволосый хроникеръ Цыпленковъ. И, наконецъ, пятымъ — редакціонный мальчикъ „Шура“, серьезная личность, съ обширною лысиной и длинными казацкими, свисающими какъ у моржа, усами...

Въ редакціи было жарко.

Въ редакціи назрѣвала драма.

— Отыскалъ? — ревѣлъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, накидываясь съ кулаками на хроникера Цыпленкова. — Отвѣчай немедленно!.. Отыскалъ?

Щуплый Цыпленковъ, съ подвязанной по случаю флюса щекой, дрожа какъ листъ передъ бурей, жалко оправдывался.

— Какъ сквозь землю провалился! — пищалъ онъ, пятясь и прикрывая на всякій случай щеку рукой. — Право слово, Ипполитъ Семеновичъ!.. Вотъ-те Христосъ!.. Только вчерась ухватили это мы его съ Васильковымъ въ меблированныхъ комнатахъ „Парадизъ“ — и вотъ ужо нѣтъ!.. Нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Пропалъ, а куда неизвѣстно!.. Право слово, Ипполитъ Семеновичъ!

— Врешь, негодяй! — ревѣлъ редакторъ-издатель, брызгая пѣной и прогуливаясь изъ угла въ уголъ походкой взбѣшеннаго ягуара. — Господи Іисусе!.. Одно горе мнѣ съ нимъ! — взмолился редакторъ, терзая на головѣ клочки бывшихъ волосъ. — За что жалованье плачу?.. За что построчныя получаешь?

Члены редакціоннаго коллектива, сидя за столами, оторвались на минуту отъ стакановъ съ чаемъ.

— Извольте радоваться? — продолжалъ Ипполитъ Семеновичъ, нѣсколько отойдя, снявъ черепаховыя очки и протирая фуляромъ. — Весь городъ хохочетъ!.. Газету поднялъ на смѣхъ!.. Наркизъ Наркизовичъ, что ты скажешь? — обратился онъ къ критику. — Полюбуйся на своего протеже!.. Нѣтъ, видно придется назадъ отправить, въ лабазъ!

— Завтра же достанешь подробную информацію! — въ новомъ припадкѣ бѣшенства, накинулся онъ на Цыпленкова. — Слышишь?.. А сейчасъ уходи прочь!.. Съ глазъ долой!

Долго не могъ еще успокоиться Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, бѣгалъ по комнатѣ, теребилъ волосы, швырялъ на земь свѣжія гранки и телеграммы собственнаго корреспондента.

Цыпленковъ былъ убитъ.

Его репортажъ не принесъ ему заслуженной славы.

Съ грустной миной брелъ онъ по Семеновскому Базару, проклиная газету, проклиная незнакомца въ черкескѣ, котораго принялъ за высокопоставленное лицо, проклиная рѣшительно все на свѣтѣ.

Онъ посмотрѣлъ на море, горѣвшее въ огнѣ бронзовато заката.

Еще немного — и Цыпленковъ готовъ былъ кинуться въ воду...

15.

То, что именовалось Пульхеріей Ивановной, было женскаго рода, но вовсе не женщиной.

„Пульхерія Ивановна“ была, въ самомъ дѣлѣ, стройна точно дѣвушка, тонка какъ красотка изъ Холливуда, обладала безупречною таліей „Миссъ Вселенной“. Изящество линій кидалось съ перваго взгляда. Тембръ ея голоса звучалъ металлической четкостью. Своихъ избранниковъ она чисто укладывала на обѣ лопатки, поражая на смерть.

Другими словами, это была — трехлинейная скорострѣльная нарѣзная винтовка, со скользящимъ затворомъ, образца 1891 года...

Афанасій Ивановичъ утверждалъ сущую правду.

Пятнадцать лѣтъ жизни провелъ онъ съ „Пульхеріей Ивановной“ бокъ о бокъ, раздѣляя супружеское ложе, съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда въ чинѣ молодого поручика І-го стрѣлковаго Восточно-Сибирскаго Его Величества полка, выбилъ на призовомъ состязаніи рѣдкій квадратъ.

Квадратъ — 5.

Другими словами, изъ пяти выпущенныхъ пуль, три пули имѣли соотвѣтственно — 0, 0, 0, одна имѣла — 1, одна взяла на сантиметръ выше чѣмъ слѣдуетъ и дала — 4.

Черезъ мѣсяцъ, въ тотъ именно день, когда пришло извѣстіе о награжденіи поручика императорскимъ призомъ, въ честь побѣдителя была устроена, въ полковомъ собраніи, грандіозная пирушка, съ водкой, виномъ, даже съ шампанскимъ. А еще черезъ мѣсяцъ, Афанасій Ивановичъ получилъ самый призъ, въ видѣ великолѣпной винтовки, украшенной императорскими иниціалами и царской короной на орѣховой ложѣ...

Царевичъ взялъ „Пульхерію Ивановну" въ руки, приложился и, какъ бы ведя по воображаемой птицѣ, щелкнулъ затворомъ и выбросилъ:

— Такъ!

— Важная флинта! — произнесъ онъ черезъ минуту, опуская тщательно смазанную ружейнымъ саломъ винтовку и продолжая вертѣть въ рукахъ. — Рѣжетъ, надо полагать, въ точку?

Афанасій Ивановичъ улыбнулся.

— Прямо, по кавалеріи, прицѣлъ постоянный! — скомандовалъ Царевичъ и снова вскинулъ винтовку въ плечо. — Ну, а скажи по совѣсти, краснаго звѣря билъ?

— А то какъ же? — отвѣчалъ капитанъ. — Какъ не бить?.. Билъ!.. Медвѣдей, безъ малаго, десятковъ пять уложилъ!.. Двадцать тигровъ взялъ!.. Комиссаровъ до сотни срѣзалъ!

Иванъ Антоновичъ захохоталъ:

— Комиссаровъ до сотни срѣзалъ?

Наступило продолжительное молчаніе. Неизвѣстно о чемъ думалъ въ эти минуты Царевичъ. Капи-

танъ Моркотунъ мысленно перенесся въ сравнительно далекое прошлое, къ берегамъ Тобола, къ Уралу, къ уфимскимъ степямъ, къ заливнымъ лугамъ Волги, когда съ вѣрной винтовкой въ рукахъ, повинуясь офицерскому долгу, сметалъ красную нечисть.

Невольно вспомнилось еще болѣе отдаленное время — эпоха великой войны, сидѣнье въ окопахъ, штыковыя атаки подъ Козловой Рудой, Залещиками, на Санѣ.

Было еще время, когда съ тою же „Пульхеріей Ивановной", Афанасій Ивановичъ исходилъ вдоль и поперекъ все Приморье, отъ перевала Сихота-Алинъ вплоть до Чжанъ-Гуанцайлина, искрестилъ на тысячу верстъ кругомъ сопки, кручи, хребты, глубокія балки, дикую невылазную тайгу...

— Комиссаровъ до сотни срѣзалъ? — задумчиво повторилъ Царевичъ. — И я ихъ безъ счета билъ!.. А какой результатъ?.. Пропала Россія!

Афанасій Ивановичъ возмутился.

— Не смѣй такъ говорить! — гнѣвно возразилъ капитанъ. — Борьба еще не закончилась!.. Силы скопляются!.. Дай срокъ, еще сметемъ красную погань!

— Поздно! — сказалъ Царевичъ. — Упустишь огонь — не погасишь!

Капитанъ укоризненно покачалъ головой.

— Вотъ всѣ вы такъ разсуждаете! — произнесъ онъ. — Размякли, сердце потеряли, бабами стали!.. Ну, куда къ черту, годитесь вы для войны?.. Австріяковъ и турокъ били!.. Противъ нѣмцевъ держались!.. А сейчасъ вовсе раскисли!.. Подбодрись, братъ!..

Гопъ, куме, не журись!.. Дай срокъ!.. Будетъ Россія!

Иванъ Антоновичъ ничего не отвѣтилъ.

Онъ обернулся и смотрѣлъ на море, гдѣ маячилъ парусъ шаланды и синѣли далекія горы...

16.

Утро глядѣло въ окно яснымъ дѣвичьимъ окомъ.

За окномъ кудахтали куры, побѣдно звенѣло пѣтушиное кукареку, заливались и тявкали псы.

Лежа на походной койкѣ Афанасія Ивановича — послѣдній досталъ для себя тюфякъ изъ офицерскаго общежитія — Царевичъ курилъ папиросу.

Мысли его скакали, какъ зайцы на огородѣ.

Онѣ порхали по всѣмъ направленіямъ, перелетали съ предмета на предметъ, пока не остановились на давно обдуманномъ планѣ.

— Въ Европу! — улыбнулся Царевичъ. — При первой возможности!.. Въ Европу — и никакихъ гвоздей!

Судьба, точно нарочно, не только подсказываетъ это рѣшеніе, но даже предоставляетъ возможность. Въ его карманѣ, благодаря странному, совершенно невѣроятному случаю, который происходитъ однажды въ сто лѣтъ, имѣются деньги. Этихъ денегъ вполнѣ достаточно для того, чтобы сѣсть на пароходъ и, съ полнымъ удобствомъ, можетъ быть, даже съ комфортомъ, пересѣчь океанъ.

Судьба, на этотъ разъ, наградила его исключительною улыбкой!..

Онъ вспомнилъ дѣтство, отрочество, первую

юность, проведенную въ нѣжныхъ ласкахъ пріемныхъ родителей, въ трогательныхъ заботахъ о немъ маленькаго провинціальнаго гарнизона. Онъ вспомнилъ даже колыбельную пѣсню, которую бывало пѣвала ему добрая старушка, Магда Васильевна, склонившись надъ его дѣтской кроваткой:

„Gu-ten Abend, gut' Nacht,
Mit Ro-sen bedacht...
Schlaf' nun selig und süss,
Schau' im Traum's Pa-ra-dies!..“

Онъ вспоминалъ самостоятельную жизнь въ столицѣ, дѣлившуюся между работой въ высшемъ учебномъ заведеніи и столичными развлеченіями. Впереди ожидалъ выходъ на широкую общественную дорогу, матеріальное обезпеченіе, блестящая будущность.

Война и революція, однимъ взмахомъ, сокрушила все, какъ карточный домикъ.

— „Сынъ Полка“!

Царевичъ съ горечью усмѣхнулся.

Это было когда-то!... Когда жилъ императоръ, когда жила Россія!.. А сейчасъ, въ немъ не нуждаются... Не взирая на то, что въ теченіе великой войны онъ добросовѣстно несъ на плечахъ тяжесть похода, совершалъ подвиги мужества, истощалъ въ защиту Россіи свое тѣло и духъ, онъ выброшенъ изъ рядовъ русской арміи... Больше того, сейчасъ онъ паразитъ, преступникъ, классовый врагъ, подлежащій уничтоженію!..

Красный потокъ залилъ родину, обезкровилъ все, обезчестилъ, разрушилъ до основанія!.. Только здѣсь, на единственномъ клочкѣ русской земли, охра-

няемомъ иностраннымъ оружіемъ, сохранились пока осколки стараго быта... Гражданская война прекратилась!.. Все кончено!.. Пропала Россія!

Царевичъ задумался.

Пропала Россія!.. Онъ не вѣритъ въ ея воскрешеніе... Зло побѣдило, разлилось по всей странѣ, пустило глубокіе корни... Новая борьба безнадежна!.. Кромѣ того, онъ въ самомъ дѣлѣ, не чувствуетъ за собой силъ, необходимыхъ для этой борьбы... Пусть другіе, честь имъ и слава, продолжаютъ дѣлать попытки скинуть красное иго... Онъ усталъ!.. Онъ не боецъ!.. Душа раздавлена, вѣра сокрушена, уничтожены былыя надежды!.. Съ сего дня онъ возвращается въ первобытное состояніе и становится рядовымъ гражданиномъ... Больше того, покидаетъ Россію!

Навсегда, навсегда!..

Царевичъ поднялся съ кровати, привелъ себя въ порядокъ, выпилъ стаканъ молока. Въ послѣдній разъ надѣлъ черкеску съ кинжаломъ, рыжую мерлушковую „кубанку“ и вышелъ на улицу...

17.

День былъ яркій, солнечный, теплый.

Надъ головой висѣлъ синій шелкъ неба. Щедрымъ потокомъ лились золотые лучи. Налѣво сверкала сапфировая полоса моря. Впереди, на голой, лишенной всякой зелени сопкѣ, ощерившись разрушенными бойницами, виднѣлась литерная батарея Б.

Когда Царевичъ вышелъ на Свѣтланскую улицу, движеніе было въ полномъ разгарѣ.

Съ звонкимъ грохотомъ катились трамваи, мчались запряжки, по всѣмъ направленіямъ сновала уличная толпа — горожане и горожанки, статскіе и военные, китайцы въ ермолкахъ и въ длинныхъ халатахъ, маленькіе солдаты японскаго экспедиціоннаго корпуса, крѣпкіе, коренастые, въ свѣтло-зеленомъ хаки, рогульщики-каули, американскіе моряки въ бѣлыхъ шапочкахъ, сдвинутыхъ на бритый затылокъ, продавцы рыбы и овощей, разнощики, грузчики, мальчишки-газетчики, нарядныя свѣтланскія барышни въ бѣлыхъ костюмахъ.

Торговцы стояли въ дверяхъ лавокъ и магазиновъ, расхваливали товаръ, зазывали прохожихъ. Мѣнялы-китайцы шелестѣли бумажками, звенѣли ловко подбрасываемыми на ладоняхъ серебряными рублями, японскими іенами, шанхайскими и американскими дол-

ларами. На высокой мачтѣ Морского Штаба весело трепыхался бѣло-сине-красный флажокъ...

Царевичъ зашелъ въ универсальный магазинъ Кунста и Альберса и выбралъ статскій костюмъ. Онъ купилъ синій пиджакъ и панталоны цвѣта сгущенныхъ сливокъ. На плечи набросилъ бѣлый англійскій тренчкотъ. Голову украсилъ панамой изъ свѣтлой манильской соломки. Вмѣсто кавказскихъ чевякъ, на его ногахъ очутились желтые ботинки фасона „шимми" съ заостренными носками. Одновременно, дополнилъ свой гардеробъ, купивъ полдюжины тонкато шелковаго бѣлья.

Въ универсальномъ магазинѣ Чурина, пріобрѣлъ чемоданъ, большой кожаный чемоданъ англійскаго производства, спеціально приспособленный для дороги, купилъ дорожный несессеръ для туалетныхъ вещей изъ шкуры фальшиваго крокодила, бамбуковую трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, англійскій путеводитель, зеленые консервы для глазъ и тропическій шлемъ.

Лишнія вещи отправилъ съ рогульщикомъ въ общежитіе, а самъ зашелъ въ парикмахерское ателье „Изидоръ".

Когда полчаса спустя, вымытый шампунемъ и вежеталемъ, свѣжевыбритый, опрысканный и раздушенный, въ изящномъ статскомъ костюмѣ, Царевичъ вышелъ на улицу, онъ имѣлъ видъ столичнаго сноба, убивающаго время въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ завтракомъ.

Иванъ Антоновичъ шелъ по Свѣтланкѣ, по самой серединѣ панели, лавируя въ толпѣ прохожихъ, бросая острые взоры на молодыхъ женщинъ, время

отъ времени пріостанавливаясь передъ витринами, любуясь изображеніемъ, отражавшимся на стеклѣ.

— Сикъ транзитъ глоріа мунди!

У ювелира Вирта купилъ золотые часики съ моднымъ браслетомъ и тамъ же пріобрѣлъ, по случаю, старинную вещь — массивный золотой перстень съ камнемъ изъ краснаго сердолика и вырѣзаннымъ гербомъ.

Мимоходомъ зашелъ въ расположенный рядомъ скверъ адмирала Завойко и присѣлъ на скамью. Въ скверѣ, подлѣ памятника, играли дѣтишки. На ступеняхъ и на скамьяхъ сидѣли гувернантки, дѣвушки, няньки. Въ боковыхъ аллеяхъ бродили юныя пары...

Царевичъ закурилъ папиросу и отдался волнующимъ думамъ.

Какъ необычайны капризы судьбы!

Еще третьяго дня, безпомощный и безсильный, онъ стоялъ надъ разверзтою бездной.

Совершенно нежданно, совершенно негаданно, изумительный случай приноситъ ему спасеніе.

Еще недавно, близкій къ отчаянію, почти безъ всякихъ попытокъ къ какому либо сопротивленію, онъ приближался къ естественному концу.

Сейчасъ, онъ точно воскресъ.

Жажда жизни пробудилась въ немъ съ новою силой.

Судьба вознаграждаетъ его за всѣ испытанія!.. Да будетъ благословенна ея милостивая десница!.. Впередъ, навстрѣчу новымъ несказаннымъ зорямъ!..

Мысли его перенеслись въ близкое будущее.

Въ скоромъ времени, съ прибытіемъ парохода, онъ покинетъ этотъ дикій, чудовищный край, съ его

азіатской культурой, съ жестокими силуэтами и контрастами, съ нездоровой торгашеской вакханаліей, съ зыбкой политической обстановкой, изъ-за фасада которой проглядываетъ звѣриный разрушительный ликъ.

Зданіе еще держится, но въ фундаментѣ наблюдаются грозныя трещины и стѣны дрожатъ отъ ударовъ таинственныхъ силъ. Край напоминаетъ кратеръ вулкана, заклубленный сѣрными парами и дымомъ, наканунѣ своего изверженія.

Все складывается къ тому, чтобы возможно скорѣй покинуть этотъ послѣдній, обреченный клочокъ русской земли...

Царевичъ представилъ себѣ палубу парохода, уносящаго его къ далекимъ, желаннымъ, сказочнымъ берегамъ.

Стальной носъ взрѣзаетъ, въ неукротимомъ бѣгѣ, зеркальную грудь океана... Жемчужный слѣдъ стелется за кормой... Вдоль спардека, къ услугамъ пассажировъ перваго класса, разставлены лонгъ-шезы спеціальной конструкціи... Въ буфетѣ кліенты „Кэнаръ-Лайнъ“ найдутъ коктайли несравненнаго качества... Прекрасная незнакомка изъ сосѣдней каюты, стиснувъ руку до боли, назначаетъ ему рандеву...

Царевичъ закурилъ папиросу и отдался радостнымъ думамъ. Все пѣло и ликовало въ его душѣ. Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ въ тяжеломъ упорномъ бою и глядѣлъ на міръ просвѣтленными взорами...

18.

Уже съ утра, въ купальнѣ Комнацкаго, стоялъ визгъ, гамъ и смѣхъ. По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось надъ сопками, публики прибывало все больше.

Особое оживленіе наблюдалось въ промежуткѣ между тремя и шестью часами, когда освободившаяся отъ службы, по преимуществу, молодежь — конторскіе клерки, барышни-машинистки, студенты, молодые офицеры, чиновники, журналисты, служащіе обоего пола изъ административныхъ, финансовыхъ коммерческихъ учрежденій, покидали раскаленныя зноемъ улицы города и потокомъ устремлялись къ водѣ.

Быстро раздѣвшись въ кабинкахъ, купальщики и купальщицы, кто въ полныхъ костюмахъ, кто въ трусикахъ, иные совсѣмъ голые, сидѣли группами на скамьяхъ, принимая солнечныя ванны, загорая до кофейнаго цвѣта. Другіе занимались шведской гимнастикой, упражненіями на брусьяхъ и кольцахъ, бѣгали взапуски по мосткамъ, кидались съ размаха въ воду, ныряли, плескались, гонялись и ловили другъ дружку.

Иванъ Антоновичъ проводилъ въ купальнѣ весь день.

Трижды, съ короткими промежутками на завтракъ и на обѣдъ, спускался онъ къ морю, раздѣвался и, съ биноклемъ на шеѣ, усаживался на скамьѣ подлѣ вышки. Онъ успѣлъ завязать рядъ знакомствъ съ представителями приморской общественности, промышленныхъ и торговыхъ круговъ, успѣлъ стать въ курсѣ текущей политики и, самое главное, оцѣнить въ полной мѣрѣ значеніе обезпеченнаго досуга.

На лавкѣ, возлѣ трельяжа, по сосѣдству съ женской купальней, сидитъ румяный лейтенантъ полка шотландскихъ хайлендеровъ, сэръ Арчибальдъ Гордонъ.

— Оллъ райтъ!

Онъ куритъ неизмѣнный „кепстенъ", поглядываетъ на женщинъ, щелкаетъ кодакомъ:

— Вери веллъ!

По возвращеніи въ Англію, онъ будетъ показывать своимъ клубнымъ друзьямъ цѣлую серію интересныхъ приморскихъ снимковъ.

На той же лавкѣ сидитъ начальникъ желѣзнодорожной дистанціи, инженеръ Иванъ Мартыновичъ Лакстигалъ, храбрый чешскій легіонеръ — тромбонистъ Ендржичекъ Почкай, и законоучитель отецъ Мисаилъ Спижарный, черный какъ жукъ, длинный и тощій, какъ гвоздь, долгогривый, съ путаной бородой. Странно видѣть его безъ рясы, совсѣмъ голымъ, даже безъ фиговаго листка.

Вотъ — студентъ Восточнаго Института, молодой проказникъ Кеша Рудыхъ. Кеша разглядываетъ женщинъ черезъ щели трельяжа и, по обыкновенію, напѣваетъ:

Понравился Маруськѣ
Одинъ съ недавнихъ поръ —
Нафабренные усики,
Расчесанный проборъ.
Онъ былъ монтеромъ Ваней,
Но въ духѣ парижанъ,
Себѣ присвоилъ званье —
Электротехникъ Жанъ...

На сосѣдней скамьѣ сидитъ инспекторъ женской гимназіи — Оскаръ Оскаровичъ Муттермильхъ, владѣлецъ парикмахерскаго ателье „Изидоръ" — Сидоръ Терентьевичъ Денисюкъ, и красный, вѣчно въ испаринѣ, съ грузнымъ животомъ и круглыми, выпученными, какъ у краба, глазами, милицейскій надзиратель второго участка — Тузъ-Бубонный...

Съ другой стороны, на личномъ примѣрѣ, Иванъ Антоновичъ убѣждался въ цѣлесообразности морского отдыха, съ точки зрѣнія гигіены.

Прошло всего двѣ недѣли, а между тѣмъ онъ уже чувствуетъ себя посвѣжѣвшимъ, бодрымъ, полнымъ жизненныхъ соковъ. Одновременно, ощущаетъ приливъ душевныхъ силъ, энергіи, моральной упругости. Въ его сердцѣ начинаютъ звучать знакомыя струны. Все чаще посѣщаютъ его знакомые образы.

И все чаще снимаетъ съ шеи бинокль и направляетъ его на море — на парусъ, на далекія горы, мрѣющія въ голубоватомъ туманѣ.

Все чаще останавливаетъ взоръ на гибкихъ молодыхъ формахъ, обтянутыхъ черным или полосатымъ трико, на золотыхъ, русыхъ, черноволосыхъ головкахъ.

Ихъ не мало, этихъ милыхъ, славныхъ приморскихъ наядъ, улыбающихся, вѣчно веселыхъ, съ звонкимъ визгомъ и смѣхомъ отдающихся ласкамъ густой яркой воды. Точно самоцвѣты или алмазы сверкаютъ соленыя брызги. Тонкая ткань обтекаетъ стройное тѣло, съ упругими выпуклостями, съ четкими линіями шеи, рукъ, бедеръ и ногъ, словно выточенныхъ изъ бронзы.

Онъ говорилъ ей часто
Одну и ту же рѣчь:
„Ужасное мѣщанство
Невинность зря беречь!“
Сошлись и погуляли,
И хмуритъ Жанъ лицо —
Нашелъ онъ, что у Ляли
Красивше бѣльецо...“

продолжаетъ распѣвать Кеша...

Царевичъ любуется молодыми купальщицами, смѣется, даетъ волю фантазіи, по привычкѣ мыслить образами, расточаетъ забавныя прозвища:

— Амазонка Техаса!

— Дѣвушка изъ Санъ-Франциско!

— Гваделупа!

— Цвѣтокъ Гонолулу!

— Роза Вайкики!...

Нѣкоторыя лица уже примелькались. Царевичъ знаетъ уже многихъ по имени:

Зиночка... Любочка... Варечка... Вотъ — дочь англійскаго консула Мэри Стюартъ... Вотъ — дочь датскаго коммерсанта Эльга Христіансенъ... Таня Вадковская!.. Наташа Левчукъ!..

Знаетъ достоинства, недостатки, особенности, мѣсто службы, семейное положеніе, маленькія дѣвичьи тайны, нѣкоторыя детали интимнаго свойства. Въ этомъ клубѣ, именуемомъ купальней Комнацкаго, свѣдѣнія получаются быстро. Знакомства на водѣ завязываются еще быстрѣй...

Марусь разнесчастной
Сказалъ, какъ джентльменъ:
„Ужасное мѣщанство
Семейный этотъ плѣнъ!“
Онъ съ ней разстался ровно
Черезъ пятнадцать дней,
За то, что лакированныхъ
Нѣтъ туфелекъ у ней...

Вотъ, напримѣръ, дѣвушка, которая, видимо вышла только что изъ кабинки и, подойдя къ краю мостковъ, остановилась въ странной задумчивости.

— Снѣжинка!

Сердце Царевича запорхало, какъ птица.

Нѣкоторое время, дѣвушка глядитъ вдаль — на море, на парусъ, на стайку баклановъ. Потомъ, поднявъ руки и скрестивъ ихъ надъ головой, плотно сжала голыя ножки и вытянулась всѣмъ торсомъ, точно кидаетъ вызовъ пламеннымъ поцѣлуямъ.

Стройная, статная, съ миловиднымъ личикомъ, съ бѣлой шапочкой на русой головкѣ, она приковала вниманіе съ перваго взгляда. Иванъ Антоновичъ видитъ ее уже въ третій разъ и выдѣляетъ почему-то изъ общества другихъ женщинъ. Когда она появляется, становится свѣтло на душѣ. Онъ слѣдитъ за ней съ

любопытствомъ, не спускаетъ глазъ съ гибкаго тѣла, съ маленькой крѣпкой груди, ревнивымъ окомъ оберегаетъ ее отъ взоровъ другихъ. Когда она покидаетъ купальню, становится грустно, тоскливо, и солнце внезапно скрывается въ облакахъ.

Дѣвушка держится въ сторонѣ отъ другихъ. Съ мужчинами она почти незнакома. Обыкновенно, по выходѣ изъ кабинки, тотчасъ бросается въ воду и заплываетъ на далекое разстояніе. И тогда только бѣлая шапочка, точно, въ самомъ дѣлѣ, сверкающая снѣжинка, виднѣется на синей поверхности.

Царевичъ знаетъ, что дѣвушка служитъ въ почтовой конторѣ, что она одинока, что подобно многимъ другимъ русскимъ дѣвушкамъ, вихрь революціи закинулъ ее на край свѣта.

— Милочка, здравствуйте! — крикнетъ бывало кто нибудь, вѣроятно изъ числа сослуживцевъ, и кинется за ней въ воду.

— Милочка — чемпіонъ на большія дистанціи!

— Милочка Морозова — прелесть! — смѣются другіе.

Все это видитъ и слышитъ Царевичъ.

И все чаще снимаетъ съ шеи бинокль.

И напѣваетъ:

„Моя Снѣжинка, моя Пушинка,
Моя царица, царица грезъ!“

19.

Иванъ Антоновичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и занимался литературнымъ трудомъ.

Въ распахнутое настежь окно струился изъ огорода запахъ настурцій, душистаго горошка и тмина. На грядкахъ зрѣли помидоры, бобы. Яркими бликами горѣли алые маки и желтые круги подсолнуховъ. Побѣдно звенѣло пѣтушиное пѣнье.

Теплый воздухъ, ароматъ овощей и цвѣтовъ, буколическая тишина, все вмѣстѣ взятое, способствовало вдохновенію.

Бѣгая карандашомъ по бумагѣ, Иванъ Антоновичъ набрасывалъ заключительную главу поэмы. Работа спорилась и кипѣла. Строка за строкой, быстро, почти безъ помарокъ, укладывалась четкими правильными рядами. Время отъ времени, Иванъ Антоновичъ тянулся къ табакеркѣ изъ слоновьей кости, бралъ папиросу, затягивался, выпускалъ дымъ и, слѣдя за фіолетовыми колечками, тотчасъ отыскивалъ нужную рифму.

Неожиданный стукъ въ дверь нарушилъ его работу.

Стукъ повторился съ большей настойчивостью. Иванъ Антоновичъ сдвинулъ брови, недовольно наморщилъ лобъ и произнесъ:

— Прошу!.. Войдите!

За дверью послышалось кряканье. Что-то неопредѣленное, смутно знакомое, на мгновенье, промелькнуло въ сознаніи. Съ одной стороны, этотъ звукъ былъ, страннымъ образомъ, связанъ съ какою-то радостною минутой. Съ другой, тревожилъ и волновалъ.

Иванъ Антоновичъ отшвырнулъ карандашъ и сказалъ вторично:

— Войдите!

Дверь съ шумомъ раскрылась. Крупный мужчина, съ черной окладистой бородой, въ русской поддевкѣ и въ лакированныхъ сапогахъ, ввалился въ комнату.

Это былъ предсѣдатель сапожнаго цеха, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга.

Иванъ Антоновичъ вздрогнулъ.

Визитъ гражданина Чернѣги, на этотъ разъ, былъ ему непріятенъ. Онъ не сулилъ ничего добраго. Со свойственной чуткостью и наблюдательностью, Иванъ Антоновичъ опредѣлилъ сразу, по первому взгляду, съ безошибочной точностью, что неожиданный гость находится въ дурномъ настроеніи.

Куда дѣлась прежняя почтительность?

Куда отлетѣла былая робость, покорность, унизительная заискивающая улыбка?

На этотъ разъ, гражданинъ Чернѣга поражалъ своимъ мрачнымъ медвѣжьимъ видомъ. Шаркая неловко ногами, онъ подошелъ къ Ивану Антоновичу и тяжело рухнулъ на стулъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ молчалъ.

Положивъ волосатыя лапы на колѣнки, переби-

ралъ короткими пальцами, переводилъ духъ и раскачивался.

Молчаніе становилось чрезвычайно томительнымъ.

— Какъ поживаете? — спросилъ Иванъ Антоновичъ. — Какъ ваше здоровье?

Гражданинъ Чернѣга ничего не отвѣтилъ. Онъ только еще тяжелѣй уставился на Царевича своимъ изрытымъ оспой лицомъ, его короткіе пальцы выбивали на колѣнкахъ крупную дробь.

— Чѣмъ могу служить? — снова спросилъ Иванъ Антоновичъ и ощутилъ непріятное чувство въ вискахъ.

Чернѣга крякнулъ и сказалъ:

— Отдайте мнѣ мои деньги!

Иванъ Антоновичъ вздрогнулъ вторично и непріятное чувство въ вискахъ смѣнилось неожиданной слабостью.

Минута растерянности прошла.

Иванъ Антоновичъ уже снова овладѣлъ собой.

Онъ обдумалъ давно всѣ детали, всѣ „про“ и „контра“, которыя вытекаютъ изъ давешняго визита Союза Русскихъ людей въ меблированныя комнаты „Парадизъ“.

Дудки!

Онъ взвѣсилъ все!

Его не поймаютъ врасплохъ!..

Иванъ Антоновичъ сдѣлалъ недоумѣвающее лицо и спросилъ:

— Какія деньги?

— Тысячу іенъ! — мрачно отвѣтилъ Чернѣга.

Иванъ Антоновичъ разсмѣялся:

— Тысяча іенъ?.. Но, пардонъ, гражданинъ Чернѣга, о какихъ деньгахъ вы изволите говорить?.. Какая тысяча іенъ?.. Ничего не понимаю!

— Не понимаете? — сказалъ Чернѣга. — Ежели не понимаете, я вамъ напомню!

Здѣсь, въ тяжелой нескладной рѣчи, поминутно крякая и вытирая рукавомъ струившійся по лицу потъ, онъ повѣдалъ Ивану Антоновичу объ извѣстной аудіенціи.

О томъ, дескать, что введенный въ заблужденіе превратными слухами, принялъ его за особу императорской крови... О томъ, молъ, что обуреваемый подобно нижегородскому гражданину, Козьмѣ Минину Сухоруку, жаждой патріотическаго подвига, возжелалъ, какъ говорится, со своей стороны, принести лепту на алтарь отечества... Что въ настоящее время, обманъ, какъ говорится, раскрылся во всей наготѣ... Ну и то, и другое, и прочее, и тому подобное, какъ говорится...

— Срамота! — заключилъ Чернѣга.

Онъ плюнулъ на полъ, густо побагровѣлъ и сказалъ:

— Отдай деньги!

— Ничего не понимаю! — пожалъ плечами Царевичъ. — Нѣтъ, вы удивительный комикъ!.. Съ такимъ талантомъ нужно въ опереткѣ служить!.. Вышло недоразумѣніе, не спорю, не отрицаю... Вольно же вамъ было принять меня за великаго князя?.. Ну, поднесли мнѣ хлѣбъ-соль... И это не отрицаю... Благодарю!.. Каравай съѣлъ за ваше здоровье... Спасибо!.. Отличный хлѣбъ!.. Подносъ можете полу-

чить обратно... А деньги?.. Какія деньги? Хоть убейте, никакихъ денегъ не получалъ!

— Не получалъ?.. А на фондъ „Спасенія Родины“?.. Это не деньги? — крякнулъ Чернѣга.

— Съ ума сойти!.. Ничего не понимаю! — отвѣтилъ раздраженно „Сынъ Полка“. — Шутки шутите!

— Шутки? — взъярился Чернѣга. — Я те покажу шутки!.. Шантрапа!.. Шеромыжникъ!.. Подавай деньги, не то...

Чернѣга грузно поднялся со стула.

Вытянувъ волосатыя руки и сжавъ кулаки, тяжелой медвѣжьей раскачивающейся походкой, онъ надвигался на Ивана Антоновича.

Иванъ Антоновичъ поблѣднѣлъ.

Вскочивъ, въ свою очередь, со стула, онъ попятился къ распахнутому окну и закричалъ:

— Бабъ-эль-Мандебъ!

Черезъ минуту Ефимъ Зозуля стоялъ въ дверяхъ.

Царевичъ принялъ спокойный, вполнѣ независимый видъ и, указывая пальцемъ на Чернѣгу, сказалъ денщику:

— Выбрось этого господина за дверъ!..

20.

Три дня и три ночи рыскалъ Цыпленковъ по городу, разыскивая Царевича.

Онъ побывалъ въ тюрьмѣ и въ милицейскомъ участкѣ, обошелъ всѣ больницы, заглянулъ въ адресный столъ, покрутился въ купальнѣ и снова посѣтилъ меблированныя комнаты „Парадизъ".

Онъ дежурилъ на пристани, на вокзалѣ, у подъѣздовъ отелей и ресторановъ. Онъ изъѣздилъ всѣ дачныя мѣстности — Черную Рѣчку, Седанку, Девятнадцатую Версту. Онъ обыскалъ всѣ ночлежки, опiекурильни, публичные дома.

Царевича не было.

Пропалъ, сгинулъ, исчезъ, какъ иголка въ африканской пустынѣ!..

На четвертыя сутки, въ полномъ отчаянiи, Цыпленковъ возвращался въ редакцiю, содрогаясь при мысли о предстоящей встрѣчѣ съ редакторомъ, Ипполитомъ Семеновичемъ Фундуклеемъ. Ему оставалось только вернуться въ лабазъ или писать завѣщанiе и броситься въ море...

На углу Свѣтланской и Алеутской, глазъ хроникера былъ пораженъ оригинальною сценой.

На террасѣ гостиницы „Золотой Рогъ" сидѣли три офицера и выпивали. Они это дѣлали особен-

нымъ способомъ. Каждую минуту подавалась коротенькая отчетливая команда:

— Товсь!

— Шрапнельной гранатой!

— Четвертое орудіе — пли!

— Товсь!

— Картечной гранатой!

— Пятое орудіе — пли!

Три рюмки подымались вразъ на вытянутой рукѣ и обратнымъ движеніемъ опускались въ ротъ.

Цыпленкова осѣнила геніальная мысль.

Не слетать-ли въ офицерское общежитіе?.. Что можетъ быть болѣе логичнымъ?.. Не тамъ-ли находится таинственный незнакомецъ, такъ внезапно выбывшій изъ меблированныхъ комнатъ гостиницы „Парадизъ"?

Хроникеръ ударилъ себя по затылку и помчался на Эгершельдъ.

Черезъ полчаса, онъ стоялъ передъ домикомъ съ огородомъ, въ которомъ, склонившись надъ грядками, копался капитанъ Моркотунъ. Въ собачьей будкѣ лежалъ на цѣпи Дружокъ. На крылечкѣ, лускал подсолнухами, сидѣлъ Зозуля.

Цыпленковъ снялъ кепку, подошелъ къ солдату, обратился съ вопросомъ:

— Миленькій, не у васъ-ли живетъ господинъ Царевичъ?

Зозуля пересталъ лускать подсолнухи и задумался.

— Царевичъ? — отвѣтилъ денщикъ. — Не слыхалъ!.. Такого здѣсь нѣтъ!

Сердце Цыпленкова упало.

Рушилась послѣдняя надежда.

— А откеля? — спросилъ солдатъ. — Каковъ будетъ съ виду?.. Есть у насъ здѣсь одинъ, въ казацкомъ халатѣ пріѣхалъ, съ кинжаломъ!.. Живетъ пятый день!.. Чудной баринъ!

Сердце Цыпленкова встрепенулось.

— Онъ самый!.. Онъ самый! — запищалъ хроникеръ и отъ радости хватилъ себя по затылку. Онъ вытащилъ изъ кармана пачку папиросъ „Нѣга" и протянулъ Зозулѣ.

— Голубчикъ! — произнесъ Цыпленковъ и дружелюбно тронулъ денщика за плечо. —Ради Бога, я васъ прошу, сдѣлайте милость, проведите меня къ нему!.. Для интервью!.. Ипполитъ Семеновичъ меня зарѣжетъ!.. Что онъ дома?

— Дома, оно точно что дома! — отвѣтилъ Зозуля. — Да безпокоить сейчасъ нельзя!.. Никакъ невозможно!

— Занятъ?

— Вѣстимо заняты-съ! — отвѣтилъ солдатъ. — Не велѣно никого пущать!

Зозуля на минуту задумался и захохоталъ.

— Чудной баринъ! — продолжалъ хохотать солдатъ. — Въ жисть такого не видѣлъ!.. Какъ встали, значитъ, утречкомъ, чайку со сливочками откушали, такъ и спросили бумагу № 6!.. За эту недѣлю вторую стопу дописываютъ!

— Какъ?.. Баринъ на службѣ?.. Бумаги подписываетъ?

Зозуля презрительно усмѣхнулся:

— Нашъ такими дѣлами не займается!.. Стихи пишутъ-съ! — съ важностью произнесъ денщикъ.

— Бабъ-эль-Мандебъ! — раздался бодрый окрикъ изъ комнаты. — Дай-ка мнѣ бумаги за № 8!

Зозуля исчезъ.

— Да, нѣтъ, болванъ! — снова послышался окрикъ. — Чего ты мнѣ суешь бѣлую глянцевую, для патріотическихъ!.. Русскимъ языкомъ тебѣ сказано!.. Номеръ восьмой, министерскую, для сонетовъ!

Денщикъ снова вынырнулъ изъ передней.

— Злы-съ! — шепнулъ онъ сочувственно. — Рифма нейдетъ!

Солдатъ на минуту остановился.

— Н-да! — продолжалъ Зозуля и снова прыснулъ. — Чудной баринъ!.. И имя мнѣ такое придумали!.. Бабъ-ель-Ман-дебъ! — протянулъ онъ. — Чудаки-съ!.. Словно я нехристь, турокъ или татаринъ!

— Вотъ такъ цѣльный день! — продолжалъ, съ видимой охотой, солдатъ. — А когда купаться ходятъ, такъ берутъ съ собой — бумагу и карандаши нести!.. Лягутъ себѣ на солнышкѣ и глядятъ!.. Какъ только какая мамзель подальше отплывутъ, такъ сейчасъ саженками вслѣдъ и стишки по дорогѣ сложутъ!.. Потомъ, значитъ, догонютъ и прочтутъ!.. Вотъ и знакомство!

Информація неожиданно прекратилась.

Дверь распахнулась и на порогѣ, въ полосатомъ купальномъ костюмѣ, съ феской на головѣ, показался Иванъ Антоновичъ...

21.

— А, дражайшій! — произнесъ Царевичъ, узнавъ тотчасъ Цыпленкова. — Сколько лѣтъ, сколько зимъ?.. Щелкоперъ!.. Бумагомаратель!.. Чернильное сѣмя!.. Поди-ка сюда?.. Такъ это ты распускаешь по городу пошлыя сплетни?

Цыпленковъ похолодѣлъ.

Цыпленковъ неожиданно почувствовалъ разстройство желудка.

— Я извиняюсь! — пропищалъ хроникеръ. — Отъ имени редакціоннаго коллектива, я приношу извиненіе...

Но Иванъ Антоновичъ не сердился. Онъ только принялъ суровый, уничтожающій видъ. Въ дѣйствительности, Иванъ Антоновичъ даже обрадовался этому посѣщенію, твердо увѣренный извлечь изъ него пользу.

Иванъ Антоновичъ закончилъ поэму.

Въ его портфелѣ хранился еще кое-какой матеріалъ — рядъ старыхъ лирическихъ произведеній, записки изъ походнаго дневника, замѣтки, эскизы, нѣсколько критическихъ опытовъ, стихотвореніе въ прозѣ.

Все это хранилось въ рукописной тетради и ожидало появленія въ свѣтъ.

Но Иванъ Антоновичъ не могъ остановиться на опредѣленномъ органѣ.

Дѣло въ томъ, что ихъ было много, слишкомъ много, чудовищно много.

При самомъ бѣгломъ ознакомленіи съ періодической приморской прессой, можно было назвать, по меньшей мѣрѣ, двѣнадцать изданій.

Здѣсь были — просто „Край“, „Новый Край“ и „Новый Приморскій Край“.

Здѣсь были — просто „Міръ“, „Новый Міръ“ и „Новый Приморскій Міръ“.

Было — „Слово“ и „Русское Слово“, былъ „Голосъ Родины“ и „Голосъ Новой Родины“.

При подобномъ разнообразіи, сдѣлать правильный выборъ представлялось дѣломъ нелегкимъ. Случай, видимо, снова пришелъ на помощь.

Иванъ Антоновичъ сдѣлалъ привѣтливое лицо, перемѣнилъ тонъ и, взявъ Цыпленкова подъ руку, повелъ въ кабинетъ.

— Къ вашимъ услугамъ! — произнесъ Царевичъ, растягиваясь на койкѣ и предлагая Цыпленкову сѣсть на единственный стулъ. — Въ общемъ, я очень радъ!.. Садитесь!.. Что это у васъ — флюсъ?.. Вы представитель прессы?.. Я не ошибся!.. Я люблю симпатичныхъ людей!

Въ короткихъ словахъ Иванъ Антоновичъ изложилъ свою біографію. Весело разсмѣялся, вспомнивъ неожиданное происшествіе въ гостиницѣ „Парадизъ“, посѣтовалъ на довѣрчивость обывателей, выразилъ полное удовлетвореніе городомъ.

Со своей стороны предложилъ хроникеру дать нѣсколько объясненій.

— „Утренняя Почта“? — перебилъ Иванъ Антоновичъ. — Ловлю васъ на словѣ!.. Кажется, прекрасный органъ печати!.. Въ ближайшемъ будущемъ я намѣренъ познакомиться лично съ редакціей!.. Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей!.. Такъ, такъ!.. Наркизъ Наркизовичъ Неаполитанскій!.. Такъ, такъ!.. Большія, свѣтлыя имена!.. Не откажите передать душевный привѣтъ!

Цыпленковъ расцвѣлъ и почувствовалъ мужество.

— Безпремѣнно передамъ! — сказалъ хроникеръ. — А вы на меня не серчаете?.. Разрази Богъ, Царица небесная, вотъ умри я на энтомъ мѣстѣ, хотѣлъ вамъ добра!.. Право слово!

— Ахъ, что за глупости! — улыбнулся Царевичъ. — Ну, съ кѣмъ не случается?.. Я не сержусь, увѣряю васъ, не сержусь!.. Я даже вамъ благодаренъ!

Иванъ Антоновичъ приподнялся и съ чувствомъ пожалъ Цыпленкову руку.

— Я сведу васъ съ Наркизомъ Наркизовичемъ! — сказалъ растроганный хроникеръ. — Онъ все могитъ!.. Сила!

— Оллъ райтъ! — отвѣтилъ Царевичъ.

Хроникеръ взялся за шляпу.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, онъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Я извиняюсь!.. Дайте автографъ? — тихо произнесъ онъ.

Черезъ минуту Цыпленковъ мчался въ редакцію. Цыпленковъ сіялъ.

Въ сердцѣ Цыпленкова пѣли райскія птицы...

22.

Жизнь Рувима Ароновича, подобно жизни каждаго человѣка, напоминала параболу.

Гдѣ-то, когда-то, зародившись въ безконечномъ пространствѣ, скромнымъ пунктиромъ она описала дугу нѣкоторой окружности, подержалась въ зенитѣ и, въ настоящее время, медленно склонялась къ закату.

Рувимъ Ароновичъ Шанкеръ жилъ въ Голубиной Пади, въ небольшомъ домикѣ, доставшемся ему въ качествѣ женинаго приданаго.

Вмѣстѣ съ Рувимомъ Ароновичемъ, въ томъ же домикѣ, жила его жена и сестра жены, жила теща и сестра тещи, жила бабка и сестра бабки. Кромѣ того, жило еще двѣнадцать маленькихъ Шанкеровъ, начиная отъ красиваго черноволосаго юноши въ возрастѣ пятнадцати лѣтъ, кончая груднымъ младенцемъ въ возрастѣ одного мѣсяца.

Рувимъ Ароновичъ былъ еврей.

Но кромѣ того, онъ былъ русскій.

Рувимъ Ароновичъ уважалъ всѣхъ боговъ. Въ одинаковой степени почиталъ старый законъ и, въ то же время, посѣщалъ православный соборъ. Можетъ быть, по этой причинѣ, высшая благодать, съ

особою щедростью, наградила его супружескимъ счастьемъ?

Рувимъ Ароновичъ былъ занятъ коммерческой службой.

Его центральной конторой была Свѣтланская улица. Пара короткихъ, кривыхъ, но достаточно еще быстроходныхъ ногъ, замѣняла телефонъ и курьеровъ. Что касается отдѣленій и мелкихъ бюро, они были раскинуты по всему городу, отъ Эгершельда до Гнилого Угла и отъ Голубиной Пади до пристани, по которымъ, съ утра до поздняго вечера, въ вѣчныхъ хлопотахъ и заботахъ, колесилъ Рувимъ Ароновичъ.

Онъ зналъ все и его знали всѣ.

Безъ посредничества Рувима Ароновича не заключалась ни одна мало мальски приличная сдѣлка. Все, начиная отъ контрабанднаго опія и бенедиктина харбинскаго производства, отъ камчатской селедки до японскаго риса или саке, отъ сибирской кухлянки изъ шкуры оленя до бѣлки, горностая и куньяго мѣха, до шанхайской чесучи и шелковъ, все рѣшительно, начиная отъ молодыхъ свѣтланскихъ барышенъ и кончая старинною китайскою мебелью — проходило черезъ руки Рувима Ароновича.

Другими словами, Рувимъ Ароновичъ былъ свѣтланскій факторъ... Въ субботній день, единственный день недѣли, когда Рувимъ Ароновичъ разрѣшалъ себѣ небольшой, необходимый при его дѣятельности отдыхъ, въ порыжѣвшемъ отъ времени котелкѣ, въ легкомъ люстриновомъ сюртукѣ, обнажавшемъ короткія, полосатыя съ обтрепанной кромкою панталоны, онъ сидѣлъ на скамейкѣ въ городскомъ скверѣ и, съ гигіенической цѣлью, глоталъ чистый воздухъ.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой человѣкъ интеллигентной наружности, въ безупречномъ, съ иголочки, прекрасномъ синемъ костюмѣ, въ кремовыхъ брюкахъ, съ широкой панамой на головѣ.

Сосѣди разговорились.

— Я васъ знаю! — сказалъ РувимъАроновичъ. — Вы ходили съ кинжаломъ?

Молодой человѣкъ наклонилъ голову.

— Вы служите?

Молодой человѣкъ отрицательно покачалъ головой.

— Значитъ, вы получили наслѣдство?

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Я понимаю!.. Я уже все понялъ!.. Ясно какъ лимонадъ! — произнесъ факторъ. — Но что вы скажете, если я предложу вамъ вопросъ?.. Одинъ маленькій вопросъ?

Молодой человѣкъ повернулъ голову.

— Слушайте! — сказалъ РувимъАроновичъ. — Если вамъ нужно купить или продать!... Что хотите, это безразлично, это абсолютно не имѣетъ значенія!.. Если вы хотите продать или купить!.. Вы спросите Рувима Ароновича Шанкера!.. Его адресъ — Свѣтланская улица!

Молодой человѣкъ улыбнулся и угостилъ фактора папиросой.

Могъ-ли подозрѣвать въ эту минуту молодой человѣкъ, что свѣтланскій факторъ, Рувимъ Ароновичъ, сыграетъ въ его жизни немалую роль?..

23.

Встрѣча и знакомство Царевича съ литературнымъ критикомъ „Утренней Почты“ произошли на Шуинскомъ поплавкѣ.

Ровно въ полдень, какъ было условлено, Царевичъ вошелъ въ ресторанъ.

На открытой террасѣ, съ видомъ на бухту „Золотой Рогъ“, уже сидѣлъ десятокъ гостей. Хлопали пробки, половые въ бѣлыхъ курткахъ бѣгали взадъ и впередъ, музыкальная капелла, въ составѣ нѣсколькихъ человѣкъ, играла патетическую окрошку изъ русскихъ пѣсенъ и цыганскихъ романсовъ.

Иванъ Антоновичъ скользнулъ разсѣяннымъ взглядомъ по сторонамъ и усѣлся за угловой столикъ.

Передъ нимъ лежалъ сонный, убаюканный зноемъ заливъ. Вода напоминала расплавленную платину, въ которой дрожали яхонты, аквамарины, топазы. Приткнувшись къ пристани, стояла флотилія китайскихъ шампунокъ, маленькихъ зыбкихъ посудинъ, съ рулевымъ весломъ, съ грязнымъ парусомъ, именуемыхъ въ просторѣчіи — юли-юли. За ними бѣлѣлъ англійскій минный крейсеръ „Карлейль“. Еще дальше виднѣлись грозныя очертанія японскаго броненосца „Кассути“, съ треплющимся на вѣтеркѣ гюйсомъ и золоченою хризантемою на носу.

На противоположной сторонѣ залива манила яркая зелень Чуркина Мыса, съ лѣтнимъ садомъ „Италія“, съ бухтами Діомидъ и Уллисъ. И, наконецъ, далеко въ глубинѣ, закрывая выходъ въ открытое море, синѣлъ въ розовой мглѣ Русскій Островъ...

Царевичъ, въ ожиданіи встрѣчи, сидѣлъ за столомъ.

Мысли его перенеслись снова въ близкое будущее, связанное съ переѣздомъ въ Европу.

Положеніе нѣсколько осложнялось.

Прежде всего, прибытіе парохода „Отецъ Побѣды — Жоржъ Клемансо“, французскаго общества Мессажери Маритимъ, совершающаго регулярные рейсы между портами Дальняго Востока и Марселемъ, по независящимъ причинамъ, ожидалось лишь къ концу іюня.

Во вторыхъ, по наведеннымъ справкамъ въ мѣстныхъ консульствахъ и въ паспортномъ пунктѣ, заграничное путешествіе требовало наличія многихъ документовъ, какъ-то: законнаго паспорта, засвидѣтельствованнаго въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въѣздной, выѣздной и транзитной визъ, свидѣтельства о благонадежности и прививкѣ оспы.

Наконецъ, въ третьихъ и, можетъ быть, самымъ непріятнымъ было то обстоятельство, что длительный переѣздъ, даже въ каютѣ третьяго класса, даже съ продовольствіемъ по минимальному тарифу, вызывалъ расходъ въ восемьсотъ іенъ.

Между тѣмъ, въ распоряженіи Ивана Антоновича оставалось всего семьсотъ.

Иванъ Антоновичъ не былъ вправѣ сѣтовать на судьбу. Но онъ имѣлъ полное основаніе бичевать

себя за легкомысліе, опрометчивость, допущенный промахъ. Какъ можно было, не заручившись точными свѣдѣніями о стоимости билета, проявить небрежную расточительность?

Мелькнула мысль позаимствовать недостающую сумму у кого нибудь изъ добрыхъ знакомыхъ.

У кого именно?

Афанасій Ивановичъ Моркотунъ голъ, какъ церковная мышь.

Правда, есть еще хозяйка меблированныхъ комнатъ „Парадизъ", Аида Раймондовна госпожа Салатко-Петрище, съ простотой умныхъ кокотокъ одѣвавшаяся въ строгое черное платье, какъ говорится — запомни и поди-ка сюда!

Не былъ-ли онъ щедръ по отношенію къ ней? Въ день прощанія не сдѣлалъ-ли онъ поистинѣ царскій подарокъ? Теперь она, со своей стороны, можетъ оказать ему большую услугу.

Однако, мысль унижаться передъ гордою полькой была тотчасъ оставлена.

Остается еще предсѣдатель сапожнаго цеха, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга.

„Сынъ Полка" усмѣхнулся.

— Ну, съ этого сейчасъ взятки гладки!.. Нѣтъ ни малѣйшей надежды!

Впереди, впрочемъ, оставался значительный запасъ времени. Иванъ Антоновичъ утѣшалъ себя соображеніемъ, что недостающіе сто-двѣсти іенъ онъ сумѣетъ, такъ или иначе, заработать. Можетъ быть, тѣмъ же литературнымъ трудомъ, которому онъ сейчасъ предается съ пыломъ юнаго неофита? Знаком-

ство съ Наркизомъ Наркизовичемъ, по этой причинѣ, заслуживаетъ большого вниманія...

Ожиданіе длилось недолго.

Едва успѣлъ Иванъ Антоновичъ выкурить четвертую папиросу, какъ на сходняхъ уже показалась фигура Цыпленкова.

Непосредственно за нимъ выступалъ человѣкъ, неопредѣленнаго возраста, со сверкающимъ цилиндромъ на головѣ, въ темной крылаткѣ, съ раскрытымъ зонтикомъ въ рукахъ, въ глубокихъ зимнихъ галошахъ. На его крупномъ носу, цвѣта спѣлаго баклажана, сидѣло дымчатое пенснэ, съ муаровой лентой, заложенной за правое ухо. Общій видъ напоминалъ заслуженнаго профессора орнитологіи, отчасти берлинскаго фурмана, отчасти агента похоронной процессіи.

Цыпленковъ, съ сіяющимъ лицомъ, подбѣжалъ къ Ивану Антоновичу.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько степенныхъ шаговъ, приподнялъ цилиндръ и произнесъ сочнымъ баскомъ:

— Наркизъ Неаполитанскій!..

24.

Маленькая компанія изъ трехъ человѣкъ усѣлась за угловой столикъ, съ роскошнымъ видомъ на бухту.

Этотъ видъ былъ, на самомъ дѣлѣ, очарователенъ.

Вода напоминала теперь расплавленное золото, въ которомъ сверкали рубины, изумруды, сапфиры. Вмѣсто флотиліи китайскихъ шампунокъ, порхавшихъ по всѣмъ направленіямъ, стоялъ большой транспортный пароходъ, грузившійся углемъ. Но такъ же, какъ раньше бѣлѣлъ минный крейсеръ „Карлейлъ" и сѣрѣли грозные контуры броненосца „Кассуга".

— Адмиральскій часъ! — произнесъ съ улыбкой Царевичъ. — Что же, господа, полагаю можно и приступить?

— Эй, человѣкъ! — крикнулъ онъ половому, съ настороженнымъ лицомъ стоявшему у дверей, и когда лакей подбѣжалъ, обратился:

— Прежде всего, любезный, подашь холодный графинчикъ и маленькій закусонъ!.. Селедку съ лучкомъ!.. Разъ!.. Кетовой икры!.. Два!.. Грибковъ въ сметанѣ!.. Три!.. Понялъ?.. Ну, и то, и другое, и прочее, и тому подобное, какъ говорится! — вспомнилъ онъ невольно Чернѣгу.

— Слушаю, ваше сіятельство! — отвѣтилъ лакей и исчезъ.

Наркизъ Наркизовичъ, сидя въ неизмѣнной крылаткѣ, подъ зонтикомъ — у него была болѣзнь сѣдалищнаго нерва — оказался компанейскимъ и къ тому же занимательнымъ собесѣдникомъ.

Прежде нежели выпить рюмку водки, онъ обнюхивалъ ее со всѣхъ сторонъ, разглядывалъ водку на свѣтъ, держалъ передъ собой, называлъ ласкательными словами:

— Мамочка!.. Голуба!.. Дорогуля моя!

Послѣ чего, быстрымъ движеніемъ опрокидывалъ въ ротъ.

Цыпленковъ никуда не годился.

Вслѣдъ за первой же рюмкой его кинуло въ жаръ, послѣ пятой — ударило въ холодъ. Зубъ занылъ съ нестерпимою силой. Вдобавокъ, хроникерская служба — загадочное убійство въ Корейской Слободкѣ и интервью съ французскимъ посланникомъ, вскорѣ оторвала его отъ стола.

— Я извиняюсь! — пропищалъ онъ коснѣющимъ языкомъ. — Я долженъ дать информацію!.. Ипполитъ Семеновичъ будетъ серчать!

— Ну, и ступай къ чорту! — сказалъ критикъ. — Намъ ты не нуженъ!.. Я тебя презираю!

Цыпленковъ поднялся со стула, потрясъ руку Ивану Антоновичу, заплетающимися шагами направился къ выходу.

Собесѣдники остались вдвоемъ.

— Симпатичный юноша! — сказалъ Иванъ Антоновичъ. — Онъ мнѣ нравится!.. Какъ вы находите?

Наркизъ Наркизовичъ проглотилъ десятую рюмку и поддѣлъ вилкой селедочный хвостъ.

— Мой протеже! — съ гордостью произнесъ критикъ. — Молодъ, конечно, газетнаго опыта нѣтъ, но есть надежды!.. Годковъ черезъ пять, когда выровняется, когда будетъ слава, деньги будетъ ковать!

— Деньги! — вздохнулъ Наркизъ Наркизовичъ и потянулся снова къ графину. — Въ нихъ сила, въ нихъ потенція!.. А слава, батенька, аки дымъ преходящій!.. Ну вотъ, къ примѣру сказать, кто у насъ еще останется, кого помнятъ, кого любятъ, кого читаютъ?

Наркизъ Наркизовичъ на минуту задумался.

— Немировичъ-Данченко! — сказалъ онъ, загнувъ мизинецъ.

— Амфитеатровъ! — сказалъ, загнувъ безымянный.

— Александръ Ивановичъ Купринъ! — и загнулъ средній палецъ.

— Титаны! — произнесъ критикъ. — Богатыри слова!.. Послѣдніе изъ могиканъ!.. Выпьемъ за могиканъ!

Собесѣдники чокнулись и снова наполнили рюмки...

25.

Солнце уже совершило часть круга и аметисты дымчатыхъ сопокъ заголубѣли въ бронзовой оправѣ заката. Вода приняла новый оттѣнокъ. Небо порозовѣло. Въ синей дымкѣ потонули дали Русскаго Острова.

Прикончивъ закуску и водку, собесѣдники взялись за новый графинъ.

— Наркизъ Наркизовичъ, что можно вамъ предложить? — обратился Царевичъ, беря прейсъ-курантъ и тыкая пальцемъ въ дежурное блюдо.

— Супъ потофе и бульонъ съ клецками?.. Битки по казацки или штуфатъ съ макаронами или, можетъ быть, телячье рагу?.. Омлетъ съ смородиновымъ вареньемъ?.. Можетъ быть, позволите а-ля-картъ?

— Можно! — отвѣтилъ критикъ. — Валяй а-ля-картъ!

Иванъ Антоновичъ подозвалъ полового.

Послѣ совмѣстнаго обсужденія, откинувъ супъ, остановились на филе-миньонъ съ шампиньонами и бургундскимъ соусомъ. Къ жаркому была потребована бутылка „Шато-Лафитъ“ 1888 года.

Солнце скрылось за сопками.

Наркизъ Наркизовичъ распахнулъ воротъ кры-

латки и свернулъ зонтикъ. Его плотное, побагровѣвшее лицо, съ бритой губой, лоснилось отъ пота, точно конскій крупъ. Дымчатое пенснэ едва держалось на муаровой лентѣ.

Наркизъ Наркизовичъ былъ въ ударѣ.

— Литература? — ревѣлъ онъ, глотая попеременно то водку, то „Шато-Лафитъ". — Литература?.. Гдѣ она?.. Покажите?.. Нѣтъ больше литературы!.. Скиталецъ?.. Сергѣевъ-Ценскій?.. Серафимовичъ?.. Ха-ха-ха-ха!.. Можетъ быть, Бабель?.. Маяковскій?.. Вѣра Инберъ?.. Ха-ха-ха-ха!.. Мокрицы, слизняки, черви могильные!..

Наркизъ Наркизовичъ прекратилъ демоническій смѣхъ, сдѣлалъ попытку подняться и, ударивъ себя въ грудь, произнесъ съ нѣкоторой торжественностью:

— Есть одинъ!.. Поэтъ Наркизъ Неаполитанскій!

— Выпьемъ за поэта? — предложилъ Царевичъ.

Собесѣдники налили по бокалу вина и чокнулись.

— А пропо? — замѣтилъ Наркизъ Наркизовичъ. — Оказывается и вы литераторъ?.. Въ какомъ органѣ выступали?.. Очень пріятно!

Иванъ Антоновичъ опустилъ скромно глаза.

— Не отрицаю! — произнесъ онъ. — Есть нѣкоторое призваніе!.. Но въ печати не выступалъ!.. Пишу для себя, какъ говорится, для развлеченія!

— Нап-прасно!.. Нап-прасно! — сказалъ критикъ. — Я могу оказать содѣйствіе!.. Прин-неси матеріалъ!.. Ты мнѣ н-нравишься!

Черезъ пять минутъ, Наркизъ Наркизовичъ предложилъ выпить на брудершафтъ.

Онъ быстро хмелѣлъ, сталъ говорить заплетающимся языкомъ и началъ икать.

— Люб-блю тебя! — кричалъ критикъ. — Я сдѣлаю теб-бѣ имя!.. Икъ!.. Ты будешь мой проте-же!.. Икъ-икъ!.. Деньги буд-дешь ковать!

Солнце совсѣмъ скрылось за сопками.

Съ броненосца „Кассуга" прозвучала труба. Бѣлый гюйсъ быстро поползъ внизъ по мачтѣ. Молодой мѣсяцъ закувыркался въ темной водѣ залива.

Шелъ двѣнадцатый часъ.

Царевичъ не былъ пьянъ. Однако, ощущалъ тяжесть, сонливость, нѣкоторую усталость. Онъ уплатилъ по счету и собирался ѣхать домой.

Наркизъ Наркизовичъ разсердился.

— Не смѣй уходить! — кричалъ критикъ. — Не оставляй меня одного, сук-кинъ сынъ!.. Слышишь?.. Выпьемъ пивка!.. Я сдѣлаю теб-бѣ имя!.. Ты будешь мой про-те-же!.. Деньги буд-дешь ковать!

Вслѣдъ за тѣмъ, рухнулъ на столъ и заснулъ...

26.

Въ офицерскомъ общежитіе, носившемъ названіе „Пѣтушиной Ночлежки“, жило нѣсколько человѣкъ.

Въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, выходившихъ на огородъ, помѣщался Афанасій Ивановичъ со своимъ гостемъ. Въ сосѣдней комнатѣ, съ видомъ на улицу, жили саперный поручикъ Девяткинъ, штабсъ-капитанъ тяжелаго мортирнаго дивизіона Бончъ-Бруевичъ и кавказскій драгунъ князь Чавчавадзе.

Это была добрая, легковѣрная, неискушенная молодежъ, подобно нѣкоему растенію раньше положеннаго срока вырванная изъ почвы, безъ прочныхъ традицій, но не лишенная извѣстныхъ устоевъ, уже подвергшаяся разлагающей отравѣ жестокаго лихолѣтья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранившая вѣру въ чистоту своихъ идеаловъ.

Жизнь въ „Пѣтушиной Ночлежкѣ“ протекала скромно и весело.

Днемъ господа офицеры были заняты службой, несли караулъ, провѣряли артиллерійскіе и провіантскіе склады, писали отчетность. Послѣ обѣда отдыхали на койкахъ или спускались къ морю или просто шли по дѣламъ.

Съ наступленіемъ вечера собирались въ кварти-

рѣ Афанасія Ивановича и рѣзались въ карты, въ винтъ, въ банчокъ, въ преферансъ. Когда же заводились деньжонки, посылали Зозулю за пивомъ и развлекались вплоть до разсвѣта.

Играли по маленькой, больше для развлеченія.

Штабсъ-ротмистръ князь Чавчавадзе, сухой брюнетъ съ горбатымъ, точно у коршуна носомъ, не принималъ участія въ картахъ. Аккомпанируя себѣ на гитарѣ, онъ пѣлъ романсы или старую кавказскую пѣсню:

„Нашъ Тыплысъ карошій городъ,
Кура-рѣчка тамъ ти-гетъ,
Въ са-ду мно-га винограда,
Тамъ мой миленькій живьетъ!"

Каждый вечеръ, компанія изъ трехъ-четырехъ человѣкъ собиралась въ комнаткѣ капитана Моркотуна и усаживалась за столъ.

— Пикиндрясъ? — тонкою фистулой начиналъ поручикъ Девяткинъ.

— Бубенцы!

— Червоточина!

— Греческій человѣкъ Трефандосъ! — хрипѣлъ, затягиваясь трубкой, Афанасій Ивановичъ Моркотунъ.

— Пять бубенъ — будь уменъ! — подавалъ баскомъ мортирный артиллеристъ.

— Шлемъ во пицѣхъ! — кричалъ капитанъ и брался за прикупъ.

Иванъ Антоновичъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ картамъ. Онъ не испытывалъ ни волне-

нія, ни карточнаго азарта, присущихъ подлиннымъ игрокамъ. Онъ находилъ карточную игру никчемнымъ занятіемъ. Винтъ съ присыпкою и гвоздемъ, съ разговорами, спорами и копеечнымъ результатомъ, онъ считалъ безполезною тратою времени. Однако, чтобы не разстроить компаніи, присаживался, бывало, за столъ.

Одновременно, его не развлекали хмѣльныя попойки, устраивавшіяся, въ капитанской квартирѣ, когда вразбродъ, буйными голосами, подъ аккомпаниментъ той же гитары, пѣлись веселыя пѣсни, по преимуществу изъ хорошо извѣстнаго военнаго цикла:

„Оружьемъ на солнцѣ сверкая,
Подъ звуки лихихъ трубачей...“

Иногда, подъ управленіемъ того же Афанасія Ивановича, хоръ затягивалъ солдатскія или русскія народныя пѣсни, тягучія и надрывныя, отъ которыхъ сосало подъ ложечкой и щемила тупая, горькая, непередаваемая тоска.

Пѣлись разныя пѣсни — „Изъ за острова, на стрежень“, некрасовскіе „Коробейники“, апухтинскіе „Пара гнѣдыхъ“, семинарская „Пчелка“:

„Гдѣ прежде процвѣтала троянская столица,
Тамъ въ наши времена-а посѣяна пшеница,
Гдѣ прежде пировали троянскіе цари,
Тамъ въ наши времена-а живутъ пономари!“

Гремѣлъ бубенъ, кавказскій драгунъ князь Чавчавадзе, подъ аккомпаниметы хлопковъ, лихо кружился

въ лезгинкѣ. Попойка заканчивалась на разсвѣтѣ, и въ ушахъ еще долго стоялъ звонъ стекла и посуды, хмѣльные выкрики, слова хоровой пѣсни:

„Намъ каждый гость дарованъ Богомъ,
Какой бы ни былъ онъ страны,
И даже въ рубищѣ убогомъ —
Аллаверды, аллаверды!..“

Уже нѣсколько разъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, ссылаясь то на сердечную боль, то на необходимость написать срочное письмо, Иванъ Антоновичъ отказывался отъ картъ и пирушекъ. Въ концѣ концовъ, его сталъ раздражать вѣчный гамъ, крикъ, пѣсни, дребезжанье гитары, пѣтушиное кукареку.

Все это отражалось на настроеніи. Все это препятствовало литературной работѣ. Иванъ Антоновичъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Необходимо перемѣнить квартиру.

— Да брось! — уговаривалъ его Афанасій Ивановичъ. — Чего тебѣ не сидится?.. Воздухъ!.. Море подъ бокомъ!.. Благодать!.. Живешь точно въ деревнѣ!.. Ну, куда ты къ чорту подашься?.. Или денегъ не жаль?.. Брось, посиди, оставайся!.. Привыкнешь къ нашей компаніи!.. Славные, вѣдь, ребята!

— Нѣтъ, Афанасій, не удерживай!

Капитанъ Моркотунъ взмахивалъ рукой и ругался...

27.

Царевичъ запираетъ двери на ключъ и совершаетъ прогулку по комнатѣ, четыре шага впередъ, четыре шага назадъ.

Затѣмъ, подходитъ къ койкѣ, вытаскиваетъ новый кожаный чемоданъ, извлекаетъ „Ящикъ Пандоры“ и присаживается за столъ.

Бронзовымъ ключикомъ отмыкаетъ ларецъ изъ карельской березы, роется въ запискахъ, въ походномъ дневникѣ и „Приходо-расходной тетради“, перелистываетъ послужной списокъ и добирается до бѣлой картонки.

Онъ открываетъ картонку и погружается въ думы.

Передъ нимъ воскресаетъ прежняя жизнь, яркая, пестрая, благоуханная, переливающаяся, какъ южное море, всѣми оттѣнками, свѣтлая, легкая, привольная жизнь.

Онъ извлекаетъ нѣжныя пряди, бѣлокурыя, русыя, золотыя, сверкающія точно огонь, черныя какъ вороново крыло, гладкія и пушистыя, слегка вьющіяся, волнистыя и курчавыя, прикасается къ нимъ устами, обоняетъ уже почти совершенно исчезнувшій ароматъ.

Въ записной книжечкѣ, хранящейся рядомъ, по-

мѣщается краткая объяснительная записка или „легенда“. Иванъ Антоновичъ перебираетъ крошечныя странички и, съ необычайною остротой, воскрешаетъ детали.

Все встаетъ передъ нимъ, все глядитъ на него съ этихъ пожелтѣвшихъ страничекъ, хранящихъ не одну тайну далекихъ воспоминаній.

„Петербургъ, 25 мая 1912 г.
Варенька Ш.“

Скорый поѣздъ въ Одессу... Купе перваго класса... Знакомство... Весенняя ночь... Полустанокъ... Открытое окно... Запахъ черемухи... Щелканье влюбленнаго соловья... Сорванный поцѣлуй... Признаніе, ласки, побѣда!..

Все исчезло, какъ сонъ, какъ миражъ, какъ фатаморгана!.. Только и есть, что этотъ нѣжно вьющійся локонъ, принадлежавшій дѣвушкѣ съ голубыми глазами!

„Ялта, 4 августа 1913 г.
Маргарита Александровна Г.“

Бархатный сезонъ... Патетическая симфонія въ городскомъ паркѣ... Неожиданное знакомство... Теплый осенній закатъ... Прогулка въ Гурзуфъ... Бѣлая дача... Музыка, ужинъ, вино... Поцѣлуй, ласки, побѣда!..

А потомъ — новыя встрѣчи, прогулки верхомъ, ночи торжества и безумія. День прощанія и разлуки... Письма, письма, письма... Финалъ!

„Злотый Потокъ, 10 іюня 1916 г.
Графиня Ирма фонъ К."

Дикая дивизія преслѣдуетъ разбитыхъ австрійцевъ... Огонь, ружейная трескотня, глухіе пушечные раскаты... Трупы, стоны и кровь... Ночлегъ въ помѣщичьемъ замкѣ... Случайная встрѣча... Слезы, ласки, побѣда!.. Звуки трубы... Выстрѣлы, стоны, проклятія умирающихъ!..

„Любовь и Смерть стоятъ, какъ сестры, рядомъ."

Царевичъ нѣкоторое время, въ задумчивости, перебираетъ страницы, мысли его уносятся далеко, далеко.

Гдѣ онѣ сейчасъ, эти ласковыя созданія, подарившія ему столько несказанныхъ минутъ, въ порывѣ пламенныхъ чувствъ, съ полною благосклонностью, открывавшія ему объятья, или тѣ, робкія и застѣнчивыя, которыхъ онъ бралъ смѣлымъ натискомъ, бурной кавалерійской атакой, срывая какъ майскій цвѣтокъ?

Царевичъ захлопываетъ картонку и извлекаетъ бѣлый конвертъ:

— Сикъ транзитъ глоріа мунди!..

Онъ вытаскиваетъ изъ конверта бумажку, другую, третью, четвертую. Онъ разглядываетъ важныхъ бородатыхъ японцевъ, въ національныхъ халатахъ, съ забавными ермолками на головахъ. Онъ пытается разгадать смыслъ невѣдомыхъ іероглифовъ. Отъ желтыхъ бумажекъ пахнетъ клеемъ, типографскою краскою, камфарой.

Онъ прячетъ бумажки обратно, запираетъ ларецъ, кладетъ его въ кожаный чемоданъ.

Раздѣвшись, лежа въ кровати, съ раздраженіемъ прислушивается къ доносящимся карточнымъ выкрикамъ:

— Пикиндрясъ!

— Пять бубенъ — будь уменъ!

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!

Потомъ, вспоминаетъ купальню Комницкаго. Въ сознаніи тотчасъ выростаетъ образъ молодой дѣвушки, съ бѣлой шапочкой на русой головкѣ. Въ ближайшемъ будущемъ онъ долженъ съ ней познакомиться. Просто, подплыветъ, поймаетъ въ водѣ и представится. Это вѣдь не паркетъ великосвѣтской гостинной. Въ купальнѣ салонныя тонкости неумѣстны.

„О, фея грезъ моихъ, Снѣжинка,
Я уязвленъ и я пылаю,
Я лукъ стальной, я какъ пружинка,
Тебя люблю я и желаю.
Твои глаза, какъ діаманты,
А на устахъ цвѣтутъ фіалки,
Ты вся мечта и вся туманъ ты,
И недоступна ты, какъ...“

— Алки!.. Палки!.. Шпаргалки! — шепчетъ Царевичъ, пытаясь подыскать рифму.

Но рифма рѣшительно не идетъ.

— Снѣжинка! — шепчетъ Иванъ Антоновичъ. — Чемпіонъ дальнихъ дистанцій!

Онъ улыбается и засыпаетъ...

28.

Работа въ „Утренней Почтѣ“ кипѣла.

Редакціонный коллективъ былъ въ сборѣ. Это былъ самый бойкій, самый горячій часъ.

Когда Царевичъ вошелъ въ кабинетъ, прежде всего онъ увидѣлъ лысую голову „Шуры“. Редакціонный мальчикъ, держа въ рукахъ большой деревянный подносъ, разносилъ сотрудникамъ чай.

Вслѣдъ за тѣмъ, Царевичъ услышалъ сочный возгласъ Наркиза Наркизовича. Послѣдній, закончивъ критическій очеркъ и очередной некрологъ, только что принялся за крестословицу въ отдѣлъ „Наши Шутки“.

— Мамочка!... Голуба! — закричалъ онъ, подымая носъ отъ бумаги, грузно приподымаясь со стула и запечатлѣвая на щекѣ Ивана Антоновича дружескій поцѣлуй. — Ипполитъ Семеновичъ! — обратился онъ къ редактору. — Разрѣши представить!.. Русскій лордъ Байронъ!.. Торквато Тассо!.. Гордость литературы!

Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, пытливо взглянувъ сквозь черепаховыя очки, протянулъ руку.

— Очень пріятно!.. Чрезвычайно радъ познакомиться! — произнесъ онъ и тотчасъ добавилъ: — Отъ имени редакціоннаго коллектива, приношу изви-

нетіе!.. Неопытность молодого сотрудника послужила причиной досаднаго недоразумѣнія!.. Надѣюсь, вы не въ претензіи?.. Редакція, со своей стороны, готова загладить допущенный промахъ!.. Полковникъ, будьте любезны!.. Присядьте!

Съ этими словами, Ипполитъ Семеновичъ придвинулъ Царевичу стулъ.

— Шура! — обратился онъ одновременно къ редакціонному мальчику. — Еще одинъ стаканъ чая да кстати принесешь баранокъ!

Цыпленковъ съ раздутой щекой сидѣлъ на подоконникѣ и сіялъ.

Спеціальный корреспондентъ „Кокъ“ бѣгалъ съ ножницами по листамъ эмигрантскихъ и совѣтскихъ газетъ и готовилъ очередныя сенсаціи.

— Простите, одну минуту! — сказалъ Ипполитъ Семеновичъ. — Спѣшная информація!.. Ну, давай сюда! — обратился онъ къ „Коку“, принялъ ворохъ листковъ и вполголоса началъ читать. Время отъ времени, чиркалъ что-то карандашомъ, на мгновенье задумывался и карандашъ снова гулялъ по бумагѣ:

„Парижъ. По свѣдѣніямъ нашего спеціальнаго корреспондента, въ связи съ новой экономической политикой СССР, биржа реагируетъ рѣзкимъ повышеніемъ русскихъ процентныхъ бумагъ. Акціи нефтяного синдиката Нобель и Ко поднялись на три пункта.“

— Маловато! — произнесъ задумчиво Ипполитъ Семеновичъ. — Ну, да чего тамъ!.. Намъ не жалко!

И переправилъ „3“ на „33“.

„Лондонъ. Согласно телеграммы нашего спеціальнаго корреспондента, правительства доминій,

отказавшись въ принципѣ отъ фритредерства, требуютъ защитительныхъ пошлинъ на импортное мясо. Трэдъ-юніоны угрожаютъ всеобщею забастовкой. Положеніе Доунингъ-Стрита поколебалось. Въ палатѣ лордовъ ожидается спеціальный запросъ."

— На здоровье! — добавилъ редакторъ.

„Берлинъ. По свѣдѣніямъ нашего собственнаго корреспондента, золотой фондъ рейхсбанка, по требованію комиссіи междосоюзныхъ экспертовъ, зачисленъ въ счетъ репарацій. Паденіе марки продолжается съ неослабѣвающей силой. Офиціальные курсы девизовъ: одинъ англійскій пфаундъ — 3000, американскій долларъ — 600. Ожидается мораторій. Кризисъ правительства неизбѣженъ."

— Ну, и чортъ съ нимъ! — сказалъ Ипполитъ Семеновичъ.

Онъ сдѣлалъ помѣтку и протянулъ ворохъ корреспонденту:

— Въ наборъ!

Ипполитъ Семеновичъ снялъ черепаховыя очки, протеръ стекла фуляромъ, повернулся въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ! — съ любезной улыбкой обратился редакторъ къ Ивану Антоновичу. — Я уже слышалъ?.. Вы принесли матеріалъ?.. А хроникеръ, долженъ вамъ заявить, уже понесъ соотвѣтствующее возмездіе!.. Неслыханно!.. Возмутительно!.. Газету поднялъ на смѣхъ!

Цыпленковъ поблѣднѣлъ и почувствовалъ головокруженіе.

— Это онъ всегда такъ! — замѣтилъ критикъ.—

Особенно, послѣ получки!.. Ничего, молодъ еще, годковъ черезъ пять, когда выровняется...

Ипполитъ Семеновичъ неожиданно взялъ Цыпленкова подъ защиту:

— Наркизъ Наркизовичъ, ты то ужъ лучше помалкивай!.. Чья бы корова мычала!.. Представьте, тоже былъ случай!.. Перепуталъ Александра Блока съ Генрихомъ Блокомъ!.. Что, не помнишь?.. А въ прошломъ году, въ некрологѣ?

Наркизъ Наркизовичъ замолчалъ и, съ недовольнымъ видомъ, уткнулся въ крестословицу.

— Итакъ, возвращаясь къ нашей дискуссіи, — продолжалъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, — весьма радъ былъ бы считать васъ въ числѣ нашихъ сотрудниковъ!.. Что у васъ есть?.. Политическая статья?.. Мемуары военнаго человѣка?.. Можетъ быть, немножко статистики?

— У меня поэма, — отвѣтилъ Иванъ Антоновичъ.— „Романъ и Людмила", героическая поэма изъ эпохи гражданской войны, съ прологомъ и эпилогомъ!

— Поэма? — повторилъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей. — Интересно!.. Весьма интересно!.. Покажите!.. Это прелюбопытно!.. Публика нуждается въ патріотической пищѣ!

Иванъ Антоновичъ вынулъ изъ портфеля объемистый свертокъ и положилъ на столъ.

Редакторъ взялъ свертокъ въ руки, прикинулъ на вѣсъ и сказалъ:

— Ого!.. Солидная вещь!.. Въ манускриптѣ будетъ примѣрно полтора кило!.. Простите за нескромный вопросъ!.. Ваши условія?

— Тридцать сенъ! — скромно отвѣтилъ Иванъ Антоновичъ.

Ипполитъ Семеновичъ поднялъ глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, продолжалъ глядѣть сквозь черепаховыя очки, потомъ побарабанилъ пальцами по столу и произнесъ:

— Условія, конечно, подходятъ!.. Редакція въ состояніи оплатить трудъ даже по болѣе высокой расцѣнкѣ!.. Я предлагаю вамъ пятьдесятъ сенъ!.. Эксплоатація не входитъ въ наши разсчеты!

Царевичъ, въ свою очередь, раскрылъ глаза.

Подобнаго гонорара онъ не могъ себѣ даже представить. Онъ быстро прикинулъ въ умѣ общую сумму и отъ радости чуть не вскрикнулъ.

Онъ поклонился, всталъ съ кресла и съ чувствомъ пожалъ протянутую ему руку.

— Авансъ я могу выдать немедленно! — замѣтилъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей. — Впрочемъ, какъ хотите?.. Съ напечатаніемъ первой главы, можете получить всю причитающуюся сумму сполна.

Черезъ нѣсколько минутъ, Царевичъ выходилъ изъ редакціи. Наркизъ Наркизовичъ вышелъ его проводить.

— Ну, что, братъ? — захохоталъ критикъ. — Я сдѣлаю тебѣ имя!.. Ты будешь мой протеже!.. Деньги будешь ковать!

— А пропо! — добавилъ онъ. — Дай двадцать рублей?.. Въ субботу получка!.. Вычтешь изъ моего гонорара!

Иванъ Антоновичъ вынулъ бумажникъ и протянулъ двадцать іенъ...

29.

По сосѣдству съ редакціей „Утренней Почты“, рядомъ съ китайскими лавками, стойломъ и общественнымъ ретирадомъ, расположена барахолка.

Груды товара лежатъ на цыновкахъ, на деревянныхъ настилахъ, на стелажахъ или просто навалены на землѣ. Чего только нѣтъ въ этомъ богатствѣ, какими-то невѣдомыми путями скопившемся со всѣхъ угловъ великой страны, въ процессѣ грандіознаго общероссійскаго грабежа!

Мебель и кухонная посуда, перины, подушки, музыкальные инструменты, женскіе салопы, юбки, мѣха и наряду съ ними тяжелыя медвѣжьи шубы, сибирская упряжь, валенки, мужицкіе сапоги.

Желѣзный ломъ чередуется съ китайскими издѣліями изъ слоновой кости, ржевые гвозди, проволока и жесть съ разрозненными томами частной библіотеки, съ русскими классиками, съ энциклопедическимъ словаремъ „Брокгауза и Эфрона“, въ роскошныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ золочеными корешками.

И съ утра до заката, оглашая базаръ гамомъ и крикомъ, течетъ человѣческая толпа...

Рядомъ съ барахолкой расположена баня.

Старая дворянская баня о двухъ этажахъ, съ

женскимъ и мужскимъ отдѣленіемъ, съ отдѣльными номерами для семейныхъ и почетныхъ гостей.

Въ банѣ то и дѣло слышутся голоса:

— Мозоля, скорѣй!

— Чжанка, иди сюда!

— Чжанзолинъ, скоро ты кончишь?

Чжанзолинъ — не мукденскій диктаторъ, завоеватель столицы, некоронованный манчжурскій король, Чжанзолинъ — операторъ, здоровенный китаецъ, лѣтъ тридцати, съ раскосыми щелками, съ смуглымъ, степеннымъ лицомъ.

Чжанзолинъ — артистъ своего дѣла. На кліентуру пожаловаться не можетъ, торговаться не позволяетъ. Взявъ кліента за ногу, старательно вырѣзаетъ мозоли и развлекается болтовней.

Публика любитъ слушать его белиберду, хохочетъ навзрыдъ, но самъ разсказчикъ строгъ и серьезенъ.

— Мозоля есть — денегъ нѣту!

— Чиво буду дѣлай, чиво буду кушай?

— Собаку кушай?

— Мозоля буду кушай!

Паціенты хохочутъ, а иные даже отказываются отъ сдачи.

Иногда паціентъ вскакиваетъ, какъ ужаленный, дергается, точно его колятъ иголками, кричитъ на всю баню:

— Ой-ой-ой!.. Будетъ тебѣ, проклятый китаецъ!.. Да будетъ тебѣ, окаянный!

Чжанзолинъ не обращаетъ вниманія и сильнѣе стискиваетъ паціента за ногу:

— Ничево, не кирчи!

Но вотъ изъ женскаго отдѣленія, по сосѣдству, раздается тоненькій голосокъ:

— Чжанзолинъ!

— Мозоля!

— Скоро придешь?

Чжанзолинъ не удостаиваетъ отвѣтомъ. Обыкновенно за него отвѣчаетъ кто нибудь изъ мужчинъ.

Кое-кто изъ посѣтителей, незнакомый съ обычаемъ, спрашиваетъ, хлопая себя по ляжкамъ:

— Какъ?.. Онъ и въ женскомъ отдѣленіи рѣжетъ мозоли?

— А отчего бы нѣтъ? — отвѣчаетъ сразу нѣсколько голосовъ.

— Да вѣдь тамъ... голыя?

Баня дрожитъ отъ хохота. Но кто-то уже спрашиваетъ китайца:

— Чжанзолинъ, а что, мадамы красивыя?.. Хао?

Китаецъ не отрывается отъ работы.

— Есть хао, есть пухао! — спокойно отвѣчаетъ китаецъ. — Молодыя мадамы хао!.. Старыя мадамъ пухао и мозоля его шибко пухао!

— А тебя, чорта, онѣ не стѣсняются?

Но Чжанзолинъ не понимаетъ вопроса или просто не хочетъ понять.

За него опять отвѣчаютъ другіе:

— А чего тамъ стѣсняться?.. Ихъ много, а онъ одинъ!

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, Чжанзолинъ беретъ инструменты и направляется въ женское отдѣленіе...

30.

Въ тихій іюньскій вечеръ, Иванъ Антоновичъ мѣнялъ квартиру.

Обитатели Посьетской улицы могли снова наблюдать эту сцену. Впереди шелъ китаецъ-рогульщикъ, держа на плечѣ парусиновый чемоданъ. За нимъ плелся другой, катая передъ собой двухколесную телѣжку съ кожанымъ чемоданомъ нѣсколько большихъ размѣровъ. Замыкая шествіе, развалившись въ пролеткѣ, ѣхалъ Иванъ Антоновичъ, въ бѣломъ англійскомъ тренчкотѣ, въ тропическомъ шлемѣ, съ бамбуковой тростью въ рукахъ.

Царевичъ покидалъ „Пѣтушиную Ночлежку" безъ особаго сожалѣнія.

Онъ строилъ новые планы.

Разговоръ въ редакціи „Утренней Почты" разбудилъ въ немъ дремавшія силы. Съ удесятиренной энергіей онъ займется теперь литературнымъ трудомъ. Слава и деньги потекутъ къ его ногамъ широкимъ потокомъ!

Съ подобными мыслями, Иванъ Антоновичъ подымался вверхъ по Посьетской, миновалъ меблированныя комнаты „Парадизъ" и показался на Набережной.

Нѣсколько дней тому назадъ, просматривая газе-

ты, онъ наткнулся на объявленіе о сдачѣ комнаты въ тихомъ семейномъ домѣ. Квартира съ обстановкой и пансіономъ обѣщала быть подходящей. Мѣсторасположеніе было исключительно во всѣхъ отношеніяхъ.

Длинная улица тянулась берегомъ моря. Съ одной стороны стояли небольшіе, частью деревянные, частью каменные дома, съ лавками, булочными, бакалейной торговлей. Съ другой стороны, улица крутымъ уступомъ обрывалась непосредственно къ морю, пылавшему въ прощальныхъ лучахъ заката.

Точно въ огнѣ горѣла фіолетовая вода, дробясь тысячами цвѣтовъ и оттѣнковъ. Посерединѣ залива бѣлѣлъ сонный парусъ шаланды. Далекія горы противоположнаго берега — казалось, совсѣмъ близко, рукой подать — тонули въ мягкомъ туманѣ.

Бѣлыми пятнами, низко склонившись къ водѣ, виднѣлись дачныя мѣстности — Седанка, Океанская, Садъ-Городъ, заимка Конрада, Сидеми...

Царевичъ крикнулъ, сдѣлалъ рогульщикамъ знакъ и подъѣхалъ къ двухэтажному кирпичному домику, подъ № 24.

Это былъ небольшой особнякъ, выкрашенный въ бѣлую краску, съ алою черепичною крышей. Шесть окошекъ съ балкономъ выходило на улицу. Отлогая лѣстница вела на верхній этажъ.

Хозяйка, Эльвира Карловна Шторхъ, геборене фонъ Хазенклеверъ, милая старушка изъ Риги, видимо ожидала новаго квартиранта. Стоя на высокомъ балконѣ, она уже издали улыбалась и привѣтливо махала рукой.

Рогульщики снесли вещи наверхъ.

Черезъ пять минутъ, Царевичъ стоялъ въ про-

сторной, прилично обставленной комнатѣ, съ желтенькими обоями на стѣнахъ, съ еще пахнущимъ свѣжей масляной краскою поломъ.

Въ одномъ углу стояла кровать, подъ легкимъ пикейнымъ одѣяломъ. Въ другомъ — умывальникъ, комодъ, дамскій письменный столикъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была задрапирована японскимъ ковромъ и прикрыта платянымъ шкафомъ. На полу лежала японская соломенная цыновка. Съ потолка свѣшивался бумажный японскій фонарикъ. И всѣ три окна глядѣли на западъ, съ незабываемымъ видомъ на Амурскій заливъ.

Комната производила чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Все было свѣтло, чисто, нарядно. Такая комната соотвѣтствовала бы молодой дѣвушкѣ. Въ такой комнатѣ должны хорошо себя чувствовать Музы.

По случаю переѣзда, Иванъ Антоновичъ былъ приглашенъ къ вечернему чаю. Онъ вышелъ въ столовую, поздоровался съ хозяйскимъ сыномъ и дочерью, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ.

Эльвира Карловна тронула его за рукавъ.

— Герръ оберстъ! — сказала старушка. — Ферцейенъ зи!.. Разрѣшите представить вамъ вашу сосѣдку?

Иванъ Антоновичъ обернулся.

Передъ нимъ стоялъ предметъ его думъ, царица грезъ, чемпіонъ дальнихъ дистанцій — Милочка Морозова!..

31.

Три дня живетъ Царевичъ на новой квартирѣ и не можетъ еще прійти въ себя.

Какъ могло произойти столь изумительное событіе, что онъ оказался подъ одной кровлей съ той именно дѣвушкой, о которой мечталъ послѣднія три недѣли?

— Странный фактъ!

— Удивительный случай!

— Рѣдкое совпаденіе!

Онъ живетъ съ нею на одной улицѣ, подъ одной крышей, совсѣмъ рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, и только платяной шкафъ отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга.

Они видятся каждый день.

Уже въ восемь часовъ утра, лежа еще въ кровати, Царевичъ слышитъ, какъ дѣвушка одѣвается, плещется, напѣваетъ, стучитъ по комнатѣ каблучками и уходитъ на службу.

Къ тремъ часамъ она возвращается, захватываетъ купальный костюмъ и, вмѣстѣ съ Иваномъ Антоновичемъ, направляется въ купальню Комнацкаго.

За обѣдомъ они сидятъ рядомъ.

Они сидятъ такъ близко, что онъ слышитъ ея ды-

ханіе, чувствуетъ теплоту дѣвичьяго бедра, прикасается случайно къ ея ногѣ.

Послѣ обѣда, Царевичъ занимается литературнымъ трудомъ. Дѣвушка читаетъ или отдыхаетъ въ своей комнаткѣ. Черезъ часъ, онъ подходитъ къ дверямъ и стучитъ.

Дѣвушка одѣвается и вмѣстѣ съ нимъ выходитъ на улицу.

На Набережной, прямо противъ ихъ дома, стоитъ на обрывѣ скамейка. Они садятся на эту скамью, смотрятъ на море, которое лежитъ гдѣ-то внизу, подъ ногами, глядятъ на противоположный берегъ залива, на далекія горы, любуются вечернимъ закатомъ.

— Иванъ Ца-ре-вичъ! — вспоминаетъ вдругъ дѣвушка и начинаетъ звонко смѣяться. — Нѣтъ, вы не шутите?.. Это удивительно!.. Это просто невѣроятно!.. Ха-ха-ха!. Я понимаю — Иванъ!.. Я еще понимаю — Царевичъ!.. Но — Иванъ Ца-ре-вичъ?.. Ха-ха-ха!.. Это точно, какъ въ сказкѣ!.. Честное слово!

Иванъ Антоновичъ улыбается.

— Что же тутъ удивительнаго, Милица Михайловна?.. Просто случайное совпаденіе!.. Существуютъ вещи еще болѣе странныя!

— Иванъ Ца-ре-вичъ! — продолжаетъ шептать дѣвушка. — Иванъ Ца-ре-вичъ!

Они подымаются со скамьи, поворачиваютъ направо, по направленію къ Семеновскому Базару, и выходятъ на Свѣтланскую улицу. Крѣпко взявшисъ подъ руки, чтобы не затеряться въ толпѣ, проходятъ зданіе Почты и направляются въ городской скверъ.

Тамъ снова сидятъ они на скамейкѣ, укрывшись въ тѣни деревьевъ, наблюдая проходящую публику, любуясь игрой дѣтишекъ, мальчиковъ въ коротенькихъ курточкахъ, дѣвочекъ въ свѣтленькихъ платьицахъ, съ голубыми бантиками, съ косичками, толстощекихъ бутузовъ съ курчавыми головенками.

Царевичъ туманными загадками дѣлится о своемъ прошломъ. Дѣвушка простосердечно передаетъ свою жизнь, вспоминаетъ Москву, родныхъ, близкихъ друзей. Ей грустно жить такъ далеко отъ Москвы, она чувствуетъ себя совсѣмъ одинокой.

— Иванъ Антоновичъ, скажите, мы скоро вернемся въ Москву?

— Скоро, Милица Михайловна! — отвѣчаетъ, съ улыбкой, Царевичъ, просто такъ, чтобы доставить дѣвушкѣ удовольствіе.

— Ну, какъ скоро? — спрашиваетъ Милочка. — Черезъ годъ вернемся?

— О, черезъ годъ непремѣнно вернемся!

Миловидное личико, съ родинками на обѣихъ щекахъ, вспыхиваетъ отъ радости и становится еще болѣе привлекательнымъ...

Черный пологъ мало по малу окутываетъ городъ, море, далекія сопки. Щедрымъ ковшомъ, какъ золотистыя пчелы, разсыпаются звѣзды. Точно серебряный рубль, катится полная сытая улыбающаяся луна.

Они покидаютъ скверъ и снова идутъ по Свѣтланкѣ.

На всѣхъ концахъ горятъ уличные огни, сверкаютъ витрины, грохочатъ трамваи, проносятся дрожки. На поплавкѣ Шуина играетъ струнный квинтетъ,

бойко торгуютъ кафе-рестораны, кондитерскія, лотошные клубы.

А на противоположномъ берегу бухты, точно декорація изъ фантастическаго балета, мигаютъ фонарики и лампіоны иллюминованнаго сада „Италія“.

Медленными шагами, они направляются въ кинематографъ, занимаютъ мѣста въ уголкѣ, въ самомъ послѣднемъ ряду, тѣсно прижавшись другъ къ другу, держа руку въ рукѣ, слѣдятъ за картинами волшебнаго фонаря.

Одинъ разъ они смотрѣли оригинальную американскую пьесу „Въ старомъ Кентукки“, въ другой разъ наблюдали „Длинноногаго Папу“ — комическій фарсъ изъ жизни дѣвичьяго пансіона, съ участіемъ Мэри Пикфордъ, въ третій разъ любовались Эмилемъ Яннингсомъ, въ драмѣ „Дантонъ“.

Послѣ кинематографа идутъ въ ресторанъ или въ кафэ.

Къ двѣнадцати часамъ возвращаются обычно домой.

— Спокойной ночи, Иванъ Антоновичъ! — говоритъ Милочка, прощаясь съ нимъ въ коридорѣ.

— Спокойной ночи, Милица Михайловна! — отвѣчаетъ Царевичъ и смотритъ вслѣдъ...

32.

Море и небо, небо и море!..

Если подойти къ окну, глазу не оторваться отъ чарующей панорамы. Все ласкаетъ здѣсь взоръ — бездонный сводъ, опустившiйся куполомъ надъ водою и какъ бы застывшiй въ любовномъ объятьи. Такая же бездонная, переливающаяся на солнцѣ пучина, отражающая ликъ синихъ небесъ.

А дальше, на грани далекато горизонта, голубѣетъ таинственный дикiй хребетъ, съ бѣлѣющими заимками, съ дикой зеленой тайгой, раскинувшейся на тысячу верстъ, вплоть до корейской границы...

Каждое утро, поднявшись съ постели, Царевичъ подходитъ къ окну, открываетъ дверь на балконъ и долго глядитъ на море. Потомъ, выпивъ натощакъ стаканъ молока, начинаетъ медленно одѣваться.

На письменномъ столикѣ стоитъ зеркало, толстаго шлифованнато стекла. Царевичъ присаживается за столъ, смотрится въ зеркало, изучаетъ лицо.

Онъ видитъ высокiй правильный лобъ, обрамленный темными, слегка вьющимися волосами. Въ упоръ смотрятъ сѣрые, холодные, выразительные глаза. Тонкiй, умѣренный, съ небольшой горбинкою носъ, подъ нимъ свѣжiя полныя губы, съ подстриженными на англiйскiй манеръ усами. Поперекъ лба залегло нѣ-

сколько морщинокъ. На вискахъ серебрится преждевременная сѣдинка. Волосы на макушкѣ начинаютъ слегка рѣдѣть.

Царевичъ пытливо изучаетъ лицо и приходитъ къ заключенію, что оно можетъ еще имѣть успѣхъ. Конечно, испытанія великой войны и переживанія революціи наложили свой отпечатокъ. Еще хуже съ сердцемъ — наблюдаются перебои, глухіе тоны, одышка.

Но лицо его, во всякомъ случаѣ, чуждо шаблона. Въ немъ есть что-то вызывающее, мужественное, загадочное, неуловимое. Такія лица нравятся женщинамъ.

Въ такихъ именно лицахъ женщины воплощаютъ мечты о герояхъ...

Все, что онъ наблюдаетъ сейчасъ въ зеркалѣ, передано ему по наслѣдству. Кто создалъ эти линіи, чья кровь переливается въ жилахъ, кто наполнилъ плотью и жизнью его стройное тѣло?

Тайна происхожденія ему невѣдома.

Уже не разъ онъ пытался было приподнять эту непроницаемую завѣсу, но на свой вопросъ не получалъ никакого отвѣта.

Его внѣшность хранитъ слѣды породы.

Его духовный міръ, въ свою очередь, тонокъ, сложенъ, многообразенъ, склоненъ къ романтикѣ, широкимъ полетамъ мысли, возвышеннымъ идеаламъ. Онъ обладаетъ извѣстными дарованіями, пишетъ стихи, понимаетъ и чувствуетъ музыку, недурно играетъ въ лаунъ-теннисъ.

Онъ несомнѣнно плодъ высокой одухотворенной любви.

Какая связь соединяла людей, подарившихъ ему жизнь?.. Мимолетная встрѣча, которая перешла въ пылкое увлеченіе, въ бурную страсть двухъ индивидуумовъ, не имѣвшихъ возможности, по нѣкоторымъ причинамъ, заключить союзъ передъ алтаремъ?

Можетъ быть, морганатическій бракъ?

Можетъ быть, въ его жилахъ струится царская кровь?

Весьма вѣроятно, что по своему происхожденію, онъ принадлежитъ къ знатному роду. На подобныя размышленія наводятъ многія обстоятельства.

Напримѣръ — баронъ де Монфоръ?.. Баронъ Фрейтагъ фонъ Лорингофенъ?.. Баронъ Пилларъ фонъ Пильхау графъ Коцебу?.. Или графъ Велепольскій маркизъ на-Мировѣ Гонзаго-Мышковскій?.. Демидовъ князь Санъ-Донато?.. Князь Кантакузенъ графъ Сперанскій?.. Наконецъ, свѣтлѣйшій князь Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ?..

Царевичъ питаетъ непреодолимое влеченіе къ титуламъ.

Онъ перебираетъ въ памяти рядъ звонкихъ именъ, рюриковичей, гедиминовичей, князей татарскихъ, князей грузинскихъ. Онъ создаетъ новые титулы, самые удивительные, самые оригинальные, пригоняетъ ихъ къ собственной фамиліи:

— Графъ Царевичъ - Даурскій князь Сихота-Алинъ!

— Князь Царевичъ-Батый князь Кучумъ-Чингисъ-Ханъ-Гантимуровъ Сибирскій!

Князь Царевичъ-Дабижа-Дадьянъ ди Буа де Романъ-Кайсаровъ Минтрельскій!

Потомъ, мысли его отвлекаются въ сторону и сосредотачиваются на юной сосѣдкѣ:

— Славная дѣвушка!

Вотъ, сейчасъ она работаетъ въ почтовой конторѣ... Къ тремъ часамъ онъ выйдетъ навстрѣчу... Вмѣстѣ съ ней совершитъ небольшую прогулку по берегу моря, пойдетъ вмѣстѣ купаться, вмѣстѣ вернется домой... Вечеромъ, какъ обычно, будетъ сидѣть съ нею въ городскомъ скверѣ, глядѣть на ночные огни, вести дружескую бесѣду...

Скоро ему придется съ нею разстаться.

Царевичъ задумывается и шепчетъ:

— Милочка!

— Снѣжинка!

— Чемпіонъ дальнихъ дистанцій!..

33.

Царевичъ сидѣлъ въ скверѣ Завойко.

Рядомъ съ нимъ, болтая голыми пятками, въ лѣтнихъ сандаліяхъ, сидѣлъ на скамьѣ спеціальный корреспондентъ, Николка Бѣляевъ, жевалъ, по обыкновенію, американскую резину и чертилъ тросточкой по песку.

Плылъ ясный тихій, безтрепетный вечеръ.

Въ скверѣ еще рѣзвились дѣти. На лавкахъ, съ работой въ рукахъ сидѣли мамки, дѣвушки, няньки. Въ боковыхъ аллеяхъ гуляли молодые люди и барышни. На противоположной сторонѣ тихо дремалъ заливъ. Аметисты дымчатыхъ сопокъ горѣли въ бронзовой оправѣ заката.

По дорожкѣ шелъ человѣкъ.

Онъ шелъ, опираясь на палку, тяжело волоча правую ногу.

— Это „Черная Маска“! — произнесъ „Кокъ“. — Жаль Наркиза нѣтъ!.. Вотъ бы ему тема для фельетона!.. Шедевръ!.. Любого Дорошевича бы заткнулъ!.. Ей-Бо..!

И, сложивъ руки рупоромъ, закричалъ:

— Эй, капитанъ!.. Алло!.. Пожалуйте-ка сюда!

Незнакомецъ остановился, повернулъ голову, махнулъ небрежно рукой. Черезъ минуту, однако, подошелъ и присѣлъ на скамью.

Онъ былъ въ военной фуражкѣ, въ затрепанной курткѣ изъ солдатскаго сукна, въ грубыхъ стоптанныхъ башмакахъ. Лицо его, безцвѣтное, худое и изможденное, не представляло ничего особеннаго. Въ революціонную пору подобныя лица встрѣчаются на каждомъ шагу.

Но капитанъ — особенный человѣкъ.

Капитанъ Королевъ — „Охотникъ за Черепами".

Капитанъ не скрываетъ своей профессіи. Онъ знаетъ, съ кѣмъ можно быть откровеннымъ. И въ короткой бесѣдѣ передаетъ свою исповѣдь.

Нужда заѣла!.. На этотъ путь пришлось стать по необходимости!.. Кабы не большевицкая революція, онъ былъ бы теперь батальоннымъ, имѣлъ работу и кусокъ ситнаго хлѣба!

— Жена, дѣти! — хмуро говоритъ капитанъ.— Работишки никакой!.. Сами посудите, что будешь дѣлать?

Съ наступленіемъ ночи капитанъ Королевъ отправляется на „охоту". Медленно ковыляя, онъ подымается по Китайской, туда, гдѣ глуше и меньше народу, сворачиваетъ въ проулокъ, останавливается и выжидаетъ.

Ждетъ часъ, другой, пока не клюнетъ.

У капитана глазъ острый, наметанный, а чутье, какъ у лягаваго кобеля. Прошмыгнетъ рогульщикъ-каули, проплетется старая нищенка, пройдетъ японскій солдатъ, съ винтовкою на плечѣ. Капитанъ

стоитъ, прижавшись въ тѣни у забора. Его не видно, только алѣетъ огонекъ папиросы-крученки.

Но вотъ, озираясь пугливо по сторонамъ, стараясь не издавать лишняго звука мягкими войлочными улами, проскользнетъ въ переулокъ китаецъ-лавочникъ съ Семеновскаго Базара. Онъ только что изъ опіекурильни, а можетъ быть, совершилъ удачную сдѣлку или выигралъ въ кости въ китайской харчевнѣ.

Еще лучше, когда изъ Корейской Слободки, гдѣ живутъ веселыя женщины, возвращается хмельной артельщикъ, комиссіонеръ, загулявшій свѣтланскій купчикъ.

Капитанъ Королевъ бьетъ навѣрняка.

Онъ выхватываетъ изъ кармана кусокъ плотной марли, окутываетъ имъ голову, выходитъ изъ тѣни и говоритъ сдавленнымъ шопотомъ:

— Деньги?

Въ правой рукѣ поблескиваетъ наганъ...

— И что же? — спрашиваетъ Царевичъ. — Даютъ?

— Обязательно! — отвѣчаетъ спокойно капитанъ Королевъ.

— А если нѣтъ?

— Такого случая еще не бывало! — усмѣхается капитанъ. — Богъ милостивъ, пока не бывало!

Наступило продолжительное молчаніе.

— Ну, мнѣ пора!

Поднявшись со скамейки, капитанъ козырнулъ и тяжело направился къ выходу...

34.

Давно ожидаемое событіе пришло, какъ всегда, неожиданно.

Царевичъ брился и сидѣлъ съ намыленною щекой, когда, постучавъ въ дверь, вошла хозяйка и положила на комодъ номеръ „Утренней Почты“.

— Гутенъ тагъ, герръ оберстъ! — сказала старушка.

— Гутенъ тагъ, фрау Шторхъ! — отвѣтилъ Царевичъ.

Иванъ Антоновичъ, не спѣша, закончилъ свой туалетъ. Подстригъ усы, подравнялъ брови, выдернулъ волосокъ изъ ушной мочки.

Послѣ этого, нѣкоторое время провелъ въ подсчетахъ, копаясь въ „Приходо-расходной тетради“. Деньги текли съ невѣроятною быстротой. Изъ тысячи японскихъ іенъ оставались всего двѣ сотенныя бумажки.

Куда онъ истратилъ такую сумму?

Иванъ Антоновичъ былъ аккуратенъ и записывалъ каждую мелочь.

Вотъ расходъ вчерашняго дня:

1. Два десятка папиросъ „Нѣга" . . . 20 сенъ.
2. Двѣ плитки молочнаго шеколада . . . 30 сенъ
3. Двѣ пары чулокъ фильдекосовыхъ для Милочки . . . . 2 іены.
4. Пара шагреневыхъ туфелекъ для нея же 5 іенъ.
5. Флаконъ парижскихъ духовъ „Лориганъ-Коти" для нея же . . . . . 10 іенъ.

Итого — 17 іенъ 50 сенъ.

Царевичъ тщательно провѣрилъ расходъ послѣдняго мѣсяца. Все было правильно, до послѣдней копѣйки.

Иванъ Антоновичъ сдѣлалъ другой подсчетъ.

Въ его поэмѣ „Романъ и Людмила" — восемьдесятъ четыре главы. Каждая глава, написанная четырехстопнымъ ямбомъ, содержитъ шестьдесятъ строчекъ. Если сдѣлать маленькую арифметическую задачу, другими словами, умножить восемьдесятъ четыре на шестьдесятъ — получится пять тысячъ сорокъ строкъ.

Если продолжить эту задачу, другими словами, умножить послѣднюю цыфру на гонораръ въ пятьдесятъ сенъ за строку, получится общая сумма въ — двѣ тысячи пятьсотъ двадцать іенъ.

Вотъ что говоритъ языкъ цыфръ, ясный, точный, опредѣленный.

Двѣ тысячи пятьсотъ двадцать японскихъ іенъ!

Это почти состояніе!.. Какое счастье, что онъ обладаетъ талантомъ!... При этомъ, работа дается шутя, почти безъ всякаго напряженія!..

Невольно вспомнилось выраженіе Наркиза Наркизовича:

— Я сдѣлаю тебѣ имя!

— Деньги будешь ковать!..

Да, теперь онъ будетъ ковать одну вещь за другой!.. Каждыя двѣ строки приносятъ ему золотой рубль!.. Вотъ что даетъ вдохновенное творчество, въ переводѣ на презрѣнный металлъ!..

„Сынъ Полка“ потянулся къ комоду и взялъ въ руки номеръ „Утренней Почты“.

Онъ пробѣжалъ передовицу, мелькомъ взглянулъ на портретъ вновь назначеннаго министра внутреннихъ дѣлъ, прочелъ новый указъ правительства Земскаго Края о порядкѣ выборовъ въ Земскій Соборъ, отвернулъ страницу.

Лицо его отразило величайшую радость.

Въ подвалѣ, набранная корпусомъ, стояла глава поэмы!

Подъ поэмой, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, стояла его фамилія!...

Иванъ Антоновичъ затрепеталъ.

Онъ пробѣжалъ поэму, прочелъ вторично, замѣтилъ нѣсколько корректурныхъ ошибокъ, и прочелъ въ третій разъ — громко, вслухъ, скандируя каждое слово, останавливаясь на знакахъ препинанія, на отдѣльныхъ строфахъ.

Затѣмъ, схвативъ номеръ газеты, поднялся со стула и, размахивая руками, закружился по комнатѣ, изображая на этотъ разъ нѣчто среднее между тустепомъ и аргентинскимъ танго.

Иванъ Антоновичъ сорвалъ съ гвоздя шляпу и выбѣжалъ на улицу.

Онъ почувствовалъ себя спасеннымъ во второй разъ.

Трубите трубы, гремите фанфары, бряцайте арфы и лиры поэтовъ!..

35.

Черезъ десять минутъ, проскочивъ Семеновскій Базаръ, онъ стоялъ на порогѣ редакціи.

Взорамъ его представилась слѣдующая картина.

Посреди комнаты, верхомъ на Цыпленковѣ, сидѣлъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, ухвативъ въ горсти бѣлобрысые вихры хроникера, а другой рукой, вооруженной свернутымъ въ руло манускриптомъ, наносилъ удары по головѣ.

Плотное лицо Ипполита Семеновича дышало гнѣвомъ и яростью. Онъ расточалъ удары и, одновременно, искаженнымъ голосомъ, хрипло кричалъ:

— Вотъ тебѣ!.. Вотъ тебѣ!.. Вотъ тебѣ, негодяй!

— Я извиняюсь! — пищалъ Цыпленковъ, стоя на карачкахъ и какъ лошадь мотая головой. — Въ останній разъ!.. Какъ Богъ святъ, вотъ-те Христосъ!.. Я извиняюсь, Ипполитъ Семеновичъ!

— Никакихъ извиненій! — ревѣлъ редакторъ, слѣзая съ Цыпленкова и падая въ кресло.—Съ глазъ моихъ долой!.. Вонъ!

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, тяжело отдуваясь, отирая платкомъ катившійся потъ.

Сотрудники, какъ ни въ чемъ не бывало, занимались своимъ дѣломъ.

Наркизъ Наркизовичъ скрипѣлъ перомъ, изобрѣтая новую крестословицу. Спеціальный корреспондентъ „Кокъ“, макая кисть въ банку съ столярнымъ клеемъ, готовилъ спеціальныя телеграммы. Редакціонный мальчикъ „Шура“ перемывалъ стаканы.

— А, полковникъ! — произнесъ Ипполитъ Семеновичъ, неожиданно замѣтивъ стоявшаго на порогѣ Ивана Антоновича. — Прошу!.. Сдѣлайте одолженіе!

Редакторъ-издатель нѣсколько успокоился. Онъ обладалъ неоцѣнимымъ качествомъ. Онъ вспыхивалъ, какъ бездымный порохъ, и въ то же время съ чрезвычайною быстротой отходилъ.

— Простите! — произнесъ Ипполитъ Семеновичъ, обращаясь къ Царевичу. — Вы присутствовали при домашней сценѣ!.. Я принужденъ былъ сдѣлать отеческое внушеніе!.. Негодяй снова подвелъ газету!.. Онъ топитъ мое доброе имя!.. Господи Іисусе, за что наказуешь меня? — патетически воскликнулъ редакторъ, отшвырнувъ рукопись и хватаясь за голову руками.

Наркизъ Наркизовичъ оторвался отъ крестословицы.

— Мамочка!.. Здравствуй, голуба! — обрадовался критикъ, поправляя на носу дымчатое пенснэ. — Поздравляю!.. Читалъ утренній номеръ?

— Поздравляю! — отозвался изъ угла „Кокъ“.

— Поздравляю! — пропищалъ Цыпленковъ, смачивая чаемъ вихры.

— Имѣю честь проздравить! —сказалъ „Шура“. — Очень замѣчательно!

— Да, да, поздравляю! — произнесъ, въ свою оче-

редь, Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей. — Отъ имени редакціоннаго коллектива, приношу общее поздравленіе!

Царевича окружили со всѣхъ сторонъ, пожимали руки, хлопали по плечу.

— Собственно, не мѣшало бы вспрыснуть? — замѣтилъ критикъ. — Первое выступленіе!.. Шумный успѣхъ!.. Торквато Тассо! — обратился онъ къ Ивану Антоновичу. — Дай три рубля, я схожу за водкой!

— Кстати, купишь баранковъ! — добавилъ Ипполитъ Семеновичъ. — Какъ же такъ безъ закуски!

Черезъ четвертъ часа, редакціонный коллективъ, въ полномъ составѣ, сидѣлъ за столомъ. Рядомъ строчилъ линотипъ. Съ грохотомъ каталась ротаціонная машина, выкидывая пахнувшіе краской листы. Китайчата-газетчики толпились у входа.

Банкетъ затянулся до вечера.

Редакціонный мальчикъ „Шура" трижды бѣгалъ за водкой и колбасой. Были тосты, остроумные спичи, пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ.

Иванъ Антоновичъ отвѣчалъ на привѣтствія.

Царевичъ былъ щедръ.

Онъ угощалъ не только водкой и колбасой, но предложилъ редакціонному мальчику принести дюжину пива и горячихъ пельменей. Онъ расчувствовался и выпилъ со всѣми на брудершафтъ. Въ заключеніе, приказалъ „Шурѣ" сбѣгать за сельтерской и лимонадомъ.

Редакціонный коллективъ, въ полномъ составѣ, взявшись за руки, плясалъ трепака. Плясалъ редакторъ Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей, плясалъ литературный критикъ Наркизъ Наркизовичъ, спеціаль-

ный корреспондентъ „Кокъ“, хроникеръ Цыпленковъ, плясалъ редакціонный мальчикъ „Шура“.

Банкетъ закончился на разсвѣтѣ.

Царевичъ былъ щедръ.

Да, онъ былъ очень щедръ.

Передъ нимъ плясали японскія іены!..

36.

Сѣрый латанный парусъ треплется на бамбуковой мачтѣ, скрипитъ въ уключинѣ рулевое весло, приводимое въ движенiе старымъ китайцемъ, который стоитъ на кормѣ, босоногiй, въ короткихъ синихъ портахъ и такой же рубашкѣ, въ соломенной шляпѣ съ ободранными краями.

Тихо скользитъ шампунка по синей маслянистой водѣ залива.

Надъ головой знойный полдень. Дальше и дальше уходитъ городъ, съ шумомъ и гамомъ, съ металлическимъ звономъ, стуками, грохотомъ, толчеей. Уже теряются улицы и только отдѣльныя зданiя выдѣляются на фонѣ сопокъ и зеленой листвы городскихъ скверовъ. Огненной точкой сверкаетъ золотой куполъ собора, еще выше бѣлѣетъ Пушкинская гимназiя, за нею стройный массивъ Коммерческаго училища, и вотъ, мало-по-малу, все тонетъ въ лиловой мглѣ.

Царевичъ сидитъ рядомъ съ Милочкой на скамейкѣ, посреди лодки. У ногъ лежитъ мѣшокъ изъ коричневаго брезента, въ которомъ находится провизiя, бутылка вина, пара купальныхъ костюмовъ. Воскресный день тянетъ на волю, ближе къ зеленой природѣ, къ скалистымъ кручамъ, къ водѣ.

„Ты помнишь ласковость залива,
Жемгужно-пепельныя волны,
Луги, дрожавшіе какъ струнки,
А въ небѣ плыли корабли?..“

Царевичъ взглядываетъ на Милочку. Вотъ, она сидитъ рядомъ съ нимъ, совершенно вплотную, скромно поджавъ подъ себя ножки въ новыхъ шагреневыхъ туфелькахъ, въ свѣтлыхъ чулочкахъ, виднѣющихся изъ-подъ подола юбки. Синяя тѣнь отъ шляпы закрываетъ лицо, падаетъ на бѣлую блузку съ отложнымъ морскимъ воротничкомъ и кончается рѣзко очерченной гранью, за которой бьетъ въ глаза ослѣпительный свѣтъ.

Иногда Милочка склоняется къ борту, перегибается, черпаетъ пальчиками теплую соленую воду. Русый локонъ вьется на лѣвой щекѣ, порхаетъ по лицу, огненный лучъ золотитъ его поцѣлуемъ.

Китаецъ-лодочникъ лѣниво перебираетъ весломъ. Время отъ времени, затягиваетъ монотонную пѣсню, обнажая оскалъ щербатыхъ желтыхъ зубовъ. И такъ же безжизненно виситъ парусъ на бамбуковой мачтѣ, еле колеблемый вздохами вѣтра.

Уже позади остался Восточный Босфоръ.

И все ближе выростаютъ скалистыя кручи, забитыя кустами шиповника, жимолости, боярышника, дикаго винограда. Внизу бѣлѣетъ полоска земли, а наверху сплошной зеленый хаосъ, съ кровавыми пятнами краснаго клена.

Это — Русскій Островъ, гористый, круглый какъ блинъ, пятипалый точно раздвинутая медвѣжья лапа,

изрѣзанный безсчетными заливами, бухточками, лагунами.

На фонѣ зеленаго хаоса сверкаетъ бѣлая дачка или кирпичная кладка бывшей казармы. Въ ней помѣщается сейчасъ императорская военная академія съ тремя заслуженными профессорами, старымъ вахтеромъ и знаменитой библіотекой, въ количествѣ ста тысячъ томовъ, перевезенныхъ съ Суворовскаго проспекта невской столицы на берега Тихаго океана.

Сушатся сѣти. Перевернутый смолянымъ днищемъ чернѣетъ челнокъ. И чайки, повсюду чайки, то сидятъ стайками на водѣ, то съ протяжнымъ стономъ и визгомъ кружатся въ воздухѣ:

— Крріу!.. Крріу!..

Старый китаецъ ловко подводитъ шампунку къ досчатымъ мосткамъ и останавливаетъ.

— Шанго, ходя! — смѣется Царевичъ. — Шибко шанго! — и швыряетъ серебряную мелочь.

— Шанго, капитанъ! — смѣется китаецъ и скалитъ желтые зубы...

37.

Царевичъ помогаетъ Милочкѣ сойти на пристань, однимъ прыжкомъ соскакиваетъ на мостки, закидываетъ на спину брезентовый мѣшокъ.

Они поворачиваютъ налѣво и долго идутъ по прибрежной дорогѣ, удаляясь въ глубину острова, укрытые отъ человѣческихъ взоровъ. Островъ вообще безлюденъ. Очень рѣдко встрѣтится на дорогѣ прохожій — солдатъ-инвалидъ, коротающій дни въ качествѣ сторожа, или смуглокожій рыбакъ-кореецъ, или такая же точно воскресная парочка, отдающаяся радостному праздничному бездѣлью.

Солнце виситъ надъ самою головой и зной чувствуется здѣсь еще сильнѣе. Остро пахнетъ чемерица, мята, ромашка. Тучей толчется мелкая мошкара, звенятъ шмели, гудятъ и кружатся пчелы, порхаютъ разноцвѣтныя бабочки — бѣлыя, красныя, желтыя въ крапинкахъ, огромные, едва не съ ладонь, мѣдночерные махаоны.

Въ тихой лагунѣ, извѣстной подъ именемъ бухты Париса, окутанной сплошь буйной зеленою тканью, Царевичъ и Милочка останавливаются.

Иванъ Антоновичъ скидываетъ мѣшокъ, достаетъ купальный костюмъ и удаляется. Черезъ четверть часа оба лежатъ уже на горячемъ пескѣ, одинъ подлѣ

другого. Тутъ же, въ купальныхъ костюмахъ, тянутся къ брезентовому мѣшку, извлекаютъ пакетъ съ пирожками, съ сыромъ, съ кетовой икрой, разной холодной закуской, откупориваютъ бутылку съ виномъ.

Потомъ, подымаются и бѣгутъ къ водѣ. Здѣсь мелко, приходится отойти саженъ десять отъ берега, прежде чѣмъ вода будетъ по плечи. Лагуна тянется узкой кишкой, отражающей небо и зелень.

Нѣкоторое время, стоя по колѣно въ водѣ, ловятъ чилимсовъ и притаившихся подъ камнями маленькихъ крабовъ. Потомъ, взявшись за руки, выходятъ на глубокое мѣсто, кидаются въ воду, плещутся, брызжутся, ловятъ другъ друга. Милочка — отличный пловецъ. Царевичу за ней не утнаться.

— Нѣтъ закона сильнѣе, нежели заповѣдь, охраняющая священную дѣву! — вспоминается повѣсть изъ жизни островитянъ, поэма Южнаго моря, благоухающая, какъ гавайскій цвѣтокъ, сказка чистой, свѣтлой, трогательной любви.

Украдкой взглядываетъ онъ на крѣпкое тѣло, на красивый изгибъ спины, на линію живота, которая совсѣмъ гладкимъ, узенькимъ, чуть выпуклымъ клинушкомъ, сходится и теряется въ бедрахъ, на небольшую крѣпкую грудь, съ вызывающе торчащими подъ тканью сосками.

Неосторожнымъ движеніемъ онъ прикасается къ нимъ и загорается острымъ желаніемъ.

Точно два бѣлыхъ дельфина, словно сатиръ и нимфа на сказочномъ островѣ древней Эллады или юные аборигены-туземцы на тѣхъ же, овѣянныхъ дыханіемъ океана, благословенныхъ островахъ Полинезіи, они возятся въ теплой водѣ, сплетаются, тянутъ другъ

друга на глубину. Дѣвушка звонко хохочетъ, вырываясь изъ цѣпкихъ объятій, ловкими размѣренными ударами заплываетъ на середину лагуны.

Тамъ она въ безопасности. Царевичъ не рискуетъ плыть далеко и держится возлѣ берега. Онъ боится за сердце.

Низко склонились купы деревьевъ и, точно любуясь собой, отражаются въ сонной водѣ... Небо порозовѣло и кое-гдѣ на немъ уже замигали первые огоньки... Изъ густой чащи лѣса потянуло свѣжими запахами... Съ шумомъ и кряканьемъ пронеслись надъ головой дикія утки... Высыпали Стожары... Млечный Путь протянулся безконечной дорогой... Лунный серпъ замерцалъ на водѣ...

Уже становится совсѣмъ темно, когда Царевичъ и Милочка снова прыгаютъ въ лодку. Парусъ какъ будто ожилъ и хлопаетъ по бамбуковой мачтѣ. Вдали, сливаясь въ гигантское зарево, горятъ городскіе огни. Снова скрипитъ въ уключинѣ рулевое весло и старый китаецъ бормочетъ тягучую пѣсню...

„И такъ забавно, такъ лѣниво,
Раздумья медленнаго полный,
Звучалъ лукавый бѣгъ шампунки,
И вздохъ весла: юли-юли!..“

38.

Царевичъ лежалъ въ кровати, еще захваченный впечатлѣніями проведеннаго дня, и держалъ въ рукахъ номеръ „Утренней Почты“.

Чтеніе газеты дѣйствуетъ на него, какъ сонный порошокъ лучшаго качества.

Но передовицу онъ не читаетъ.

Ахъ, ему рѣшительно все равно, что дѣлается въ палатѣ депутатовъ, или въ рейхстагѣ, или въ другихъ парламентахъ міра, какія высокія мысли занимаютъ министровъ-президентовъ, какими многозначительными, но по существу, пустыми, какъ прошлогодній орѣхъ, и ни къ чему не обязывающими рѣчами обмѣниваются господа въ вылощенныхъ цилиндрахъ и фракахъ, проповѣдники вѣчнаго мира и благоденствія, эквилибристы красиваго слова, кабинетные теоретики, безпочвенные идеалисты — Вильсоны, Ллойдъ-Джорджи, Чемберлены, Бріаны и Клемансо.

Въ концѣ-концовъ, все это, къ сожалѣнію, разлетается въ прахъ отъ одного хорошенькаго нокаута.

Такъ было — такъ будетъ!

Онъ не читаетъ и телеграммъ „спеціальныхъ корреспондентовъ“, въ особенности послѣ того, какъ

секретъ ихъ изготовленія ему извѣстенъ теперь во всѣхъ деталяхъ.

Въ большей степени его интересуетъ литературный отдѣлъ, направляемый талантливою рукою Наркиза Наркизовича. Крупная, цѣльная, можетъ быть, нѣсколько странная личность, тоже въ нѣкоторомъ родѣ чародѣй красиваго слова, энциклопедическій умъ, топящій, къ сожалѣнію, въ спиртныхъ излишествахъ свое безспорное дарованіе.

Царевичъ раскрылъ газету, но черезъ минуту швырнулъ ее на полъ.

Читать онъ не могъ.

Заснуть не могъ онъ тѣмъ болѣе.

До его чуткаго слуха донеслись Милочкины шаги, дробное постукиванье маленькихъ каблучковъ, нѣжный шелестъ, шорохъ скидываемой одежды. Вотъ, наступила непонятная тишина, тихо скрипнули пружины кровати подъ тяжестью тѣла, уже обнаженнаго, едва прикрытаго ночною сорочкой, длинной женской сорочкой, съ глубокимъ вырѣзомъ на груди, съ узенькими бретельками на плечахъ.

Распаленное воображеніе Ивана Антоновича заработало съ удвоенной силой.

Видѣнія, одно соблазнительнѣе другого, картины, одна чувственнѣе другой, кружились, порхали въ буйномъ неистовствѣ. На смѣну приходили новые образы, еще болѣе острые, еще болѣе возбуждающія желанія.

Лунный свѣтъ проникаетъ сквозь сторы и чертитъ на полу мутныя пятна. Въ углу стрекочетъ сверчокъ. Гдѣ-то далеко, за горой, должно быть въ бухтѣ „Золотого Рога“, глухо воетъ сирена.

Его раздражаетъ лунный свѣтъ, сверчокъ, могильная тишина ночи. Можетъ быть, больше всего, раздражаетъ сосѣдка за тонкой деревянной стѣной, покоющаяся отъ него на разстояніи какого-нибудь полуфута.

Его мучитъ безсонница. Ему тяжело быть одному.

Вдобавокъ, онъ чувствуетъ жажду.

Тогда онъ тихо подымается съ кровати, надѣваетъ полосатый купальный халатъ и выходитъ изъ комнаты въ коридоръ.

Царевичъ проходитъ въ столовую и наливаетъ изъ графина стаканъ воды. Онъ залпомъ выпиваетъ стаканъ. Онъ поворачивается, дѣлаетъ шагъ по направленію къ своей комнатѣ и видитъ полоску луннаго свѣта. Дверь полураскрыта. За дверью спитъ Милочка.

Царевичъ на цыпочкахъ подходитъ къ дверямъ.

Чуткое ухо улавливаетъ дыханіе. Лунный свѣтъ кидаетъ блѣдныя пятна, освѣщаетъ скинутую одежду, бѣлыя туфельки, чулочки, пестрый коверъ на полу. Въ глубинѣ, на широкой кровати, обхвативъ подушку голенькими руками, спитъ утомленная дѣвушка.

Царевичъ подходитъ къ самой кровати.

Онъ видитъ тѣло, полуобнаженное, соблазнительное, мягкими очертаніями выдѣляющееся подъ тоненькимъ одѣяломъ. Искушеніе чрезвычайно сильно. Онъ не въ силахъ удержать притока желаній, мучительныхъ, страстныхъ, жгучихъ, какъ пламя. Кровь приливаетъ къ вискамъ, сладкая дрожь охватываетъ все существо.

—

Одну минуту онъ стоитъ въ колебаніи.

Потомъ, рѣшительно склоняется къ дѣвушкѣ, быстрымъ движеніемъ хватаетъ въ объятья, покрываетъ поцѣлуями голову, руки, нагую грудь.

Дѣвушка вскрикиваетъ и просыпается.

— Милочка, это я! — задыхаясь шепчетъ Царевичъ и стискиваетъ еще сильнѣе, не взирая на сопротивленіе продолжаетъ ласкать поцѣлуями, бурно шаритъ дрожащими руками по горячему тѣлу, склоняется все ниже и ниже.

— Милочка! — шепчетъ Царевичъ хриплымъ и срывающимся отъ возбужденія голосомъ. — Мила!.. Милуша! — говоритъ онъ и чувствуетъ, какъ бѣшенымъ галопомъ прыгаетъ сердце и готово, кажется, выскочить изъ груди.

Милочка продолжаетъ что-то шептать, называетъ его по имени-отчеству, умоляетъ, заклинаетъ, страшится... Но сопротивленіе ея постепенно ослабѣваетъ... Она тоже дрожитъ... Ея тонкія ручки, крѣпко схваченныя Царевичемъ, повисли въ безсиліи...

Она дѣлаетъ послѣднюю попытку освободиться... Губы Царевича впиваются въ ея уста... Сильныя горячія руки, точно тисками, обхватили спину и грудь... Колѣно грубо упирается въ нагое бедро...

Милочка вскрикиваетъ и, въ изнеможеніи, падаетъ на подушки...

39.

Царевичъ проснулся поздно.

Онъ раскрылъ глаза и тотчасъ вспомнилъ о Милочкѣ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, онъ прислушивался. Въ сосѣдней комнатѣ было тихо. Милочка вѣроятно ушла на службу.

Царевичъ задумался:

— Славная дѣвушка!.. Какъ она себя чувствуетъ?.. Что переживаетъ сейчасъ?.. Съ какою покорностью она отдалась ему въ эту ночь?.. Безъ лишнихъ слезъ, безъ драматическихъ сценъ, безъ глупыхъ криковъ и стоновъ!

Съ жгучею яркостью мелькнули детали.

Лунный свѣтъ на полу... Раскинутая одежда... Тиканье часовъ въ столовой... И это обнаженное крѣпкое душистое дѣвичье тѣло, которое, задыхаясь отъ возбужденія, онъ сжимаетъ въ горячихъ рукахъ.

Какъ вышло все просто и неожиданно!

— Милочка! — шепталъ Царевичъ, умиленный и растроганный женскою лаской, какъ бы вторично переживая минуты истекшей ночи.

Онъ почувствовалъ необъяснимую радость, нѣжность, жалость, неожиданную привязанность, желаніе обласкать дѣвушку, взять ее, одинокую, безпомощ-

ную и безсильную, подъ свое покровительство, подъ защиту.

— Да, онъ любитъ ее!.. Конечно, любитъ ее!.. Это не случайное увлеченіе или страсть, которая вспыхиваетъ, какъ порохъ, и гаснетъ съ такою же быстротой... Это совсѣмъ не похоже на тѣ любовныя шалости, которыми онъ когда-то грѣшилъ, или на тѣ цвѣты наслажденія, которые, походя, обрывалъ на своемъ юномъ пути... Тогда онъ былъ молодъ и настоящее чувство не могло быть знакомо... Сейчасъ онъ прошелъ исключительный жизненный опытъ... Онъ вполнѣ созрѣлъ и позналъ все, что можетъ познать человѣкъ!

— Милочка!.. Мила!.. Милуша! — продолжалъ шептать Царевичъ, и рѣшилъ сегодня же, при встрѣчѣ съ дѣвушкой, успокоить ее и облечь случайную связь въ вполнѣ законную форму.

Онъ попроситъ ея руки, назоветъ своею будущею женой, обвѣнчается при первой возможности...

Одиночество выносить онъ больше не въ силахъ!..

Судьба непостижимымъ образомъ кинула эту дѣвушку въ его объятія... Подъ рукой у него будетъ теперь молодая прекрасная женщина, которая раздѣлитъ съ нимъ общее ложе... Но кромѣ нѣжной любовницы, это будетъ преданный другъ, съ которымъ онъ свяжетъ себя навсегда.

— Жребій брошенъ!

Матеріальное положеніе не вызываетъ тревогъ.

Сейчасъ, правда, деньги почти всѣ на исходѣ. Осталось только сто іенъ. Но въ кассѣ „Утренней Почты“ уже лежитъ гонораръ, превышающій двѣ съ половиною тысячи.

Даже въ томъ случаѣ, если онъ не пожелаетъ, допустимъ, отдавать свои новыя вещи въ печать или, по тѣмъ или другимъ причинамъ, прекратитъ временно литературную дѣятельность, онъ можетъ считать себя обезпеченнымъ.

Черезъ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли прибываетъ, наконецъ, пароходъ „Отецъ Побѣды — Жоржъ Клемансо". Билеты вмѣстѣ съ платой за продовольствіе обойдутся примѣрно въ двѣ тысячи іенъ. Такимъ образомъ, получается даже извѣстный излишекъ, который можетъ быть израсходованъ на дорожныя развлеченія.

А тамъ, по прибытіи къ мѣсту назначенія, онъ немедленно явится въ контору господина нотаріуса Жакомино и вступитъ во владѣніе завѣщаннымъ ему движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

— Оллъ райтъ!

Вмѣстѣ съ молодою женой онъ поселится въ прекрасной виллѣ, съ видомъ на море, примыкающей къ тѣнистому парку съ алоэ, агавами, орхидеями. Къ ихъ услугамъ будетъ вся роскошь европейской культуры и цивилизаціи. Они пріобрѣтутъ лимузинъ или мощную гоночную машину, на которой, безъ торопливости, будутъ знакомиться съ красотами Côte d'Azure.

Они заведутъ кругъ подходящихъ знакомствъ, среди богатыхъ американцевъ, англичанъ, осколковъ русской аристократіи.

Онъ займется серьезнымъ литературнымъ трудомъ, туризмомъ, можетъ быть, спортомъ. На досугѣ, для развлеченія, время отъ времени, будетъ посѣщать всемірно извѣстное Казино...

А если почему либо захочется отдохнуть, скрыться и уйти отъ людей, вмѣстѣ съ молодой женой онъ сядетъ на пароходъ и направится въ Гонолулу, или еще дальше, еще южнѣе, на одинъ изъ маленькихъ островов Полинезіи, хотя бы на тотъ же островокъ Бора-Бора, о которомъ говоритъ волшебная повѣсть.

Тамъ будутъ они жить на берегу океана, подъ пылающимъ солнцемъ, среди цвѣтовъ, жемчужныхъ лагунъ и кокосовыхъ пальмъ... Цѣлыми днями они будутъ лежать на сказочномъ пляжѣ и слагать гимны природѣ.

Онъ назоветъ ее — Майей.

Тамъ, подъ рокотъ прибоя, среди райской экзотики, подъ шелкомъ вѣчно синяго неба, онъ создастъ новую поэму любви:

— Амоа и Майя!

Счастье, радости жизни, весь міръ лежитъ у его ногъ!..

Царевичъ до такой степени окунулся въ мечты, что не замѣтилъ, какъ наступилъ полдень, пока кукушечные часы въ столовой не отбили двѣнадцать мѣрныхъ ударовъ.

Тогда онъ быстро одѣлся и вышелъ на улицу...

40.

Царевичъ долго шагалъ по Свѣтланкѣ, отмѣривая точно все разстояніе между Алеутской улицей и Гнилымъ Угломъ.

Онъ нѣсколько волновался, трижды присаживался въ городскомъ скверѣ, выкурилъ весь портсигаръ, зашелъ даже въ Шуинскій поплавокъ.

На пристани онъ внезапно замѣтилъ маленькаго хлыщеватаго генерала, въ пальто съ красными отворотами, съ двумя георгіевскими крестами, однимъ въ петлицѣ, другимъ на шеѣ.

Это былъ генералъ Бабицкій.

Десять лѣтъ тому назадъ, онъ также окончилъ луцкую классическую гимназію и былъ моложе Царевича на одинъ годъ. На великой войнѣ, такъ же, какъ Иванъ Антоновичъ, выступалъ въ качествѣ добровольца. Во время гражданской войны былъ произведенъ послѣдовательно въ цѣлый рядъ офицерскихъ чиновъ, отличился подъ Уфой, Самарой, Стерлитамакомъ, и достигъ большихъ степеней.

Странное чувство охватило Царевича.

Онъ не былъ честолюбивъ и никогда бы въ этомъ себѣ не признался. Однако, его больно ужалило, когда онъ увидѣлъ Бабицкаго, того самаго, котораго нѣкогда третировалъ, таскалъ за уши и даже порой

поколачивалъ за кляузы, за ябеды, за мелкія пакости, въ формѣ важнаго генерала съ высокими боевыми наградами.

— Бонапартъ! — процѣдилъ Царевичъ. — Свистунъ!.. Фертъ!.. Шпингалетъ!.. Гутаперчевый мальчикъ!

Эта встрѣча, на минуту, испортила его настроеніе...

Уже наступалъ третій часъ, когда Царевичъ подходилъ къ зданію почты. Онъ подошелъ къ самымъ дверямъ, въ которыя, тѣснясь и толкаясь, вваливались толпы народа, одни за почтовыми марками, другіе за переводами и посылками, третьи за заказной корреспонденціей или просто за справками.

Иванъ Антоновичъ потоптался на мѣстѣ и повернулъ снова къ Гнилому Углу.

Остановившись передъ соборомъ, Царевичъ снялъ шляпу и перекрестился. Онъ обошелъ соборъ дважды, заглянулъ внутрь, кинулъ нищенкѣ мѣдную мелочь. Потомъ повернулъ назадъ, на Свѣтланку, и взглянулъ на часы:

— Три часа!

Быстрыми шагами Царевичъ направился къ почтѣ.

Въ городскомъ скверѣ замѣтилъ сидящаго на скамьѣ Рувима Ароновича. Факторъ привѣтливо замахалъ котелкомъ и крикнулъ какую-то фразу.

Изъ дверей почтоваго зданія уже выходили служащіе. Съ слегка бьющимся сердцемъ Царевичъ подошелъ къ окошечку съ почтовыми марками. Дверца была закрыта.

— Милочка уже ушла! — сказала дежурная барышня и засмѣялась.

Царевичъ на мгновенье смутился, приподнялъ шляпу, выскочилъ на Свѣтланку. Онъ мчался по улицѣ, задѣвая прохожихъ, устремивъ глаза вдаль, въ надеждѣ увидѣть хорошо знакомую ему фигурку, въ пестренькомъ рабочемъ платьицѣ, съ соломенной шляпой на головѣ.

Онъ уже пробѣжалъ мимо отеля „Версаль" и приближался къ повороту на Набережную, когда увидѣлъ неожиданно Милочку.

Торопливыми шагами, чуть колыхая бедрами, легкой упругой походкой дѣвушка направлялась къ дому. Мелькали бѣлыя туфельки, вѣтерокъ колыхалъ подолъ юбки, сверкали свѣтлые фильдекосовые чулочки.

— Милочка! — закричалъ Царевичъ.

Онъ подбѣжалъ къ ней и, переводя дыханіе, остановился.

— Здравствуйте, Милочка! — повторилъ Иванъ Антоновичъ и протянулъ руку. Онъ жадно впился въ ея лицо, пытаясь прочесть въ немъ что-то новое, волнуясь и перебивая себя, перескакивая съ темы на тему, чувствуя, что говоритъ что-то несуразное, глупое, совсѣмъ не то, что нужно сказать, именно то, что при другой обстановкѣ никогда бы не произнесъ.

Милочка, потупивъ глаза, стояла передъ нимъ, смущенная и взволнованная, въ свою очередь, разрумянившаяся не столько отъ быстраго бѣга, сколько отъ встрѣчи.

Медленными шагами они шли по Набережной, по

направленію къ дому, держась обрыва, на которомъ зеленѣла трава, валялся мусоръ, битое стекло и прочій хламъ, пока не дошли до знакомой скамейки.

Милочка опустилась.

Царевичъ сѣлъ рядомъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба молчали. Внизу, у ногъ, дробилось море. Какъ обычно, маячилъ бѣлый парусъ шаланды. Какъ всегда, загадочно синѣли далекія горы.

— Милочка, вы не сердитесь? — тихо спросилъ Царевичъ.

— Нѣтъ, Иванъ Антоновичъ, я не сержусь! — такъ-же тихо отвѣтила Милочка и потупилась еще больше.

Царевичъ взялъ ея ручку, приложилъ къ губамъ.

— Милица Михайловна! — произнесъ онъ съ твердостью въ голосѣ. — Я долженъ вамъ что-то сказать!

Послѣ чего поднялся и, вмѣстѣ съ Милочкой, направился къ дому...

41.

Медовый мѣсяцъ любви протекалъ подъ солнцемъ іюля, въ ласкахъ синяго моря, въ шопотѣ красныхъ кленовъ, каштановъ и липъ Русскаго Острова, Девятнадцатой Версты, Океанской.

Царевичъ былъ счастливъ.

Онъ не ошибся.

Въ лицѣ молодой дѣвушки, которую увидѣлъ въ первый разъ въ купальнѣ Комнацкаго, которая съ перваго взгляда уколола такъ сладко его больное усталое сердце, онъ нашелъ то, что искалъ.

Это была не только любовница, съ молодымъ и прекраснымъ тѣломъ, облаченнымъ то въ темный съ бѣлыми крапинками скромный рабочій костюмъ, то въ бѣлое платьице съ синимъ морскимъ воротничкомъ, то въ черную купальную ткань, то наконецъ съ тѣломъ, совсѣмъ обнаженнымъ, волнующимъ, возбуждающимъ, остро зовущимъ къ себѣ.

Это былъ, въ самомъ дѣлѣ, преданный другъ, съ ласковою душой, съ нѣжной, кроткой, отзывчивою натурой, съ тѣмъ особымъ женскимъ чутьемъ, которое подсказываетъ, въ трудную минуту, удачный совѣтъ, правильное рѣшеніе, которое въ другую минуту, откинувъ всѣ колебанія и повинуясь здравому смыслу, точно секстанъ или компасъ мореплавателя,

находитъ истинный путь среди волнъ житейскаго моря.

Связь еще не была оформлена законнымъ порядкомъ, но Царевичъ представилъ дѣвушку, какъ свою будущую жену. Добрая старушка, Эльвира Карловна Шторхъ, отъ умиленія пролила слезы и обѣщала спечь молодой парѣ свадебный пирогъ съ черносливомъ и миндалемъ.

— Герръ оберстъ! — сказала фрау Шторхъ. — Повѣрьте, мое сердце это предчувствовало!.. Вы нашли свое счастье!.. Милая, прекрасная дѣвушка съ золотою душой!.. Ихъ гратулире иненъ фонъ ганцемъ херцъ!

Царевичъ былъ счастливъ...

Иванъ Антоновичъ отодвинулъ платяной шкафъ и, такимъ образомъ, получились два смежныя помѣщенія, раздѣляемыя лишь тонкимъ японскимъ ковромъ.

Царевичъ предложилъ Милочкѣ покинуть службу въ почтовой конторѣ.

Милочка обѣщала подумать.

Черезъ нѣсколько дней она вынесла свое рѣшеніе.

Нѣтъ, она останется служить на почтѣ. Работа ее не особенно утомляетъ. Кромѣ того, даетъ небольшой, правда, но вѣрный заработокъ въ размѣрѣ сорока рублей серебромъ. Работа до нѣкоторой степени заполняетъ досугъ. Ее любятъ подруги, съ уваженіемъ и симпатіей относятся къ ней почтъ-директоръ и начальники отдѣленій. Ей жалко покидать сослуживцевъ.

Царевичъ не прекословилъ.

Онъ уже имѣлъ случай оцѣнить нѣсколько разъ благоразуміе, осторожность, предусмотрительность молодой дѣвушки въ выборѣ того или другого рѣшенія.

Пусть будетъ такъ!

Онъ согласенъ, онъ не будетъ настаивать...

Въ воскресенье Царевичъ совершилъ съ Милочкой праздничную прогулку.

На этотъ разъ молодая пара провела день въ дачныхъ окрестностяхъ. Сначала играли въ лаунъ-теннисъ, на спеціальной площадкѣ, примыкавшей одной стороной къ берегу моря. Послѣ игры завтракали на открытой террасѣ, въ „танцулькѣ“ Девятнадцатой Версты.

Затѣмъ, прогулявшись по пляжу, дошли до Океанской и катались на челнокѣ.

Доѣхавъ до Садъ-Города, сошли на берегъ, отыскали чью-то покинутую кабину, быстро раздѣлись и освѣжили себя купаньемъ.

Купались безъ костюмовъ, какъ первые люди въ Эдемѣ, не скрывая своей наготы — дѣвушка сначала смущалась, — лежали бокъ-о-бокъ на горячемъ пескѣ, уединенные отъ человѣческихъ взоровъ, наслаждаясь чувственной близостью, солнцемъ, небомъ, пѣньемъ моря и чаекъ, отдавая другъ другу, безъ излишней стыдливости, свое тѣло.

Долго бродили потомъ, взявшись за руки и прижимаясь другъ къ другу, по крутымъ тропамъ, спускались въ долины и собирали цвѣты, подымались на дикія сопки, смотрѣли на краски догорающаго заката.

И когда снова просыпалось желаніе, легкимъ

толчкомъ, со смѣхомъ, Царевичъ валилъ дѣвушку на траву, сильными руками обхватывалъ гибкое тѣло и жадно впивался въ улыбавшіяся уста...

Царевичъ былъ счастливъ.

Онъ чувствовалъ себя побѣдителемъ въ долгой, мучительной, тяжелой борьбѣ и глядѣлъ на міръ просвѣтленными взорами.

Все пѣло и ликовало въ его душѣ, какъ солнце, какъ музыка моря, какъ звонкій дѣвичій смѣхъ!..

42.

Между тѣмъ, средства Царевича окончательно истощились.

Въ его бумажникѣ осталось не болѣе двадцати іенъ. Наступило время потребовать гонораръ.

Въ понедѣльникъ Иванъ Антоновичъ направился въ редакцію „Утренней Почты“.

Онъ шелъ по Набережной, насвистывая веселый мотивъ, помахивая бамбуковой тросточкой, время отъ времени пріостанавливаясь и наблюдая, какъ внизу, подъ ногами, дробилось море, горѣвшее тысячами цвѣтовъ — золотыми, бирюзовыми, синими, фіолетовыми.

Заливъ точно дремалъ. На его зеркальной груди не было видно никакого движенія, кромѣ чуть замѣтной, поверхностной ряби, которая переходила въ настоящее шлифованное стекло и тонула въ дымкѣ розоваго тумана.

По мѣрѣ приближенія къ Семеновскому Базару, крутой уступъ становился менѣе рѣзкимъ, постепенно сходилъ на нѣтъ и образовывалъ обширную бухту съ сотнями корейскихъ шаландъ.

Чѣмъ-то зачарованнымъ и сказочно-древнимъ вѣяло отъ этого мачтоваго лѣска. Здѣсь живутъ рыбаки-корейцы, загадочные сыны страны „Утренняго

Спокойствія". Только утромъ, когда китайскіе торговцы скупаютъ уловъ, здѣсь наблюдаются шумъ и движеніе. Ожесточенно торгуются ходи и, сгибая колѣни подъ тяжестью корзинъ на коромыслѣ, спѣшатъ на улицы, на базаръ.

На шаландахъ, въ огромныхъ плетеныхъ корзинахъ, бьется отливающая перламутромъ и серебромъ рыба. Неуклюже перебираютъ ногами исполинскіе крабы. Пятятся маленькіе приморскіе рачки-чилимсы. Растягиваютъ свое жирное тѣло червеобразные трепанги, одно изъ первыхъ блюдъ китайской кулинаріи. Висятъ гигантскіе осминоги. Кучами навалена морская капуста.

На шаландѣ, подъ низкимъ шатромъ, спятъ корейчата. Старый кореецъ, съ темнымъ иконописнымъ лицомъ, въ бѣлой кофтѣ и бѣлыхъ же, схваченныхъ у щиколки шароварахъ, чинитъ рваныя сѣти. По палубѣ ползетъ крабъ, похожій на причудливое издѣліе изъ слоновой кости и киновари, словно затѣйливая игрушка дочерей Водяного Царя.

А по берегу идутъ кореянки — стройныя женщины въ яркихъ одеждахъ, бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ, цвѣта майской зелени. Короткая кофта на груди завязана бантомъ, оставляя обнаженной полоску тѣла надъ полотнищемъ юбки, многократно обернутой вокругъ бедеръ...

Въ легкихъ крылатыхъ мечтахъ Царевичъ скользилъ по Семеновскому Базару, мимо рядовъ съ рыбою и битою дичью, мимо наваленныхъ горами огородныхъ и садовыхъ плодовъ, капусты, помидоровъ, баклажановъ, топинамбура, бобовъ, золотого ранета, иманскихъ арбузовъ и дынь.

Вотъ извозчичья биржа, съ конскими стойлами и расположеннымъ тутъ-же общественнымъ ретирадомъ.

Вотъ — маленькое деревянное зданіе редакціи и типографіи, съ хорошо знакомою вывѣскою у входа:

„Утренняя Почта“.

Органъ прогрессивно-національной мысли.

„Свобода и Мечъ“.

Редакціонный коллективъ былъ въ разгонѣ.

Хроникеръ Цыпленковъ бѣгалъ за информаціей. Спеціальный корреспондентъ „Кокъ“ ушелъ за клейстеромъ. Литературный критикъ Наркизъ Наркизовичъ сказался больнымъ. Редакціонный мальчикъ „Шура“ ушелъ за баранками.

Въ кабинетѣ редактора, склонившись надъ передовою статьей, сидѣлъ лишь Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей.

Онъ поздоровался съ Иваномъ Антоновичемъ, пожурилъ за долговременное отсутствіе, предложилъ стаканъ холоднаго чая.

Иванъ Антоновичъ отказался.

— Если позволите, въ другой разъ! — поблагодарилъ Царевичъ. — Пардонъ, я пришелъ за гонораромъ!

Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей поправилъ черепаховыя очки, досталъ изъ стола редакціонную вѣдомость, пробѣжалъ глазами:

— Совершенно вѣрно!.. Гонораръ не истребованъ!.. Будьте добры, распишитесь!

Онъ придвинулъ вѣдомость и подалъ перо.

Вслѣдъ за тѣмъ, порылся въ кожаномъ кошелькѣ и выбросилъ желтенькую бумажку въ пятьдесятъ сенъ...

43.

Царевичъ вышелъ изъ кабинета на улицу и почувствовалъ сильнѣйшій припадокъ сердцебіенія.

Онъ схватился за грудь, прислонился къ стѣнѣ, въ глазахъ поплыли зеленые, красные, фіолетовые круги.

Весь міръ, казалось, въ эту минуту грохочетъ отъ землетрясенія, разрушается и летитъ въ бездну. Черная ночь заволокла яркое солнце. Труба архангела Гавріила, съ огненной палицею въ рукѣ, звенитъ человѣчеству послѣднимъ аккордомъ...

Но міръ стоялъ по прежнему на своемъ мѣстѣ.

Такъ-же свѣтило яркое приморское солнце.

А вмѣсто трубнаго звука, во всю мочь, со всей силою легкихъ, кричали, визжали, горланили китайцы Семеновскаго Базара.

Разрушенъ, увы, былъ не міръ!

Въ одно мгновенье были разрушены всѣ иллюзіи Ивана Антоновича. А самъ онъ, блѣдный, дрожащій, съ искаженнымъ лицомъ, хватаясь за сердце, стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ ретирада.

Царевичъ очнулся.

Спотыкаясь, медленной шатающейся походкой, онъ брелъ по базару, по длиннымъ рядамъ, мимо чановъ съ сверкающей рыбой — камчатскими сельдями,

золотыми сазанами, горбушей, кетой, мимо навѣсовъ съ битою дичью — фазанами, рябчиками, косулями. Онъ шелъ точно въ бреду или послѣ веселаго банкета съ выпивкой и закуской, натыкаясь на китайцевъ, на толстыхъ бабъ, на разнощиковъ, на милицейскихъ, пока не вышелъ на Набережную и не опустился на старенькую, изрѣзанную ножами, хорошо знакомую скамью передъ домомъ.

Передъ глазами сверкалъ заливъ, пылало солнце, синѣли далекія горы.

Все было, какъ раньше... Какъ день, какъ недѣлю, какъ мѣсяцъ тому назадъ...

И только одно было совсѣмъ новымъ — рухнувшія навѣки надежды!..

Такъ вотъ какъ расцѣнивается плодъ высшаго творчества, продуктъ величайшаго духовнаго напряженія, приковавшій вниманіе всего міра къ именамъ Сервантеса, Мильтона, Петрарки, Камоэнса, Данта?..

Это — цѣна пары камчатскихъ сельдей, десятка чилимсовъ, одной козлиной ноги!

Что это значитъ?

Какъ могла произойти эта кощунственная ошибка въ расцѣнкѣ затраченнаго труда?

Редакторъ смѣялся надъ нимъ!.. Сотрудники надъ нимъ потѣшались!..

Что означаетъ, напримѣръ, эта фраза несчастнаго критика:

— Деньги будешь ковать!

Драма выростала передъ Царевичемъ въ полномъ объемѣ.

Исчезали иллюзіи, рушились планы, прочь отлетали надежды!..

Иванъ Антоновичъ почувствовалъ себя жалкимъ, какъ никогда. Онъ не могъ оставаться одинъ. Съ мучительной силой, онъ почувствовалъ въ эту минуту потребность участія, нѣжной женской ласки, опоры. Ему захотѣлось забыться, уснуть, чтобы кто нибудь близкій склонился надъ нимъ и запѣлъ старую дѣтскую пѣсенку, ту самую колыбельную пѣсенку Брамса, которую когда-то пѣвала ему пріемная мать, добрая Магда Васильевна:

„Guten Abend, gut' Nacht,
Mit Rosen bedacht...
Schlaf' nun selig und süss,
Schau' im Traum's Paradies!..“

Онъ поднялся со скамьи и направился въ домъ. Черезъ минуту стоялъ въ своей комнатѣ. Еще черезъ минуту вошелъ въ комнату Милочки и рухнулъ на стулъ.

— Милица Михайловна! — сказалъ Царевичъ.— Мы погибли!

Въ короткихъ словахъ онъ передалъ дѣвушкѣ сцену въ редакціи, утраченную возможность переѣзда въ Европу, отсутствіе всякихъ средствъ къ существованію.

Милочка, не прерывая, спокойно выслушала исповѣдь друга, прижалась къ плечу.

— Иванъ Антоновичъ! — сказала она. — Я понимаю васъ!.. Повѣрьте мнѣ, я тоже огорчена!.. Но не слѣдуетъ падать духомъ!.. Мы проживемъ!.. Успокойтесь!.. Не все пропало!.. Не забудьте, я получаю сорокъ рублей!

Царевичъ поднялъ глаза.

— Милая!.. Мила!.. Милуша!

Онъ обнялъ дѣвушку и расцѣловалъ.

Въ его груди выростала новая сила!.. Онъ еще будетъ бороться!.. Онъ выкуетъ деньги инымъ образомъ!..

О, теперь онъ не сомнѣвается, что за нимъ обезпечена окончательная побѣда!..

44.

Въ морскомъ „Клубѣ Компацкаго“ жизнь продолжала пульсировать буйнымъ, вихрящимся темпомъ.

Она находилась въ глубокомъ противорѣчіи съ настроеніемъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго на деревянной скамьѣ, съ тупымъ равнодушіемъ устремившаго взоръ на зеркальную поверхность моря и даже, казалось, безъ прежняго наслажденія отдававшаго свое тѣло ласкамъ пламенныхъ поцѣлуевъ.

Въ рукахъ онъ держалъ книжку въ коленкоровомъ переплетѣ.

На этотъ разъ это была не „Антологія русскихъ поэтовъ“ — къ чорту поэтовъ, къ чорту раздушенную и напудренную романтику, необходимую трезвому машинному вѣку, какъ собачій хвостъ! — на этотъ разъ, это было „Краткое описаніе дизель-моторовъ и двигателей внутренняго сгоранія“...

Кругомъ, какъ обычно, кипѣла вода, звенѣлъ дѣвичій смѣхъ, грохоталъ хохотъ мужчинъ. За рѣшоткой трельяжа ослѣпительно бѣлѣли крутыя женскія формы, гладкія, круглыя, дразнящія чувственность.

Иванъ Антоновичъ, погруженный въ смутныя размышленія, безучастно созерцалъ яркую панораму

и, время отъ времени, лѣнивымъ движеніемъ перелистывалъ книгу.

Потрясеніе минувшей недѣли оставило глубокій рубецъ.

Рана не успѣла еще затянуться, ныла мучительной болью, язвила, колола, кровоточила. Одновременно ощущался душевный разладъ, утрата бодрости, прежней самоувѣренности, потеря силы къ борьбѣ.

Ахъ, это была только вспышка, родившаяся на одинъ мигъ!

Съ каждымъ днемъ онъ чувствуетъ, что мужество его покидаетъ, что странная апатія и безразличіе охватываетъ его существо, что снова, какъ въ первые дни своего пребыванія въ Краѣ, онъ начинаетъ скользить по наклонной плоскости въ бездну, съ тихой покорностью, безъ малѣйшей воли къ сопротивленію.

Между тѣмъ, въ настоящее время, онъ больше не одинокъ.

Онъ связалъ свою жизнь съ молодой дѣвушкой, которую обольстилъ несбыточными химерами, сказочными мечтами, рухнувшими навѣки надеждами, которой столь опрометчивымъ образомъ обѣщалъ защиту, опору, поддержку.

Сердце Ивана Антоновича задрожало и наполнилось умиленіемъ.

— Милая дѣвушка!

Съ какимъ спокойствіемъ она выслушала его горькую исповѣдь!.. Какъ чутко отозвалась!.. Съ какой скромностью, благородствомъ, достоинствомъ дала свой отвѣтъ!

Умиленіе смѣнилось жгучимъ чувствомъ стыда, возмущенія, негодованія на свою слабость.

Какъ, неужели онъ, участникъ великой и гражданской войны, въ свое время человѣкъ испытанной твердости духа, исполнитель суроваго долга, очевидецъ кошмаровъ, злодѣйствъ и всѣхъ ужасовъ лихолѣтья, пронесшій на своихъ крѣпкихъ плечахъ грузъ безпримѣрныхъ невзгодъ, неужели онъ въ состояніи допустить, чтобы какая-то очередная и, въ сущности, пустая, сравнительно маловажная неудача, могла бы выбить оружіе изъ его рукъ?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!

Онъ способенъ бороться!.. Онъ кинется въ самую сѣчу и будетъ биться до послѣдняго издыханія!.. Если не за себя, то по крайней мѣрѣ за счастье той дѣвушки, которую любитъ, съ которой связалъ себя нерасторжимыми узами, которая вручила ему свою судьбу!

— Довольно! — произнесъ Иванъ Антоновичъ, неожиданно почувствовавъ какой-то новый толчокъ и приливъ необъяснимаго мужества къ волевымъ активнымъ дѣйствіямъ.

Пусть недѣля прошла въ безплодныхъ попыткахъ. Въ ближайшіе дни, не дальше, какъ завтра, онъ предприметъ рядъ новыхъ поисковъ, безъ сомнѣнія, болѣе благопріятныхъ. Связи и нѣкоторыя знакомства придутъ на помощь. Наконецъ, изучивъ механизмы, онъ сумѣетъ, при поддержкѣ лейтенанта шотландскихъ хайлендеровъ, сэра Арчибальда Гордона, получить нештатную должность въ гаражѣ, при англійской миссіи.

Наконецъ, онъ возьмется за любую работу, ум-

ственную или физическую, безразлично. Никакимъ трудомъ онъ не будетъ пренебрегать!

Иванъ Антоновичъ заглянулъ въ книжку, на мгновенье зажмурился, и когда снова раскрылъ глаза, увидѣлъ рядомъ съ собой человѣка въ легкомъ чесучевомъ костюмѣ, съ пріятной улыбкой протягивавшаго хорошо знакомую табакерку, изъ желтой слоновой кости...

45.

Лицо сосѣда, въ свою очередь, показалось знакомымъ.

Гдѣ-то, когда-то, сравнительно будто недавно, Царевичъ видѣлъ это лицо, въ другомъ мѣстѣ, при иной обстановкѣ. Сознаніе не воскресило послѣдней, но въ памяти прочно сохранилась эта небольшая фигурка въ чесучевомъ костюмѣ, въ лѣтней чесучевой фуражкѣ съ огромнымъ целлулоидовымъ козырькомъ, порывистыя движенія, сухой заостренный профиль, небольшая бородка и, въ особенности, глаза, быстрые и живые глаза, прикрытые синими стеклами.

— Виноватъ! — произнесъ незнакомецъ. — Вы изволили забыть эту вещицу!.. Считаю пріятнымъ долгомъ возвратить вамъ по принадлежности!.. Позднышевъ!.. Каллистратъ Каллистратовичъ, можетъ быть, помните?.. Въ нѣкоторомъ родѣ, двойникъ и однофамилецъ героя изъ „Крейцеровой Сонаты“!

Незнакомецъ разсмѣялся мелкимъ смѣшкомъ, обнаруживъ гнилые, въ многочисленныхъ пломбахъ, испорченные темные зубы, вручилъ Ивану Антоновичу костяной портсигаръ и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Кстати, пользуюсь случаемъ... Хозяйка меблированныхъ комнатъ „Парадизъ“ уполномочила пе-

редать вамъ привѣтъ!.. Добрая женщина сохранила о васъ лучшее воспоминаніе!

Царевичъ вздрогнулъ.

Въ одно мгновенье, точно тѣнь волшебнаго фонаря, передъ нимъ скользнуло недавнее прошлое... Угловой номеръ съ видомъ на Морскую и Корейскую улицу, съ выцвѣтшимъ японскимъ ковромъ и изображеніемъ сахарной головы Фузіамы... Молодая арфистка изъ загороднаго сада „Италія"... Золотой зубъ и шиньонъ хозяйки, Аиды Раймондовны госпожи Салатко-Петрище...

Въ слѣдующее мгновенье, съ тою же четкостью, сознаніе воскресило вереницу знакомыхъ пансіонеровъ, начиная отъ розовой дурочки, улыбающейся Галинки, мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, правительственныхъ чиновниковъ, комиссіонеровъ, банковскихъ клерковъ, лицъ съ опредѣленной профессіей и другихъ, какъ напримѣръ, этотъ предупредительный Поздньшовъ, въ настоящую минуту сидящій рядомъ съ нимъ на деревянной скамьѣ купальни.

Царевичъ приподнялся и съ благодарностью пожалъ руку.

Поздньшовъ учтиво склонилъ голову на бокъ.

— Смѣю надѣяться, что изъ обыкновеннаго акта любезности вы не создадите превратнаго представленія? — произнесъ онъ съ сладкой улыбкой. — Однако, сударь, скажу съ откровенностью, наше возобновившееся знакомство вызываетъ во мнѣ чувства живѣйшаго удовлетворенія!

Царевичъ, въ свою очередь, улыбнулся.

О, да, теперь онъ вполнѣ припоминаетъ этого

человѣка, припоминаетъ даже незначительныя бесѣды, которыя порой велъ съ нимъ за общимъ столомъ... Поздньшовъ?.. Поздньшовъ?.. Что говоритъ эта фамилія?.. Кажется, агентъ страховой фирмы, скрывающій подъ этимъ званіемъ свою подлинную профессію... Во всякомъ случаѣ, какой-то таинственный незнакомецъ!..

— Я знаю васъ достаточно хорошо! — продолжалъ Поздньшовъ. — Я имѣлъ случай наблюдать васъ неоднократно!.. Изъ моихъ наблюденій вытекаетъ неоспоримое убѣжденіе, что мы сумѣемъ понять другъ друга и создать условія, пріемлемыя для обѣихъ сторонъ!.. Не такъ-ли?

Съ этими словами Поздньшовъ прикоснулся къ колѣну Ивана Антоновича и, точно въ отвѣтъ на его недоумѣвающее лицо, произнесъ:

— Я буду краток и категориченъ!.. Если наша политическая платформа расходится примѣрно на сто восемьдесятъ градусовъ, это еще не значитъ, что мы не найдемъ точекъ соприкосновенія!.. Математическій законъ, въ данномъ случаѣ, непримѣнимъ!.. Средства и методы не имѣютъ значенія!.. Важно другое, эрго — общая цѣль!

Не столько, можетъ быть, изумленіе, сколько обыкновенное любопытство, овладѣло Иваномъ Антоновичемъ при этомъ неожиданномъ разговорѣ. По мѣрѣ его развитія, прислушиваясь съ жадностью къ словамъ собесѣдника, пытаясь разобраться въ ихъ не совсѣмъ ясномъ, порой даже сокровенномъ смыслѣ, Царевичъ одновременно ловилъ себя на догадкахъ, на тѣхъ смутныхъ предположеніяхъ, которыя нѣкогда,

въ минуты серьезныхъ раздумій, возникали, совершенно самостоятельно, въ его личномъ сознаніи.

Съ ними можно было не соглашаться, ихъ можно было оспаривать и даже съ негодованіемъ отвергать. И вмѣстѣ съ тѣмъ, было въ нихъ нѣчто острое, жгучее, жадно влекущее и, главное, утѣшительное по своему конечному выводу.

Это и было основной темой бесѣды.

— Итакъ, — продолжалъ Поздньшовъ, съ каждой фразой все болѣе увлекаясь и сопровождая свои аргументы нервной жестикуляціей, — мы подошли вплотную къ интересующей насъ проблемѣ!.. Грандіозный опытъ, совершающійся въ настоящее время въ Россіи, будетъ осмысленъ лишь будущимъ поколѣніемъ!.. Мы, современники, не можемъ отдать себѣ правильнаго отчета!.. Чтобы создать о горѣ ясное представленіе, необходимо отойти отъ горы!.. Не такъ-ли?.. Власть идетъ къ цѣли твердыми, опредѣленными, рѣшительными шагами!.. Все стоящее на пути, все препятствующее успѣху, сметается безъ малѣйшаго сожалѣнія!.. Кровь, муки, страданія отдѣльныхъ общественныхъ группъ, а равно отдѣльныхъ индивидуумовъ, цѣпляющихся обезсиленными руками за осколки погибшаго строя, пытающихся жалкими средствами остановить бѣгъ неумолимой колесницы исторіи, все приносится въ жертву, во имя достиженія главной цѣли, эрго — міровового владычества!...

46.

Поздnышовъ на минуту остановился, снялъ фуражку, досталъ изъ кармана платокъ, провелъ имъ по влажному отъ зноя и напряженія лбу.

— Существуетъ распространенное убѣжденіе,— продолжалъ Поздnышовъ, — будто опытъ является результатомъ какого-то плана, какой-то хитроумной программы отдѣльныхъ лицъ, такъ называемыхъ вождей пролетаріата, достаточно хорошо вамъ извѣстныхъ, какъ Ленина, Троцкаго, Сталина и другихъ!

— Это ошибка!.. Мифъ!.. Превратное заблужденіе! — выкрикнулъ Поздnышовъ. — Событія, сударь, управляютъ вождями, дѣлаютъ своими маленькими прикащиками, вынуждая ихъ примѣнять методы въ соотвѣтствіи съ обстановкой!.. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, стихія, рожденная въ нѣдрахъ огромной человѣческой массы, можетъ быть, слѣпая и безсознательная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пророчески зоркая, стремящаяся тѣмъ или другимъ способомъ, но способомъ, обезпечивающимъ наибольшій успѣхъ, къ самозащитѣ и оборонѣ отъ поглощенія многочисленными чужеродными хищниками, къ вполнѣ естественному стремленію оправдать свое мѣсто подъ солнцемъ, наконецъ, къ распространенію своего могущества надъ міромъ!

— Пусть способъ, на первый взглядъ, покажется дикимъ, чудовищнымъ, самоубійственнымъ!.. Таково общераспространенное мнѣніе!.. Таковъ взглядъ элементарныхъ, примитивныхъ, закоснѣвшихъ въ своемъ консерватизмѣ умовъ!.. Но если проникнуть до глубины въ его суть, мы придемъ къ противоположному выводу!.. Рожденіе новой эпохи требуетъ неисчислимыхъ жертвъ!.. Вспомните Ассирію, Вавилонъ, древній Римъ, Ренессансъ, эпоху Наполеона!

Позднышовъ выдержалъ паузу, пытливо взглянулъ на Царевича и, какъ бы переходя отъ общаго къ частному, произнесъ другимъ, на этотъ разъ не столь повышеннымъ тономъ:

— Великая война продолжается!.. Для васъ, сударь, какъ для военнаго, потерпѣвшаго пораженіе на первомъ ея этапѣ, это можетъ служить особеннымъ утѣшеніемъ!.. Да, война продолжается, при иной обстановкѣ, инымъ оружіемъ, съ другими противниками!.. Трагическая ошибка исправлена и, въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, бывшіе враги стали союзниками!.. Что касается методовъ, само собой разумѣется, тактика и стратегія прежнихъ вооруженныхъ силъ, въ соотвѣтствіе съ радикально измѣнившейся обстановкой, уступили мѣсто болѣе дѣйствительнымъ способамъ, для одержанія рѣшительнаго успѣха!.. Оружіе, въ свою очередь, измѣнилось и взамѣнъ ядовитыхъ газовъ и дальнобойныхъ пушекъ, на арену борьбы кинуто еще болѣе ядовитое, еще болѣе дальнобойное — человѣческое слово!.. Это слово сокрушитъ міръ и приведетъ его къ одному знаменателю!.. Такимъ образомъ, міръ будетъ

поставленъ въ одни и тѣ же условія, очутится въ одинаковомъ положеніи, со всѣми вытекающими послѣдствіями!.. Міровой вселенскій пожаръ — это второй, совершенно необходимый этапъ!

Поздньшовъ снова остановился, снова выразительно взглянулъ на Царевича и продолжалъ:

— Что же получится?.. Не согласитесь-ли вы, сударь, что изъ этого міроваго хаоса, наше отечество имѣетъ всѣ шансы выйти на первое мѣсто, какъ легендарный Фениксъ раньше другихъ возстать изъ пепла и овладѣть положеніемъ, въ качествѣ безспорнаго сюзерена?.. Не будемъ распространяться про значеніе тѣхъ колоссальныхъ рессурсовъ, которые въ скрытомъ видѣ хранятся въ нѣдрахъ страны!.. Оставимъ въ покоѣ и жертвы, необходимыя при каждомъ вулканическомъ сдвигѣ, эти гекатомбы труповъ и труповъ, по преимуществу, старыхъ, больныхъ, не вынесшихъ колоссальныхъ усилій, не сумѣвшихъ примѣниться къ новымъ условіямъ, а потому, въ сущности, безполезныхъ людей!.. Естественный отборъ, какъ вы видите, налицо!

— Но что вы скажете про переболѣвшее, закаленное апокалипсическими страданіями, обогащенное неслыханнымъ опытомъ многомильонное населеніе и, прежде всего, въ лицѣ его основной массы?.. О, болѣзнь уже преодолѣна нами на добрую половину!.. Мы обладаемъ хорошимъ иммунитетомъ!.. Никакая зараза намъ теперь не страшна!

Наступила короткая пауза.

— Въ частности, — продолжалъ Поздньшовъ, — два слова про чужеродныхъ хищниковъ, эрго — нашихъ противниковъ, въ лицѣ иностраннаго міра!..

Каково его отношеніе, каковы симпатіи къ намъ?.. О, безъ сомнѣнія, за исключеніемъ пролетаріата, самое враждебное!.. Чтобы далеко не ходить, обратите ваше вниманіе на японцевъ?.. Бѣлые изнемогаютъ въ борьбѣ — они оказываютъ имъ тотчасъ поддержку!.. Изнемогаютъ красные — они оказываютъ поддержку краснымъ!.. А въ результатѣ, красная или бѣлая, но льется — русская кровь!.. Вся ихъ задача заключается въ томъ, чтобы обезсилить русскую мощь и оторвать край отъ Россіи!.. Но это имъ не удастся!.. Нѣтъ, не удастся!

Царевичъ молчалъ.

— Перехожу, наконецъ, къ деталямъ! — произнесъ Поздньшовъ и энергично взмахнулъ рукой. — Не найдется ли еще извѣстный активъ, получившійся въ процессѣ исполинскаго опыта, несомнѣнно имѣющій значеніе въ общемъ ходѣ событій?.. Если поискать, онъ найдется!.. Каковъ онъ?.. Извольте!

— Русскій мужикъ, косный, темный, слѣпой богоносецъ — прозрѣлъ!.. Рабочій, прикованный къ каторжному станку, оцѣнилъ въ душѣ преимущества свободнаго, честнаго, добросовѣстнаго труда!.. Мѣщанинъ, разночинецъ, плебей — осознаъ гордое понятіе личности!.. Наконецъ, дворянинъ и представитель высшей аристократіи, пребывающій, по преимуществу, внѣ предѣловъ родины, уразумѣлъ свои промахи передъ страной, искусился въ работѣ, оцѣнилъ симпатіи иностранцевъ, отмелъ свое былое влеченіе къ нимъ, а „духъ отечества сталъ сладокъ и пріятенъ“!.. Не такъ-ли?

— Наконецъ, всѣ оттѣнки политической мысли, всѣ безчисленные партійные дѣятели, отъ круговъ

крайне лѣвыхъ до крыла крайне праваго, отъ эсеровъ, эсдековъ до кадетовъ и монархистовъ, владѣвшіе каждый чудодѣйственной якобы панацеей противъ всѣхъ золъ, мало-по-малу, въ титлѣ великихъ событій, стираютъ углы острыхъ противорѣчій, начинаютъ находить общій языкъ, приходить къ непогрѣшимому выводу, что кромѣ программъ, есть нѣчто другое, болѣе высокое, стоящее внѣ споровъ и разногласій, доминирующее надъ всѣмъ, внѣ котораго нѣтъ истинной жизни, эрго — Россія!

Поздныщовъ выдержалъ долгую паузу.

— Но наступятъ сроки и возвратится вѣтръ на круги своя! — проговорилъ онъ торжественнымъ тономъ и плавнымъ движеніемъ очертилъ кругъ. — Все приходитъ и все проходитъ!.. Въ вѣчномъ колебаніи эфира заключена жизнь вселенной!.. И наступитъ мигъ, когда будетъ сброшена маска и длить дальнѣйшій опытъ не станетъ необходимостью!.. Это послѣдній этапъ!.. И настанетъ часъ, когда послѣ показательнаго урока по практическому соціализму, сыгравшему свою крупную роль, русскій народъ оцѣнитъ навѣки значеніе свободнаго развитія личности и свободнаго же, производительнаго труда!.. И послѣ интернаціональной окрошки возвратится навѣки къ крѣпкимъ щамъ здоровой національной идеи!.. Dixi!

Послѣднія фразы прозвучали такой неожиданностью, что Иванъ Антоновичъ вскочилъ со скамьи.

— Позвольте? — вскрикнулъ Царевичъ и схватилъ собесѣдника за руку.

Поздныщовъ улыбнулся.

— Парадоксъ? — произнесъ онъ, широко растянувъ ротъ и обнаруживъ снова потемнѣвшія пломбы.

— Какъ вамъ будетъ угодно!.. У меня нѣтъ основаній вводить васъ въ малѣйшее заблужденіе!.. Мои карты раскрыты!.. Надѣюсь и вы подарите меня откровенностью и довѣріемъ въ заключительной части нашей бесѣды?

47.

Съ этими словами Поздньшовъ снялъ очки, протеръ стекла платкомъ, поправился на скамьѣ и сказалъ:

— Какъ бы вы отнеслись къ предложенію человѣка, облеченнаго полномочіями крупнаго партійнаго дѣятеля?.. Я буду снова кратокъ и категориченъ!.. Выражаясь конкретно, пожелали бы вы принять участіе въ происходящей работѣ по возрожденію родины, въ полномъ объемѣ?

Царевичъ молчалъ.

— Я понимаю васъ! — произнесъ Поздньшовъ. — Традиціи, нравственные устои, элементарный долгъ честнаго гражданина, все вмѣстѣ взятое, колеблетъ вашу рѣшимость!.. Не такъ легко отрѣшиться отъ прежнихъ боговъ!.. Это понятно!.. Но имѣйте въ виду, мой молодой другъ, разрѣшите васъ такъ называть, что возлагаемая задача едва-ли будетъ противорѣчить вашей этикѣ, присущимъ вамъ взглядамъ, вашему положенію!.. Въ выборѣ лицъ мы дѣйствуемъ съ крайнею осторожностью!.. Въ возложеніи на нихъ той или иной задачи руководствуемся, въ свою очередь, тактичными и весьма обоснованными соображеніями!

Царевичъ не прерывалъ собесѣдника ни однимъ словомъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — продолжалъ Поздньшовъ. — Въ настоящее время необходимъ секретный резидентъ для одного государства, небольшого европейскаго государства, расположившагося весьма уютно на лазурныхъ берегахъ Средиземнаго моря!.. Côte d'Azure!.. Ха-ха-ха! — засмѣялся онъ мелкимъ смѣхомъ. — Ваше стремленіе попасть туда мнѣ извѣстно!.. Помните вашу бесѣду за табльдотомъ у многоуважаемой Аиды Раймондовны?

Царевичъ насторожился.

— Государство это составляетъ одну изъ наиболѣе упорныхъ цитаделей современнаго капитализма и плутократіи!.. Этотъ центръ до сихъ поръ не пользовался нашимъ вниманіемъ!.. Въ настоящее время ситуація измѣнилась!.. На пленарномъ засѣданіи комитета вынесено единогласное рѣшеніе!.. Государство подлежитъ уничтоженію въ первую очередь!.. Его необходимо взорвать!

Иванъ Антоновичъ, въ недоумѣніи, взглянулъ на сосѣда.

— Пардонъ! — процѣдилъ Царевичъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ. — Если вы полагаете, что бомбометаніе входитъ въ мою профессію...

Поздньшовъ звонко расхохотался.

— Я такъ и зналъ! — произнесъ Поздньшовъ.— Я такъ и думалъ!.. Но, молодой мой другъ, успокойтесь!.. Это не такъ страшно, не такъ ужасно, какъ вы представляете!.. Задача гораздо проще и притомъ не связана съ рискомъ!.. Абсолютно, ручаюсь!.. Слово „взрывъ" надлежитъ понимать въ символиче-

скомъ, въ переносномъ значеніи!.. Мы взрываемъ лишь финансовый центръ!.. Мы взрываемъ игорное казино!.. Мы взрываемъ только — рулетку!

— Ахъ, такъ? — вырвалось у Ивана Антоновича.

Онъ почувствовалъ извѣстное облегченіе и даже улыбнулся.

Позднышовъ ласково потрепалъ Царевича по колѣну и продолжалъ:

— Само собой разумѣется, для успѣшнаго выполненія этой задачи необходимы, прежде всего, время и деньги... Время и деньги! — повторилъ онъ, поднявъ кверху указательный палецъ. — Время находится въ вашемъ полномъ распоряженіи... Мѣсяцъ, два, три, со дня вашего прибытія къ мѣсту назначенія!.. Что касается средствъ, предпріятіе финансировано самымъ широкимъ образомъ... Рессурсы неисчерпаемы!.. Валютный фондъ содержитъ колоссальныя суммы!

— Въ будущемъ, въ процессѣ работы, вы поймете значеніе этого плана, мало по малу проникнетесь нашими идеями и, весьма вѣроятно, уже сознательно, искреннимъ образомъ, безъ какого-либо давленія, предоставите свои силы, опытъ, познанія, на службу общему дѣлу.

— Такимъ образомъ мы идемъ вамъ навстрѣчу! — произнесъ Позднышовъ. — Задача, возлагаемая на васъ, не является, по существу, противорѣчащей вашимъ буржуазнымъ воззрѣніямъ!.. Это та же игра, съ тою особенностью, что за вашей спиной стоитъ могущественная организація, оплачивающая всѣ ваши расходы!.. Вы взрываете банкъ за банкомъ

въ баккара, взрываете одну за другой рулетку, какъ вамъ заблагоразсудится — шансами на ружъ или нуаръ, ставками на дузэнъ или на номеръ, все зависитъ отъ вашей ловкости и обстановки!.. Полученныя суммы переводите по извѣстному адресу, а три процента отчисляете въ свое личное распоряженіе, въ качествѣ вполнѣ заслуженной компенсаціи!.. Вотъ и все!.. Итакъ, молодой другъ, я дѣлаю вамъ предложеніе въ категорической формѣ!.. Согласны вы его принять или нѣтъ?

Царевичъ опустилъ голову и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пребывалъ въ размышленіи.

Это было такъ ново, такъ странно, такъ неожиданно!

Съ одной стороны, предложеніе было крайне заманчивымъ. Оно предоставляло возможность осуществить лелѣемую мечту, перенестись, точно на коврѣ-самолетѣ, къ недосягаемымъ берегамъ, отъ бремени тяжелаго существованія, однимъ взмахомъ, перейти къ вольной, красивой, обезпеченной жизни.

Съ другой стороны, не взирая на краснорѣчивый потокъ аргументовъ собесѣдника, трудно было отрѣшиться отъ прежнихъ понятій и, такъ или иначе, перейти въ станъ враговъ.

Колебанія Царевича были естественны.

— Виноватъ! — произнесъ Поздньшовъ. — Я упустилъ изъ виду одно побочное обстоятельство!.. Съ оформленіемъ соглашенія, резидентъ имѣетъ право на полученіе небольшого аванса!.. Экипировка, переѣздъ, устройство на мѣстѣ требуютъ денежнаго расхода!

Позднышовъ порылся въ чесучевомъ костюмѣ и вынулъ бумажникъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ и хлопнулъ бумажникомъ по скамьѣ. — Авансъ, въ размѣрѣ одной тысячи англійскихъ фунтовъ вы имѣете получить незамедлительно!.. Остановка за вами!.. Итакъ, рѣшайтесь!.. Согласны вы или нѣтъ?

Точно змѣй-соблазнитель въ райскомъ саду, точно искушающій Демонъ, онъ развернулъ бумажникъ и вынулъ толстую пачку кредитокъ, крупныхъ и мелкихъ, съ бѣлой и тонкой, почти прозрачной бумагой, съ водяными знаками, съ англійскими надписями, какъ бы исполненными отъ руки четкимъ наклоннымъ каллиграфическимъ почеркомъ, съ изображеніемъ Вестминстерскаго аббатства и короля Георга V, на мелкихъ купюрахъ.

Онъ перебиралъ бумажки одну за другой и исподлобья глядѣлъ на Царевича.

Царевичъ молчалъ.

Онъ колебался... Онъ взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, сопряженныя съ неожиданнымъ предложеніемъ... Онъ вспомнилъ мечты о далекомъ наслѣдствѣ, о золотой сказкѣ Ривьеры, о разбитыхъ надеждахъ, о трудовой жизни... Онъ вспомнилъ о Милочкѣ и тихо, съ подавленнымъ вздохомъ, сжигая за собой корабли, простоналъ:

— Я согласенъ!

На лицѣ Позднышова засвѣтилась улыбка и, въ это мгновенье, онъ показался Царевичу подлиннымъ Демономъ въ часъ торжества.

Позднышовъ тщательно пересчиталъ деньги, су-

нулъ Ивану Антоновичу пачку кредитокъ и протянулъ руку.

Царевичъ пожалъ ее и поднялъ глаза.

Позднышовъ стоялъ передъ нимъ и потиралъ лукаво ладони... Его чесучовый костюмъ и фуражка четко выдѣлялись на голубомъ фонѣ воды... Черезъ минуту, словно закутавшись сизымъ туманомъ, маленькая фигурка стала терять свои очертанія... Черезъ другую, растаяла и исчезла.

Царевичъ широко раскрылъ глаза — и проснулся...

Онъ сидѣлъ на прежней скамьѣ, подъ тѣми же пылающими лучами, машинально перебирая страницы „Краткаго описанія дизель-моторовъ и двигателей внутренняго сгоранія". Кружилась голова, стучало въ вискахъ, нестерпимый зудъ ощущался по всему тѣлу. По прежнему, кругомъ кипѣла вода, звенѣлъ дѣвичій смѣхъ и грубый хохотъ мужчинъ. На противоположной сторонѣ залива синѣли далекія горы.

— Что за вздоръ? — прошепталъ Иванъ Антоновичъ, проводя рукой по глазамъ, словно пытаясь воскресить загадочное видѣніе. Онъ тревожно оглянулся по сторонамъ, нахмурился и одновременно ощутилъ чувство какого-то жесткаго разочарованія.

Это былъ только сонъ!..

48.

Дни протекали за днями.

Наступилъ августъ, и вслѣдъ за первыми числами, пароходъ французской компанiи „Отецъ Побѣды — Жоржъ Клемансо", бросилъ якорь въ бухтѣ „Золотого Рога".

Царевичъ съ Милочкой стояли на пристани, наблюдали, какъ морской исполинъ, водоизмѣщенiемъ въ двадцать тысячъ регистровыхъ тоннъ, грузился углемъ, водой, провiантомъ, какъ звенѣли тяжелыя цѣпи, какъ скрипѣли подъемные краны, какъ грохотали лебедки.

На третьи сутки по палубамъ забѣгала французская команда, въ синихъ шапочкахъ съ красными помпонами на головѣ. Покуривая трубки, стояли механики, офицеры съ золочеными галунами на рукавахъ. Облокотясь о бортъ, съ биноклями въ рукахъ, пассажиры глядѣли на покидаемый городъ.

Царевичъ и Милочка глядѣли на пароходъ.

Онъ медленно развернулся, описалъ полукругъ и, дымя всѣми четырьмя трубами, направился къ выходу...

Недѣли текли за недѣлями.

Милочка служила на почтѣ, сидя въ той самой клѣтушкѣ, за почтовыми марками.

Царевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, строя различные планы, проэкты и комбинаціи.

Въ связи съ рѣзко сгустившейся политической обстановкой, онъ могъ поступить на военную службу. Это давало казенный паекъ и квартиру.

Однако, по многимъ соображеніямъ, Царевичъ не принялъ предлагаемой ему должности ротнаго командира. Это не отвѣчало ни его чину, ни его предыдущей службѣ въ конныхъ частяхъ. Кромѣ того, онъ усталъ. Пять лѣтъ великой и гражданской войны, если не физически, то морально его утомили. Онъ потерялъ увѣренность въ близкое крушеніе коммунизма. Онъ утратилъ вѣру въ Россію!..

Благодаря Милочкѣ и ея службѣ въ почтовой конторѣ, Иванъ Антоновичъ былъ сытъ, одѣтъ, имѣлъ надъ собой крышу. Съ другой стороны, добрая старушка, Эльвира Карловна Шторхъ, геборене Хазенклеверъ, изъ сочувствія къ молодой парѣ, сократила наполовину квартирную плату.

Но зароботокъ молодой дѣвушки былъ недостаточенъ. Мало по малу Иванъ Антоновичъ былъ вынужденъ ликвидировать часть вещей. Онъ снесъ ювелиру золотые часы съ браслетомъ и получилъ взамѣнъ сорокъ іенъ и обыкновенную луковицу. На барахолкѣ, съ большимъ убыткомъ, продалъ кожаный чемоданъ англійскаго производства. Въ концѣ концовъ, пришлось разстаться даже съ золотымъ перстнемъ и камнемъ краснаго сердолика, съ вырѣзаннымъ гербомъ.

Жизнь продолжала плясать сумасшедшій матчишъ. Въ душѣ грохоталъ мрачный танецъ Анитры!..

И вотъ, въ тотъ самый день, когда погруженный

въ похоронныя думы, Царевичъ сидѣлъ въ городскомъ скверѣ, курилъ папиросу за папиросой, когда время отъ времени, отрываясь отъ своихъ размышленій, подымалъ глаза и съ грустной улыбкой слѣдилъ за играющими дѣтишками — на сцену трагической жизненной драмы появляется дополнительный персонажъ, въ образѣ свѣтланскаго фактора, Рувима Ароновича.

Царевичъ привѣтствовалъ его хмурымъ рукопожатіемъ и протянулъ табакерку.

— Полковникъ, какъ ваше здоровье? — спросилъ факторъ.

Царевичъ молчалъ.

— Я понимаю! — сказалъ Рувимъ Ароновичъ. — Я уже все понялъ!.. Я уже все знаю!.. Ясно, какъ лимонадъ!.. Но что вы скажете, если я предложу вамъ вопросъ?.. Одинъ маленькій вопросъ?

Царевичъ пожалъ плечами.

— Скажите, вы не помѣщикъ? — спросилъ Рувимъ Ароновичъ. — Хорошо!.. Значитъ, вы не помѣщикъ?.. Слушайте!.. Я хочу, чтобы вы были помѣщикомъ!

Царевичъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на еврея.

— Слушайте! — продолжалъ факторъ. — Вы пойдете въ штабъ и скажете, что желаете быть помѣщикомъ!.. Вы получите маленькое имѣніе!.. Такъ себѣ, небольшое имѣніе!.. И вы сдѣлаетесь помѣщикомъ!.. Что вы скажете?

Царевичъ продолжалъ недоумѣвать.

— Слушайте! — сказалъ снова Рувимъ Ароновичъ. — Вы не хотите меня понять, абсолютно не хотите понять!.. Я вамъ тогда скажу!.. Если имѣ-

ніе вамъ не понравится, его можно продать!.. Тогда вы получите деньги!.. А деньги навѣрно понравятся!.. Что вы на это теперь скажете?

Царевичъ задумался.

— Еще одинъ маленькій вопросъ! — сказалъ факторъ. — Гдѣ бы вы желали имѣть это имѣніе?.. Въ городѣ или въ деревнѣ?.. Такъ я вамъ прямо скажу!.. Имѣніе вы должны желать въ городѣ!.. Абсолютно!

Въ теченіе еще цѣлаго часа сидѣли Царевичъ и Факторъ, подъ сѣнью желтѣющей липы, и продолжали бесѣду.

Черезъ часъ они разстались.

Царевичъ повернулъ направо.

Рувимъ Ароновичъ взялъ налѣво и направился въ Голубиную Падь...

49.

Это былъ день неожиданныхъ встрѣчъ.

Утромъ, возвращаясь домой, послѣ неудачной попытки совершить одну сдѣлку, которая сулила если не обогащеніе, то во всякомъ случаѣ облегчала финансовый кризисъ, Царевичъ зашелъ мимоходомъ въ тотъ-же городской скверъ Завойко.

Его вниманіе привлекъ старый китаецъ, съ шарманкою и облѣзлою обезьяной на плечѣ. Маленькій китайченокъ, съ черной, блестящей, туго скрученною косой, подъ звуки гнусавой мелодіи, скакалъ на коврѣ, кружился, складывался ножичкомъ, дѣлалъ сальто-мортале.

— Эй, Матлеска! — смѣялся старый китаецъ.— Покази господамъ, какъ пьяная бабуска валяется!

Матрешка скалила мелкіе острые зубы, чесала волосатою лапою задъ и кувыркалась по землѣ.

Кругомъ толпились дѣтишки.

Большими глазами, замирая отъ любопытства и восхищенія, они смотрѣли на обезьяну и молодого гимнаста, бѣгали къ нянькамъ и, раздобывъ леденецъ или пару мѣдныхъ монетокъ, возвращались обратно и робкими рученками совали подарки.

— Эй, ты?.. Лордъ Байронъ!.. Торквато Тассо! — раздался знакомый голосъ.

Иванъ Антоновичъ обернулся и увидѣлъ литературнаго критика.

Онъ сидѣлъ на скамьѣ, въ своемъ обычномъ костюмѣ, въ темной крылаткѣ, съ цилиндромъ на головѣ, въ глубокихъ зимнихъ галошахъ, при зонтикѣ. Онъ былъ видимо въ дурномъ настроеніи. Дымчатое пенснэ дрожало на его крупномъ носу, цвѣта спѣлаго баклажана. Длинные волосы живописными космами раскинулись по плечамъ. На бритой губѣ выступилъ жесткій посѣвъ.

— Садись! — произнесъ Наркизъ Наркизовичъ. — Мнѣ нужно съ тобою поговорить!

Царевичъ подошелъ, протянулъ съ брезгливостью руку и сѣлъ рядомъ.

— Ну, что еще? — спросилъ Иванъ Антоновичъ. — Все торчишь въ своей лавочкѣ?.. Паскудное заведеніе!.. Сволочь!.. Ноги моей больше не будетъ!

— Дай папиросу! — сказалъ критикъ и угрюмо насупился.

Иванъ Антоновичъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Да ты что, пьянъ или трезвъ?.. Что съ тобой стало?.. Не узнаю?

— Пищи нѣтъ! — произнесъ мрачно Наркизъ Наркизовичъ. — Плохи козыри!.. Совсѣмъ дѣло табакъ!

— Не бѣда!.. Если не завтракалъ, такъ вотъ тебѣ сорокъ сенъ!.. Выпей за мое здоровье!

Иванъ Антоновичъ порылся въ кошелькѣ и протянулъ мелочь.

— Спасибо, другъ! — произнесъ Наркизъ Нарки-

зовичъ. — Да я не о томъ!.. Духовной пищи нѣтъ!.. Понимаешь?

Критикъ закурилъ папиросу и, въ короткой бесѣдѣ, развилъ свои мысли.

— Вѣдь, подумай, какимъ дерьмомъ занимаюсь! — продолжалъ критикъ. — Шарады, крестословицы, игра въ бриджъ!.. Ничего высокаго, духовнаго, интеллигентнаго!.. Вотъ написалъ некрологъ о Максимѣ Горькомъ и жду!.. Мѣсяцъ цѣльный прошелъ!.. Что ты скажешь?.. Другой бы давно околѣлъ!.. Такъ нѣтъ, живетъ, язва, скрипитъ, поправляется!.. Только хлѣбъ у другихъ отбиваетъ!

Наркизъ Наркизовичъ опустилъ голову и задумался.

— Пойдемъ, выпьемъ пивка! — сказалъ онъ черезъ минуту. — Это освѣжитъ мысли!

Но Иванъ Антоновичъ наотрѣзъ отказался.

— Несносный идіотъ! — подумалъ онъ, подымаясь, и поспѣшно вышелъ изъ сада...

На углу Свѣтланской и Алеутской его ожидала новая встрѣча.

Передъ нимъ стоялъ Афанасій Ивановичъ Моркотунъ, въ обычныхъ обмоткахъ, въ солдатскомъ френчѣ, въ тяжелыхъ англійскихъ башмакахъ-танкахъ.

— Царевичъ?.. Ваше высочество?.. Здравствуй? — прохрипѣлъ капитанъ и крѣпко потрясъ руку. — Гдѣ ты болтаешься?.. Попался, который кусался?.. Цѣлый мѣсяцъ не видѣлся!.. Ну, разсказывай, что хорошаго?.. Когда полагаешь уѣхать?

— Не знаю! — отвѣтилъ Иванъ Антоновичъ. — Зависитъ отъ обстоятельствъ!

Капитанъ захохоталъ:

— Ха-ха-ха!.. Ну, не ври!.. Признавайся!.. Опять кого нибудь подцѣпилъ?. А между прочимъ, за Милку тебѣ морду слѣдовало бы набить!.. Зачѣмъ испортилъ хорошую дѣвушку?.. Мнѣ все извѣстно!

Иванъ Антоновичъ вспыхнулъ.

— Легче на поворотахъ! — сухо замѣтилъ онъ. — Ничего ты не знаешь!.. Я женюсь на ней!

Царевичъ приподнялъ шляпу и повернулся...

Подходя къ Семеновскому Базару, Иванъ Антоновичъ, по порученію Милочки, собирался сдѣлать кое-какія покупки. Провизія была на исходѣ. Съ другой стороны, Царевичъ любилъ бродить по базару.

На прилавкахъ дымились красныя, только что освѣжеванныя туши. Въ огромныхъ чанахъ сверкала и переливалась свѣжая рыба. Пятились исполинскіе крабы, трепыхались маленькіе чилимсы, висѣли скаты и осьминоги. Подъ другими навѣсами висѣла битая дичь — фазаны, рябчики, утки, дикіе гуси, зайцы, косули, олени.

Иванъ Антоновичъ бродилъ по рядамъ, время отъ времени пріостанавливался, прицѣнивался, торговался, бесѣдовалъ съ китайцами-продавцами. Купивъ краба и головку цвѣтной капусты, постоялъ было у ретирада, подлѣ редакціи „Утренней Почты", криво усмѣхнулся и направился къ дому.

Онъ сдѣлалъ не болѣе десятка шаговъ.

— Стой! — раздался внушительный окрикъ.

Передъ нимъ стоялъ предсѣдатель сапожнаго цеха, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга.

Иванъ Антоновичъ вздрогнулъ.

— Что вамъ угодно? — холодно спросилъ „Сынъ Полка“.

Чернѣга подошелъ вплотную, мрачно воззрился и произнесъ:

— Отдай мои деньги!

— Отстаньте! — крикнулъ Царевичъ. — Вы опять?.. Шутки шутите?.. Я васъ не знаю!

— Не знаешь? — заревѣлъ предсѣдатель сапожнаго цеха. — Сейчасъ узнаешь!

Онъ протянулъ волосатыя руки и схватилъ Царевича за рукавъ. „Сынъ Полка“ вырвался, проскользнулъ между ногами, точно налимъ, и бросился бѣжать.

Сдѣлавъ рядъ ловкихъ зигзаговъ, онъ спрятался въ лавкѣ, оттуда увидѣлъ пробѣжавшаго мимо Чернѣгу и еще долгое время слѣдилъ, какъ предсѣдатель сапожнаго цеха метался по Семеновскому Базару.

Затѣмъ, съ предосторожностями, зорко слѣдя и оглядываясь по сторонамъ, возвратился домой...

50.

На другой день, вспомнивъ бесѣду съ РувимомъАроновичемъ, Царевичъ рѣшилъ немедленно, не откладывая дѣла ни на одинъ часъ, предпринять нужные шаги.

Онъ вытащилъ изъ парусиноваго чемодана военную форму — потрепанную черкеску съ кинжаломъ, рыжую мерлушковую „кубанку", мягкіе кавказскіе сапоги. Одѣвшись, украсилъ грудь владимирскимъ крестомъ 4 степени, съ мечами и бантомъ, а на шашку нацѣпилъ георгіевскій темлякъ.

Это несомнѣнно импонировало, служило лишнимъ аргументомъ и облегчало задачу.

Съ независимымъ видомъ, Царевичъ вошелъ въ штабъ, громко поздоровался съ вѣстовымъ, велѣлъ доложить о себѣ генералъ-квартирмейстеру...

— Да, конечно! — сказалъ генералъ, принявъ его въ кабинетѣ и получивъ объясненіе о цѣли визита. — Какъ военный, притомъ боевой офицеръ, вы имѣете законное право!.. Ваша просьба, въ соотвѣтствіи съ циркулярнымъ распоряженіемъ штаба отъ 10 мая сего года за № 125, подлежитъ удовлетворенію въ первую очередь!.. Гмъ-гмъ... Вотъ записка за моей подписью и печатью!.. Гмъ-гмъ... Благоволите обратиться къ начальнику отдѣленія по распре-

дѣленію казенныхъ земельныхъ участковъ между военнослужащими, чиновнику Кривошапкину!.. Второй этажъ, первая дверь направо!

И пожавъ руку Ивану Антоновичу, генералъ погрузился въ текущую переписку.

Царевичъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и вошелъ въ кабинетъ титулярнаго совѣтника Кривошапкина.

Послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствіями, чиновникъ усадилъ Царевича на стоявшій рядомъ стулъ и развернулъ крѣпостной планъ, въ масштабѣ 100 саженъ въ дюймѣ.

— Совершенно вѣрно! — замѣтилъ чиновникъ. — Крѣпость упразднена, гарнизонъ расформированъ, вооруженіе снято!.. Вся освободившаяся земельная площадь перешла въ распоряженіе военнаго органа, въ данномъ случаѣ штаба войскъ!.. Но! — произнесъ Кривошапкинъ съ легкимъ вздохомъ, — позволю себѣ замѣтить, что лучшіе участки, къ сожалѣнію, уже закрѣплены! Вы опоздали на три мѣсяца!.. Тогда былъ огромный выборъ!

Царевичъ поморщился.

— Извольте видѣть! — продолжалъ Кривошапкинъ, склоняясь надъ картой и бѣгая по ней карандашомъ. — Краснымъ цвѣтомъ отмѣчены всѣ занятые участки и, такимъ образомъ, въ чертѣ города мы ничего свободнаго не найдемъ!.. Но пойдемъ дальше!.. Имѣются великолѣпныя земельныя площади внѣ городской черты, напримѣръ, на Черной Рѣчкѣ, на Седанкѣ, на Русскомъ Островѣ!... Что вы скажете?.. Для эксплоатаціи и культурнаго хозяйства вы не найдете ничего лучшаго!.. Если засѣять макомъ или, напримѣръ, корнеплодами...

— Пардонъ! — перебилъ Иванъ Антоновичъ. — Я долженъ вамъ заявить, что мнѣ нуженъ участокъ въ районѣ города!.. Исключительно въ районѣ города!.. Абсолютно! — добавилъ онъ, вспомнивъ выраженіе фактора. — Другой участокъ меня вовсе не интересуетъ!

Чиновникъ развелъ руками.

— Что прикажете дѣлать? — произнесъ онъ. — Я только что имѣлъ честь доложить, что въ районѣ города всѣ участки закрѣплены!.. Рѣшительно все занято!.. На нѣтъ, какъ говорится, суда нѣтъ!.. Но почему бы вамъ не взять, въ самомъ дѣлѣ, хорошій кусочекъ на Русскомъ Островѣ?.. Подумайте?.. Воздухъ?.. Море кругомъ?.. Тишина?.. Можно жить, какъ Робинзонъ Крузо? — засмѣялся чиновникъ.

Царевичъ снова поморщился.

— Пардонъ! — сказалъ Иванъ Антоновичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. — Участокъ внѣ города не представляетъ для меня ни малѣйшаго интереса!.. Я выразился, кажется, вполнѣ опредѣленно!.. Мнѣ нуженъ участокъ въ городѣ!

— Что же прикажете дѣлать? — произнесъ Кривошапкинъ, взглянулъ на карту и на минуту задумался. — Позвольте?.. Кажется есть еще небольшой клочокъ?.. Я совершенно упустилъ изъ виду!.. Въ самомъ дѣлѣ!.. Орлиное Гнѣздо!.. Другими словами, литерная батарея Б!

— Давайте мнѣ батарею! — воскликнулъ Царевичъ.

Чиновникъ взялъ увеличительное стекло и снова склонился надъ картой.

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ Кривошапкинъ. — Батарея Б, въ настоящую минуту, еще свободна!.. Она предназначена къ передачѣ отставному капитану Кандыбѣ!.. Но вы имѣете всѣ преимущества!.. Если угодно, я зафиксирую и закрѣплю ее сегодня же за вами!.. Благоволите расписаться въ крѣпостной книгѣ, а взамѣнъ я выдамъ росписку и документъ на вводъ во владѣніе!

— Очень вамъ благодаренъ!.. Вы человѣкъ интеллигентный! — сказалъ Царевичъ и, съ чувствомъ, пожалъ чиновнику руку.

Черезъ полчаса, онъ вышелъ изъ кабинета въ бодромъ, приподнятомъ настроеніи.

Легкой походкой Царевичъ прошелъ въ расположенный по сосѣдству вокзалъ, подойдя къ стойкѣ выпилъ рюмку водки и, со свѣжими силами, сталъ подыматься по Морской улицѣ, которая вела на батарею...

51.

Орлиное Гнѣздо или литерная батарея Б находилась на сопкѣ, вѣнчавшей городъ.

Морская улица, круто устремляясь кверху, мало по малу, переходила въ горную тропу, которая подымалась все выше и, въ концѣ концовъ, исчезала на совершенно голой вершинѣ.

Когда-то это былъ крѣпкій опорный пунктъ, съ огромнымъ обстрѣломъ, недоступный, неуязвимый, вооруженный гигантскими крѣпостными орудіями дальняго боя.

Сейчасъ это была куча бетона и кирпичей, жалкіе остатки каменной кладки, сѣрыя стѣны, казематы и погреба, разрушенные взрывами динамита.

Печать преждевременной смерти производила грустное впечатлѣніе.

Но если отрѣшиться отъ мыслей о гибели этой бывшей твердыни и оглянуться по сторонамъ, взоръ положительно не въ состояніи былъ оторваться отъ исключительнаго по своему великолѣпію зрѣлища, открывающагося съ этой командующей точки.

Весь городъ лежалъ у ногъ.

Главная магистраль и пересѣкающія ее подъ прямымъ или острымъ угломъ улицы, тупики, переулки, сѣрое море частныхъ домовъ и величественныя

зданія банковъ, универсальныхъ магазиновъ Чурина, Кунста и Альберса, присутственныхъ учрежденій, Восточнаго Института, Коммерческаго училища, мужскихъ и женскихъ гимназій, пятна желтѣющихъ скверовъ и длинная, вытянутая въ нитку, линія таможенныхъ складовъ, вокзалъ и золотой куполъ собора, штабы и казармы, обелискъ Невельского и памятникъ адмиралу Завойко — все это лежало у ногъ, сжатое до миніатюрныхъ размѣровъ.

Незабываемую картину представляла водяная стихія, омывающая городъ со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ той его узкой части, которая непосредственно примыкала къ материку.

Если обернуться на западъ, передъ глазами лежалъ Амурскій заливъ, съ далекими горами противоположнаго берега, съ дачными мѣстностями, съ бѣлѣющими заимками Конрада, Сидеми.

Если взглянуть на востокъ — обширнымъ ковшомъ лежала бухта „Золотой Рогъ“, съ двумя выходами въ открытое море и замыкающимъ ее зеленымъ плацдармомъ Русскаго Острова.

Внизу же, точно клопы на лазоревомъ бумажномъ листѣ, копошились кузова грузившихся пароходовъ, стояли на якоряхъ неподвижные корпуса военныхъ судовъ, желтѣли паруса джонокъ, бѣлыми мошками порхали крошечныя шампунки.

А надъ головой виситъ небо, синій шелкъ яснаго, чистаго, свѣже умытаго неба, съ табунами разбѣжавшихся облачковъ, съ проливающимъ золото огненнымъ окомъ.

Царевичъ присѣлъ на груду камней и, въ теченіе долгаго времени, созерцалъ рѣдкую панораму.

— Изумительно! — произнесъ онъ. — Сказка изъ „Тысячи и одной ночи"!.. Слѣдовало бы написать поэму:

„На каменной сопкѣ, на кругѣ,
Гдѣ мѣсяцъ да звѣзды да тучи..."

Но тотчасъ, съ досадой, махнулъ рукой, какъ бы отметая эту мысль, и сказалъ:

— Здѣсь нужно построить обсерваторію!... Съ самымъ большимъ телескопомъ въ мірѣ, который увеличивалъ бы въ мильонъ разъ!.. Или роскошный отель въ двѣ тысячи номеровъ, съ горячей и холодной водой, съ лѣтнимъ и зимнимъ садомъ, со скетингъ-рингомъ и площадками для лаунъ-тенниса и футбола!.. Для быстраго и удобнаго сообщенія съ городомъ можно провести фуникулеръ или устроить спеціальную станцію для биплановъ и монопланoвъ!

Иванъ Антоновичъ задумался и, черезъ минуту, развилъ новый планъ:

— Еще лучше построить замокъ съ бойницами и высокими башнями, внутри разбить англійскій паркъ съ газонами и фонтанами, съ мраморными статуями и прудомъ, въ которомъ бы плавали бѣлые лебеди!

„Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ мчется Терекъ во мглѣ,
Высокая башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ..."

вспомнилось почему-то знакомое стихотвореніе, и Иванъ Антоновичъ снова окунулся въ чувства созерцательнаго покоя.

Потомъ, его мысли приняли новое направленіе, болѣе реальное, болѣе отвѣчающее дѣйствительной обстановкѣ.

— Оллъ райтъ! — произнесъ „Сынъ Полка“. — Я сдѣлалъ кажется удачное дѣло!.. Замокъ, конечно, я строить не буду!.. Но если этотъ симпатичный гомель-гомельскій гражданинъ не вретъ, за этотъ бетонъ я могу получить по крайней мѣрѣ пятьсотъ долларовъ!.. Если же поймать какого нибудь мецената или любителя красоты, можно выручить вдвое!.. Хипъ-хипъ-ура!

И кинувъ въ послѣдній разъ взглядъ на море, Иванъ Антоновичъ быстрыми шагами сталъ спускаться съ литерной батареи Б...

52.

Царевичъ вернулся домой бодрый, радостно настроенный, оживленный. Онъ весело напѣвалъ, сдѣлалъ нѣсколько присѣданій по шведской системѣ, закружился по комнатѣ и, увидѣвъ въ зеркалѣ свое изображеніе, послалъ воздушный поцѣлуй:

„До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ...“

Милочка поднялась со стула, отдернула край японскаго коврика, висѣвшаго вмѣсто дверей, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ слѣдила за поведеніемъ своего друга. Она была удивлена и въ то же время обрадована. Послѣдніе дни, Иванъ Антоновичъ ходилъ, какъ въ воду опущенный, былъ молчаливъ и задумчивъ, прекратилъ вовсе литературную дѣятельность, ничего не сообщалъ о своихъ будущихъ планахъ и даже на ласки отвѣчалъ съ какою-то непонятной разсѣянностью.

Все это мучило Милочку и волновало.

Иванъ Антоновичъ внезапно замѣтилъ дѣвушку, вѣрнѣе увидѣлъ только одинъ глазокъ, безмолвно слѣдившій за его шведской гимнастикой, бросился къ двери и схватилъ Милочку за руку.

— Ур-ра! — закричалъ Царевичъ. — Милица

Михайловна, кричите — ура!.. Участокъ нашъ!.. Батарея Б наша!.. Орлиное Гнѣздо!.. „Замокъ Тамары!..“ Сикъ транзитъ глоріа мунди!.. Гвардія умираетъ, но не сдается!

Онъ схватилъ дѣвушку, привлекъ къ себѣ, расцѣловалъ и выскочилъ изъ комнаты...

Онъ шелъ по Набережной, направляясь къ Рувиму Ароновичу, въ Голубиную Падь.

Онъ не прошелъ и сотни шаговъ, какъ навстрѣчу ему, на короткихъ кривыхъ ногахъ, въ куцомъ люстриновомъ сюртукѣ, уже катился свѣтланскій факторъ и привѣтствовалъ издали котелкомъ.

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?..“

Подобными словами встрѣтилъ его Иванъ Антоновичъ и наградилъ крѣпкимъ рукопожатіемъ. Они стояли другъ передъ другомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ пытливо смотрѣли въ глаза и, одновременно, какъ по командѣ, захохотали.

Діалогъ былъ кратокъ, но выразителенъ:

— Бумаги есть?

— Есть!

— Имѣніе, какъ я сказалъ?

— Да!

— Батарея Б?

— Да!

— Тогда все въ порядкѣ! — произнесъ Рувимъ Ароновичъ и взялъ Царевича за пуговицу. — Но ша! — добавилъ онъ, поднявъ указательный палецъ. — Никому ни слова!.. Военная тайна!

— Но вѣдь тамъ одни камни? — замѣтилъ Иванъ Антоновичъ. — Дерьмо!.. Кто купитъ?

Рувимъ Ароновичъ принялъ серьезный видъ.

— Что за вопросъ? — сказалъ факторъ. — Другіе камни дороже золота!.. Давайте бумаги!

Иванъ Антоновичъ вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ и передалъ документы еврею.

— Слушайте! — произнесъ Рувимъ Ароновичъ. — Я вамъ скажу!.. У меня есть японцы!.. Но японцы не могутъ купить!.. У меня есть еще одинъ грекъ!.. Грекъ можетъ купить!.. А японцы купятъ у грека!.. Что вы скажете?.. А бѣдный Шанкеръ заработаетъ для своихъ бѣдныхъ ребенковъ двадцать процентовъ!.. Теперь вы знаете все!.. Ясно, какъ лимонадъ!

— Не совсѣмъ ясно! — сказалъ Царевичъ. — А сколько заработаетъ владѣлецъ собственности?

— Что за вопросъ? — отвѣтилъ факторъ и лицо его снова приняло серьезное выраженіе. — Все зависитъ отъ вашего счастья!.. Можетъ быть, одна тысяча!.. А можетъ быть цоберъ, то есть двѣ!.. А можетъ быть даже три!.. Тогда вы самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ!

Царевичъ задумался.

— Ну, ладно! — произнесъ Иванъ Антоновичъ. — Я согласенъ!.. Только скорѣй!.. Я не могу ждать!

Онъ пожалъ фактору руку и повернулъ домой...

53.

Въ театрѣ „Золотой Рогъ“ держалъ антрепризу Евфимій Долинъ. Изъ фойе одна дверь вела въ театральную залу, другая въ подвалъ „Би-Ба-Бо“, грязный и тусклый, еле освѣщаемый электрическими лампадками, съ буфетною стойкой, эстрадой и взятымъ напрокатъ піанино.

Посѣтителями подвала были люди разнообразныхъ, по преимуществу, свободныхъ профессій — артисты, музыканты, поэты, сотрудники двѣнадцати приморскихъ газетъ, подпольные политики, дезертиры съ краснаго и бѣлаго фронтовъ.

Каждый разъ, когда Царевичъ заходитъ въ подвалъ, на эстрадѣ, за длиннымъ столомъ, убраннымъ красною скатертью, сидитъ Давидъ Бурлюкъ — ражій парень, съ круглымъ бабьимъ, размалеваннымъ зеленой краской лицомъ. На головѣ у него казанская тюбитейка, взамѣнъ пиджака — бархатная пижама, на ногахъ полосатые панталоны — одна штанина малиновая, другая лиловато цвѣта.

Какимъ вѣтромъ занесло его изъ Москвы въ столицу Приморскаго Края, никому неизвѣстно. Какъ бы то ни было, „отецъ русскаго футуризма“ завоевалъ прочное положеніе, и на ближайшемъ же засѣ-

данiи „Би-Ба-Бо“ былъ избранъ предсѣдателемъ литературной секцiи...

Другой фигурой, привлекавшей вниманiе, былъ старый авантюристъ, корнетъ Савинъ графъ Тулузъ де Лотрекъ.

Одѣтый въ военный френчъ съ золотыми погонами, въ длинные брюки кавалерiйскаго образца, живописными фестонами обрамляющiе худой задъ и костлявыя ноги, маститый корнетъ сидитъ за маленькимъ столикомъ, склонившись надъ шахматной партiей, и пьетъ чай съ лимономъ.

Царевичъ наблюдаетъ за знаменитымъ червоннымъ валетомъ.

— Интересно, какiя новыя комбинацiи обдумываетъ старый мошенникъ?... Какими новыми трюками обогатится столица Приморскаго Края?.. Увы, обстановка, на этотъ разъ, едва-ли можетъ быть названа благопрiятной!.. Все обнищало, люди стали недовѣрчивы, подозрительны, трудно разсчитывать на обильную жатву!

Рокамболь бѣжецкаго уѣзда сильно подался за долгiе годы, проведенные въ Нарымской тюрьмѣ, за рѣшоткой.

Былъ конь, да изъѣздился!

Мильоны, безумная жизнь, сотни красивѣйшихъ женщинъ — все отлетѣло въ далекое безвозвратное прошлое.

— Любопытно знать, каковъ былъ этотъ старикъ полвѣка тому назадъ?..

Бурлюкъ читаетъ стихи.

Грузный, тяжеловѣсный, сырой, обводитъ пуб-

лику телячьими глазами, читаетъ нараспѣвъ, нудно, тягуче, однообразно, точно псаломщикъ:

„Въ кошницѣ горъ Владивостокъ,
Когда лишеннымъ перьевъ свѣта,
Еще дрожа, въ ладьи востокъ
Стрѣлу вонзаетъ Пересвѣта.
Домъ модъ, рогъ горъ, потопъ, потопъ,
Суда, объятыя пожаромъ,
У мыса Амбръ геліотропъ
Клеятъ къ стеклянной кожѣ рамъ...“

— Браво, Бурлюкъ! — грохочетъ аудиторія.

— Биссъ!.. Браво!.. Биссъ!

— А ну-ка, Давидка, зашпандорь еще что нибудь!

Бурлюкъ кисло отмахивается, корчитъ гримасу, грузно шлепается на стулъ.

— Топъ-топъ!..

На журавлиныхъ ногахъ вбѣгаетъ Сергѣй Третьяковъ, лысый, длинный, поджарый, въ пенснэ на ястребиномъ носу. Бывшій товарищъ министра внудѣлъ козыряетъ „Желѣзною Паузой“:

„Улюлюкай, арапникъ травли,
Зубомъ воздухъ прокусишь авось,
Молгаливѣй китайскихъ каули
Рыгагую земную ось.
А когда заревымъ салютомъ
Запылаютъ пылища нутръ,
Я отдамъ плегистымъ Малютамъ
На растлѣнье малютку утръ!..“

Вонъ — Николай Асѣевъ... Премированный поэтъ, служащій въ „сибобалкопѣ“ — въ сибирскомъ областномъ кооперативѣ, по отдѣлу транспорта селедки, стоитъ у колонны въ позѣ глубочайшей задумчивости, разрѣшая два важныхъ вопроса — во первыхъ, долго-ли еще продержится висящая на ниточкѣ единственная пуговка пиджака, и во вторыхъ — на чемъ растутъ соленыя сельди?

Этотъ, по крайней мѣрѣ, искрененъ и талантливъ. Въ его „Заржавленной Лирѣ“ попадаются звучныя строфы:

„Оксана, жемгужина міра,
Я воздухъ на волны дробя,
На днѣ Малороссіи вырылъ
И въ пѣсню оправилъ тебя.
А если не солнцемъ, медузой
Ты станешь во тьмѣ голубой,
Я всѣ корабли поведу за
Блѣднымъ сіяньемъ — тобой!..“

Это — три глазныхъ „мэтра“, три столпа приморскаго футуризма. А за ними идутъ нѣсколько второстепенныхъ — Арсеній Несмѣловъ, посвятившій „Генію Маяковскаго“ книжку стиховъ, харбинскій поэтъ „изысковъ“ Алымовъ, наконецъ, цѣлая стая мелкихъ, безповоротно свихнувшихся эротомановъ-кокаинистовъ — Бенедиктъ Мартъ, Фаинъ, Варвара Статьева, Далецкій, Рябининъ:

„Горбатые ландыши задушили горло,
Маленькіе дѣтики, поцѣлуйте въ оскалъ!“

Въ подвалѣ душно. Въ подвалѣ дымно, накурено, тускло мерцаютъ электрическія лампадки. Одинъ за другимъ выступаютъ поэты, мелодекламаторы, музыканты, артисты. Гремитъ хохотъ, крики, хлопки, рукоплесканія.

Царевичъ сидитъ въ темномъ углу, глотаетъ чай, наблюдаетъ.

Эти выступленія приморской богемы не говорятъ рѣшительно ничего его сердцу. Больше того, они его раздражаютъ. Наигранный пафосъ, несносные вычуры, кривлянье, революціонныя темы — вызываютъ въ Царевичѣ отвращеніе, доходящее до тошноты.

— Гдѣ же подлинное искусство?

Все ненавистно и омерзительно, въ такой же степени, какъ этотъ пошлый толстякъ съ размалеванной рожей, воплощеніе тупости, хамства, цинизма, развалившійся въ предсѣдательскомъ креслѣ.

— Мокрицы!.. Слизняки!.. Черви могильные! — цѣдитъ Иванъ Антоновичъ. — Правъ критикъ!.. Нѣтъ больше литературы!

Царевичъ подымается и покидаетъ подвалъ...

54.

Прошло всего только три дня, какъ къ двухъэтажному бѣлому домику на Набережной лихо подкатилъ кореецъ-извозчикъ, имѣя двухъ сѣдоковъ.

Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый свѣтланскій факторъ Рувимъ Ароновичъ. Другой — не менѣе знаменитый приморскій филателистъ, подрядчикъ, археологъ, коллекціонеръ старинной бронзы, вице-президентъ приморскаго отдѣла бой-скаутовъ и содержатель дома терпимости въ Корейской Слободкѣ (ай, дѣвоцки, цто за дѣвоцки!) — Лазарь Сократовичъ Попандопуло.

Черезъ четверть часа, коляска, на этотъ разъ уже съ тремя сѣдоками, мчалась по той же улицѣ, приближаясь съ каждой минутой къ „Замку Тамары". Царевичъ сидѣлъ рядомъ съ грекомъ, Рувимъ Ароновичъ помѣстился на козлахъ.

— Стой! — закричалъ факторъ, когда улица, повернувъ налѣво, образовала съ одной стороны уступъ, низвергавшійся къ морю, а съ другой примкнула вплотную къ крутой стѣнѣ, съ узкой тропинкой, ведущей на батарею.

Коляска остановилась.

Сѣдоки вышли и стали взбираться на гору.

Подъемъ былъ чрезвычайно тяжелъ. Тучный

грекъ запыхался въ короткое время, скользилъ, останавливался на каждомъ шагу, отиралъ потъ. Наконецъ, показалась вершина съ кучей бетона и кирпича, разбросанныхъ въ живописномъ хаосѣ.

— Ну, что? — спросилъ Царевичъ. — Какъ вамъ нравится, Лазаръ Сократовичъ?.. За одинъ видъ можно отдать мильонъ!

Грекъ сѣлъ на камень, вынулъ изъ футляра большой цейсовскій бинокль, висѣвшій на ремешкѣ, и приложилъ къ глазамъ.

— На вашемъ мѣстѣ я бы построилъ здѣсь отель съ кафе-ресторанomъ! — продолжалъ Царевичъ. — Можно разбить англійскій паркъ!.. Можно построить площадку для футбола!.. Что это? — спросилъ неожиданно Иванъ Антоновичъ, поднявъ съ земли сѣрый булыжникъ. — Мнѣ кажется это мраморъ?.. Рувимъ Ароновичъ, что вы скажете?

Грекъ продолжалъ глядѣть въ бинокль.

— Это не мраморъ! — отвѣтилъ факторъ. — Это мѣдный колчеданъ!.. Въ немъ сидитъ золото!

— Золото? — переспросилъ Иванъ Антоновичъ.

— Что за вопросъ? — сказалъ Рувимъ Ароновичъ. — Чистое золото!.. Абсолютно!.. Девяносто шестой пробы!

Между тѣмъ, Попандопуло, закончивъ свои наблюденія, поднялся съ камня и, въ свою очередь, сталъ подбирать кусочки кварца, гранита, булыжника. Изъ бокового кармана онъ досталъ лупу, подносилъ камешки къ носу, со вниманіемъ ихъ разглядывалъ.

— Ну, какъ? — съ легкимъ волненіемъ спросилъ Царевичъ. — Какъ вамъ нравится моя батарея?..

Если бы я не уѣзжалъ въ Европу, повѣрьте, ни за что не продалъ!

Лазарь Сократовичъ пошевелилъ отвислой губой.

— Отлицный видъ! — произнесъ грекъ. — Замѣцательный видъ!.. Если бы я не оставался въ городѣ, я бы, позалуй, купилъ... Мезду процимъ, сколько бы вы хотѣли?.. Васа цѣна?

— Три тысячи долларовъ! — отвѣтилъ Царевичъ.

Лазарь Сократовичъ на минуту задумался.

— Цестное слово? — спросилъ грекъ. — Это не много!.. Цѣна подходящая!.. Я подумаю!

Стали спускаться съ горы.

Если подъемъ былъ тяжелъ, спускъ оказался еще болѣе затруднителенъ. Лазарь Сократовичъ снова скользилъ, срывался, пятился задомъ, хватался за камни, призывалъ въ свидѣтели Зевса-Громовержца, Плутона, Меркурія, Діану-Охотницу, Афину-Палладу, бранился черными духами зла — Вельзевуломъ, Демономъ, Асмодеемъ.

Въ концѣ концовъ, благополучно добрались до подножія, усѣлись въ коляску и снова помчались по Набережной.

У бѣленькаго домика кучеръ остановился.

Лазарь Сократовичъ простился съ Царевичемъ и, вмѣстѣ съ факторомъ, поѣхалъ дальше.

Царевичъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ квартиру. Милочка только что вернулась со службы. Стоя посреди комнаты, въ своемъ рабочемъ костюмѣ, темномъ съ бѣлыми крапинками, накры-

вала на столъ, напѣвала, бѣгала къ комоду за посудою и стаканами.

Увидѣвъ Царевича, подбѣжала къ нему, обняла, прижалась къ плечу.

— Ну, кажется, все въ порядкѣ! — улыбнулся Иванъ Антоновичъ и поцѣловалъ дѣвушку. — Попандопуло даетъ три тысячи!.. Подумай, Милуша?.. Три тысячи долларовъ?

Милочка засмѣялась и еще сильнѣе прижалась къ плечу...

55.

Гуще становился синій шелкъ неба и воздухъ сталъ будто прозрачнѣе. А на другой сторонѣ залива такъ ясно виднѣются сейчасъ бѣлыя дачки, щербатыя горы, заимки Конрада, Сидеми. Точно не четырнадцать верстъ, а совсѣмъ близко, рукой подать.

Купальный сезонъ въ разгарѣ.

Съ утра до поздняго вечера люди плескались въ водѣ. Смѣялись и визжали веселыя дѣвушки — бѣленькая Таня Вадковская, черненькая Наташа Левчукъ, золотокудрая Эльга Христіансенъ. Юноши съ загорѣвшими до бронзы, сухими кофейными торсами, кидались дѣвушкамъ вслѣдъ, разсѣкая воду крѣпкими мускулистыми руками.

А вода стала совсѣмъ фіолетовой и появились медузы. Бѣлыя, алыя, прозрачныя и клейкія, точно желе, онѣ напоминали вздутый пузырь, выплывали изъ какихъ-то неизвѣстныхъ глубинъ и, держась почти на самой поверхности, волнообразными медленными движеніями прибивались къ каменистому берегу.

За трельяжемъ лоснились бѣлыя гладкія тѣла женщинъ, полуобнаженныхъ или совсѣмъ обнаженныхъ, лежавшихъ въ различныхъ позахъ на лавкахъ,

неподвижныя, разомлѣвшія отъ зноя тѣла, дразнившія своими круглыми очертаніями, близостью, недоступностью.

Въ мужской половинѣ „Клуба Комнацкаго". какъ обычно, стоялъ гамъ и крикъ. Купальщики бѣгали взапуски по деревяннымъ морсткамъ, гонялись другъ за дружкой, съ размаху прыгали въ воду, занимались шведской гимнастикой, массажемъ, упражненіями на турникѣ, выжимали для развлеченія пудовыя гири.

Но румяный лейтенантъ шотландскихъ хайлендеровъ, сэръ Арчибальдъ Гордонъ, уже не курилъ „кепстенъ" и не щелкалъ коцэкомъ. Его вовсе не было видно. Вмѣстѣ съ англійскою миссіей онъ отбылъ на родину.

Уѣхалъ и храбрый чешскій легіонеръ — тромбонистъ Ендржичекъ Почкай.

Зато появились новыя лица.

Появился корнетъ Савинъ графъ Тулузъ де Лотрекъ, тучный приморскій журналистъ Всеволодъ Ивановъ, содержатель вокзальнаго буфета Теръ-Абрамьянцъ, бывшій конный стражникъ Нарымской тюрьмы Джугашвили, биржевой маклеръ Миронъ Абрамовичъ Воробейчикъ.

Молодой студентъ Кеша Рудыхъ, задравъ пятки къ небу, пытался ходить на рукахъ. Отецъ Мисаилъ Спижарный, уронивъ кудлатую голову на животъ, по обыкновенію, сладко дремалъ. Оскаръ Оскаровичъ Муттермильхъ маленькими ножничками подстригалъ на ногахъ ногти. Изидоръ Терентьевичъ Денисюкъ и милицейскій надзиратель Тузъ-

Бубонный рѣзались въ „свои козыри“, другіе лежали въ тѣни, читали газеты, вели ожесточенные споры...

Увидѣвъ Царевича, Кеша Рудыхъ подскочилъ къ нему.

— Иванъ Антоновичъ, здравствуйте! — залопоталъ юный студентъ. — А мы васъ уже съ утра поджидаемъ!.. Страсть хороша водица сегодня!.. Дѣвочки очень довольны!

Кеша закружился на одной ногѣ и запѣлъ:

Онъ говорилъ ей часто
Одну и ту же рѣчь:
„Ужасное мѣщанство
Невинность зря беречь!“

Иванъ Антоновичъ не былъ въ настроеніи выслушивать глупыя шутки.

— Цыцъ! — грубо оборвалъ онъ студента. —
— Заткнись, дуракъ!.. Скоморохъ, шутъ, чортова балалайка!

Кеша съ испуганнымъ видомъ взглянулъ на Царевича и умолкъ...

Графъ Тулузъ де Лотрекъ сидѣлъ на скамьѣ, подлѣ вышки съ трепыхавшимся на остріѣ мачты трехцвѣтнымъ флагомъ.

Графъ не купался.

По преклонности лѣтъ, онъ избѣгалъ воднаго спорта. Однако, стянувъ съ плечъ старый заношенный френчъ съ золотыми погонами, исподники и грязную трикотажную американскую безрукавку, съ видимымъ наслажденіемъ отдавался цѣлительному дѣйствію солнечныхъ поцѣлуевъ.

Его длинная костлявая фигура, съ дряблой кожицей, покрытой старческимъ пухомъ, тонкая шея, его морщинистое лицо съ глубокими мѣшками вокругъ глазъ, съ острымъ выдающимся клювомъ, имѣла странное сходство съ хищною птицей, съ коршуномъ, грифономъ, стервятникомъ.

Графъ находился въ повышенномъ настроеніи. Съ устъ срывались ругательства, онъ сердился и волновался, изливалъ гнѣвъ на правительство, въ частности, на братьевъ Спиридона и Николая Меркуловыхъ.

— Идіоты!.. Кретины!.. Лабазники! — брызгаясь слюной, кричалъ графъ. — Мошенники!.. Никакого понятія!.. Парбле!.. Номъ де номъ, номъ де шьенъ!.. Имъ нужна валюта?.. Эйнъ-цвей-дрей!.. Я далъ бы имъ эту валюту!

Въ основаніе своей оригинальной системы, графъ клалъ солидное обезпеченіе въ видѣ мильона пудовъ бездымнаго пороха и пикриновой кислоты, хранившихся еще съ царскаго времени въ крѣпостныхъ погребахъ Русскаго Острова.

Взамѣнъ размѣнной монеты, графъ предлагалъ использовать мѣдныя солдатскія пуговицы съ двуглавымъ орломъ.

Въ заключеніе, ущемлялъ обывателя жестокимъ налоговымъ прессомъ, проэктируя распространить государственную монополію на воду, на воздухъ, на отхожія и свалочныя мѣста...

56.

Солнце стояло надъ головой и мощнымъ, расточительно буйнымъ потокомъ, швыряло въ воду червонное золото, серебро, бирюзу, яшму, яхонтъ пламенныхъ поцѣлуевъ.

Вода кипѣла точно въ котлѣ.

Мелькали женскія и мужскія фигуры, игравшія въ различныя игры, гонявшія резиновый шаръ, сплетавшіяся между собой и, съ визгомъ, отбивавшіяся отъ слишкомъ нескромныхъ объятій. Юноши, забравшись на вышку, съ криками кидались внизъ головой, подымая высокіе столбы алмазныхъ брызгъ. Устраивались особые заплывы на разстояніе и, въ этихъ случаяхъ, головы купальщиковъ и купальщицъ виднѣлись на поверхности, какъ отдѣльныя точки.

А на деревянныхъ мосткахъ, на лавкахъ, въ синей тѣни кабинокъ, грохоталъ смѣхъ, звучали крики, кипѣли жестокіе споры.

— Эвакуація будетъ!.. Макаки уйдутъ! — ругался милицейскій надзиратель Тузъ-Бубонный и таращилъ круглые, какъ у краба, глаза. — Черти проклятущіе, какъ пить дать, безпремѣнно уйдутъ!

— Не уйдутъ!

— Самимъ дороже стоитъ!

— Уйдутъ, дьяволы желтомордые! — кричалъ

Тузъ-Бубонный. — Раздраконили красныхъ и смоются!.. Чуетъ сердце, уйдутъ!

А въ другомъ углу, точно на товарной или фондовой биржѣ, шли сдѣлки, звенѣли цыфры, порой будто слышался даже хрустъ бумажекъ.

— Американскій „Вельветъ"? — предлагалъ Миронъ Абрамовичъ Воробейчикъ. — „Нѣга Шанхайская"?

— „Флора Мукденская"? — предлагалъ Теръ-Абрамьянцъ.

— Каучукъ?

— Три съ половиной за кило?

— Манчжурскій макъ? — предлагалъ Джугашвили.

— Двѣсти!

— Двѣсти пятьдесятъ!

— Триста! — покрывалъ всѣхъ графъ Тулузъ де Лотрекъ, размахивая пачкой романовскихъ ассигнацій.

— Грантъ?.. Шпонки?.. Чурки осиновыя? — предлагалъ инженеръ Лакстигалъ.

— Цементъ портландскій?

— Виски шотландскій? — предлагалъ Изидоръ Терентьевичъ Денисюкъ.

— Харбинская померанцовка? — вступивъ въ общій хоръ, кидалъ проснувшійся отецъ Мисаилъ.

— Шанго! — кричалъ Кеша Рудыхъ. — Моя продавай, твоя купи!

— Эвакуація? — ревѣлъ тучный журналистъ, Всеволодъ Никаноровичъ Ивановъ. — Кто брешетъ?.. Эвакуація — вздоръ!

— Слушайте!

— Слушайте, слушайте, что говоритъ пресса!

На минуту все смолкло.

— Вздоръ! — продолжалъ Ивановъ. — Граждане, успокойтесь!.. Никакой эвакуаціи не будетъ!.. Маіоръ Гоми лично сказалъ!.. Совершенно обратно противоположное!. Экспедиціонный корпусъ усиленъ новыми единицами!.. Предвидится походъ на Хабаровскъ!.. На Иркутскъ!.. На Омскъ!., На Москву!.. Delenda Cartago! — заключилъ журналистъ латинской цитатой и угрожающе потрясъ кулакомъ.

— Правильно! — зашумѣли сразу кругомъ.

— На Москву!.. На Москву! Въ матушку-голубушку, въ Бѣлокаменную! — сверкая острыми глазками, присѣдая въ какомъ-то экстазѣ и хлопая себя по голымъ, покрытымъ сѣдыми перьями, костлявымъ сморщеннымъ ляжкамъ, кричалъ старый графъ Тулузъ де Лотрекъ. Только крыльевъ, однихъ только крыльевъ да, пожалуй, острыхъ желѣзныхъ когтей, не хватало рыцарю темной индустріи, чтобы довершить сходство со старымъ, почуявшимъ падаль стервятникомъ.

— Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ! — произнесъ отецъ Мисаилъ.

Широко размахнувшись, какъ бы благословляя на подвигъ, онъ осѣнилъ спорщиковъ троеперстіемъ и многозначительно, отдѣляя каждый слогъ, повторилъ:

— De-len-da Car-ta-go!..

Въ воздухѣ висѣли ругательства, звенѣлъ крикъ, хохотъ, дѣвичій визгъ.

Вода кипѣла, точно въ котлѣ.

Играла стайка баклановъ... Съ жалобнымъ стономъ кружились чайки... Маячилъ парусъ шаланды, неподвижный, бѣлый, какъ птица, навѣвавшій дремоту и лѣнь...

57.

Дни бѣжали за днями.

Милочка продолжала работать въ конторѣ, за окошечкомъ съ почтовыми марками. Царевичъ бродилъ по городу, занятый сложными планами и комбинаціями, увлеченный радужными надеждами, связанными съ продажею батареи...

Въ скверѣ Невельского, примыкающемъ къ бухтѣ „Золотой Рогъ", играли въ лаунъ-теннисъ.

Нѣсколько дѣвушекъ, въ бѣлыхъ коротенькихъ юбочкахъ, обнажавшихъ голыя икры, нѣсколько молодыхъ людей, въ бѣлыхъ спортивныхъ костюмахъ съ на диво выутюженными панталонами, перекидывались мячами, съ крикомъ и смѣхомъ бѣгали по бетонированной площадкѣ, сервировали, путались въ растянутой сѣткѣ, удачнымъ ударомъ ракеты гнали мячъ въ обратную сторону.

Публика съ любопытствомъ слѣдила за зрѣлищемъ.

Царевичъ задержался на двѣ-три минуты. Вскорѣ онъ повернулъ и по длинной аллеѣ направился къ сѣрому памятнику, съ бюстомъ знаменитаго адмирала, двуглавымъ орломъ и лаконической надписью на фронтонѣ:

„Гдѣ русскій флагъ поднятъ —
Онъ не можетъ быть спущенъ!“

Вокругъ, на скамейкахъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Одни читали газеты, другіе бесѣдовали, третьи глядѣли на море, дрожавшее ослѣпительными огнями.

Царевичъ прищурился и неожиданно увидѣлъ „Черную Маску“.

Королевъ былъ въ обычномъ нарядѣ. На головѣ сидѣлъ блиномъ смятый, выгорѣвшій на солнцѣ картузъ, на плечахъ топорщилась грубая солдатская куртка. Капитанъ хмуро глядѣлъ передъ собой и сосалъ камышевый мундштукъ съ папиросой-крученкой.

— Здравствуйте, капитанъ! — произнесъ Царевичъ. — Какъ дѣла?

Онъ поздоровался и сѣлъ рядомъ.

— Какъ дѣла? — переспросилъ Королевъ. — Какъ сажа бѣла! — усмѣхнулся онъ искусственнымъ смѣхомъ, растянувъ ротъ въ кривую улыбку.

— Плохи дѣла! — продолжалъ капитанъ. — Денегъ нѣтъ!.. Ни копья!.. Придется видно въ сопки податься, къ хунхузамъ!.. Въ городѣ дѣлать нечего!.. Каюкъ!

Капитанъ замолчалъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ сосалъ мундштукъ, сплевывалъ въ сторону, глубоко затягивался дымомъ, выпускалъ его весьма искусно маленькими колечками, тотчасъ исчезавшими въ вышинѣ.

— Обратите вниманіе! — произнесъ неожиданно Королевъ и повелъ глазами. — Вонъ сидитъ Тейфель-

зонъ!.. Я его знаю!.. Я охочусь за нимъ третью недѣлю!.. Все уходитъ изъ рукъ!

Царевичъ повернулъ голову.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, развалившись въ небрежной позѣ, снявъ шляпу и подставивъ большую лысую голову солнечному огню, сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, гладко бритый, съ отвислой нижней губой. Его плотное круглое чрево, обтянутое моднымъ сукномъ, напоминало арбузъ. Ноги были обуты въ лакированные ботинки и шелковые сиреневые носки. Поверхъ жилетки была выпущена золотая цѣпочка, а на мизинцѣ сверкалъ крупный брильянтъ, по меньшей мѣрѣ въ четыре карата.

— Тейфельзонъ? — обратился Царевичъ. — Кто такой Тейфельзонъ?

Капитанъ загадочно ухмыльнулся.

— Это гусь, доложу я вамъ! — произнесъ Королевъ. — Я его знаю!.. Стоитъ примѣрно мильона три!

Королевъ пододвинулся къ Ивану Антоновичу, взялъ его за рукавъ и сказалъ:

— Послушайте, коллега!.. Почему бы намъ не обмозговать совмѣстно маленькое дѣльце?.. Одному никакъ невозможно!.. Ничего не выходитъ!.. Нуженъ абсолютно помощникъ!

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Иванъ Антоновичъ.

— Да вотъ, насчетъ этого самаго Тейфельзона! — произнесъ Королевъ и кивнулъ головой въ его сторону. — Вы его на меня наведете, а ужъ я справлюсь!.. А выручка пополамъ!

Иванъ Антоновичъ разсмѣялся:

— Вы это серьезно или шутки шутите?

— Совершенно серьезно! — съ жаромъ отвѣчалъ Королевъ. — Помилуйте?.. Бывшій чекистъ, душегубъ, едва-ли не цареубійца, въ разстрѣлѣ Колчака принималъ дѣятельное участіе!.. Вотъ каковъ кавалеръ!.. Потомъ, свиснулъ деньги, порвалъ съ партіей и улизнулъ за границу!.. Его убить мало!.. У меня руки чешутся угробить этого подлеца!

Королевъ вторично взялъ Царевича за рукавъ.

— Послушайте! — продолжалъ капитанъ. — Вотъ мой планъ!.. Вечеромъ, когда маленько стемнѣетъ, мы заходимъ въ подвалъ „Би-Ба-Бо"!.. Онъ тамъ постоянно болтается!.. Меценатомъ задѣлался!.. Кормитъ, поитъ шампанскимъ всю эту шушеру!.. Вы знакомы съ графомъ Тулузомъ, графъ знакомъ съ нимъ!.. И вотъ...

Но Иванъ Антоновичъ не сталъ слушать дальнѣйшаго развитія плана.

Онъ улыбнулся, поднялся со скамьи, протянулъ руку.

— Очень жаль! — хмуро произнесъ Королевъ. — Это было бы невредное дѣльце!.. И притомъ, весьма и весьма патріотическое!.. Очень жаль!

Царевичъ вышелъ изъ сквера.

Онъ шелъ по Свѣтланкѣ въ сосредоточенномъ настроеніи.

Да, какъ ни тяжело его положеніе, онъ все же не палъ до такой степени, какъ этотъ несчастный капитанъ Королевъ!... Больная жена, голодныя дѣти, отсутствіе всякихъ средствъ къ существованію — все это понятно!.. Но все же не даетъ еще пра-

ва стать на путь грабежа, разбоя, можетъ быть, человѣкоубійства!

Царевичъ не переоцѣнивалъ своихъ личныхъ достоинствъ.

Наоборотъ, онъ находилъ у себя немало пороковъ и недостатковъ. Онъ ясно сознавалъ свою душевную слабость, отсутствіе воли, мужества, стойкости въ упорной борьбѣ, необъяснимое легкомысліе, неожиданные капризы, срывы, порывы, скачки, цѣлую вереницу раздирающихъ противорѣчій и какую-то особую склонность идти по линіи наименьшаго сопротивленія.

Онъ слабъ, онъ чудовищно слабъ, и чтобы далеко не ходить, достаточно вспомнить хотя бы этотъ нелѣпый сонъ въ купальнѣ Комнацкаго... Пусть только сонъ, глупый, сумбурный сонъ, но въ концѣ концовъ, съ какой ужасающей легкостью онъ подчинился соблазну, съ какой неоправдываемой наивностью готовъ былъ пожертвовать своей честью?

Но до грабежа и убійства, слава Богу, онъ еще не дошелъ!..

Размышляя подобнымъ образомъ, Царевичъ очутился возлѣ собора, на минуту остановился у паперти, кинулъ нищенкѣ грошъ. Потомъ, вспомнилъ почему-то про стараго графа Тулуза, повернулся и медленными шагами сталъ подыматься наверхъ...

58.

Графъ Николай Евстафьевичъ Тулузъ де Лотрекъ жилъ въ домикѣ соборнаго дьякона, неподалеку отъ женской гимназіи.

Графъ чувствовалъ себя нездоровымъ.

Въ маленькой, жарко натопленной комнатѣ, съ походною койкой въ одномъ углу и парою стульевъ въ другомъ, графъ сидѣлъ за письменнымъ столикомъ и писалъ мемуары.

Онъ былъ въ грустномъ меланхолическомъ настроеніи. Появленіе Царевича его оживило. Онъ приподнялся на креслѣ, сдѣлавъ рукой привѣтственный жестъ и надавилъ кнопку электрическаго звонка.

— Бонжуръ, монъ колонель! — произнесъ графъ, обмѣниваясь крѣпкимъ рукопожатіемъ и предлагая Ивану Антоновичу занять мѣсто напротивъ. — Признаться, я потерялъ всѣ надежды!.. Очень радъ, очень радъ!..

„Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ сюда-съ,
Прошу покорно, здѣсь теплѣе,
Прозябли вы — согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ откроемъ поскорѣе!..“

хихикая, съ ужимками, пронизывая Царевича маленькими слезящимися глазами, продекламировалъ онъ грибоѣдовскіе стихи.

Явившаяся на зовъ служанка выслушала распоряженіе графа, прыснула и исчезла за дверью.

Вскорѣ она появилась снова, держа въ рукахъ большой подносъ, на которомъ дымился жестяной чайникъ, стояла пара стакановъ въ мельхіоровыхъ подстаканникахъ и стеклянная ваза съ мочеными яблоками.

Собесѣдники пили чай, обмѣнивались текущими новостями, вели пріятельскую бесѣду. По просьбѣ Царевича, графъ подѣлился воспоминаніями.

Это была интересная исповѣдь.

Безъ сомнѣнія, было тутъ много личной фантазіи, преувеличенія, красивой романтики. И одновременно поразительна была острая память, запасъ неистощимой энергіи, дьявольской изобрѣтательности. Эти смѣлыя комбинаціи, дерзкія похожденія, вся эта бурная жизнь среди золота, женщинъ, карточнаго азарта, прерываемая многократными заточеніями въ тюрьмахъ большинства европейскихъ столицъ и въ острогахъ Сибири.

Сынъ богатаго тверского помѣщика Сабина, Николай Евстафьевичъ, по смерти отца, былъ усыновленъ своей теткой, графиней Тулузъ де Лотрекъ. Сначала домашнее воспитаніе, потомъ слѣдуетъ короткое пребываніе въ лицеѣ, въ кавалерійскомъ училищѣ, юнкеромъ въ Конной Гвардіи, корнетомъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку.

Кутежи, карты, попойки, долги, любовныя увлеченія — графъ былъ красивъ и нравился женщи

намъ... Потомъ рядъ скандальныхъ исторій и уходъ изъ полка... А тамъ — пошло и пошло!..

Графъ разсказываетъ обо всемъ съ удивительной откровенностью, подчасъ даже съ нѣкоторымъ цинизмомъ. Законы этики ему незнакомы. Совѣсть, мораль, религіозные принципы — его не тревожатъ.

— Графъ — вы мошенникъ! — не выдерживаетъ Царевичъ.

Графъ заливается мелкимъ саркастическимъ смѣхомъ и щеголяетъ латынью:

— Хомо хомини лупусъ!.. Хе-хе-хе-хе!.. Монъ шеръ, къ дьяволу сантиментальность!

Графъ касается вскользь войны, революціи, перекидывается тотчасъ на болѣе отдаленныя воспоминанія, сыплетъ, какъ изъ мѣшка, высокопоставленными сановниками, министрами, генералъ-губернаторами, вспоминаетъ великихъ князей, артистовъ, артистокъ и демимонденокъ, литераторовъ, градоначальниковъ, именитыхъ московскихъ тузовъ, биржевыхъ дѣльцовъ, финансистовъ. Со всѣми знакомъ, со всѣми былъ видимо въ тѣсномъ общеніи.

Увлеченный воспоминаніями, графъ продолжаетъ сидѣть за столомъ, въ старомъ потертомъ креслѣ соборнаго дьякона, мѣшаетъ ложечкой въ чайномъ стаканѣ, воскрешаетъ любопытныя тѣни.

Его знакомства и интимная близость не ограничиваются русскими кругами.

Герцогъ Кобургскій былъ его посаженымъ отцомъ... Бравый генералъ Буланже — его шаферомъ... Маркиза Кастильоне де Монтебелло — была его первой женой... Сара Бернаръ — послѣдней любовницей.

Персидскій шахъ и бельгійскій король Леопольдъ, Стэнли и Стамбуловъ, Дузэ, Мопассанъ, австрійскій эрцгерцогъ Рудольфъ, Клео де Меродъ, Гамбетта и Дрейфусъ, Менеликъ, даже Бисмаркъ — всѣ, такъ или иначе, были его знакомыми, пріятелями, друзьями.

— Номъ де номъ, номъ де шьенъ!.. Бисмаркъ былъ большой негодяй!.. Изъ за него я полгода просидѣлъ въ Моабитѣ!

Коснувшись политической темы, графъ заявилъ съ прямолинейною откровенностью, что сочувствуетъ демократическимъ лозунгамъ и, по своимъ убѣжденіямъ, примыкаетъ къ умѣреннымъ соціалистическимъ партіямъ.

— Графъ, ваше отношеніе къ революціи? — спрашиваетъ Царевичъ.

Графъ на минуту задумался.

— Монъ шеръ! — произнесъ онъ съ достоинствомъ. — На этотъ вопросъ я затрудняюсь отвѣтить съ достаточной опредѣленностью... Какъ гуманистъ — я скорблю о потокахъ пролившейся крови и экономическомъ оскудѣніи родины!.. Какъ патріотъ — моему національному чувству нанесенъ жестокій ударъ!.. Но, какъ соціалистъ и философъ, — я преклоняюсь передъ совершившимся фактомъ!.. Вуаля!..

59.

Бесѣда со старымъ графомъ затянулась на цѣлый вечеръ.

Царевичу не вспомнить, конечно, всѣхъ его безчисленныхъ прегрѣшеній противъ права собственности и несгораемыхъ кассъ, дутыхъ акцій, фальшивыхъ документовъ на вводъ во владѣніе, присвоеніи чужихъ наслѣдствъ, движимостей и даже недвижимостей, фабрикацію процентныхъ бумагъ, векселей, облигацій, кредитныхъ билетовъ, и прочихъ изумительныхъ трюковъ, продѣланныхъ съ безграничною ловкостью и хладнокровіемъ.

Но не было здѣсь ни шантажа, ни вымогательства, ни кражъ со взломомъ, ни мелкаго и непосредственнаго воровства. Обо всемъ этомъ графъ отзывается съ величайшей брезгливостью и всетаки благороденъ по своему.

Заливаясь тѣмъ же саркастическимъ смѣхомъ, графъ разсказалъ о невѣроятной исторіи, едва не завершившейся восшествіемъ его на болгарскій престолъ, когда онъ разыгралъ изъ себя впервые ожидавшагося въ Софіи князя Фердинанда Кобургскаго. Пустая случайность испортила дѣло. Въ минуту даваемой кому-то аудіенціи, графъ былъ неожиданно арестованъ.

Графъ разсказываетъ о шутливой продѣлкѣ — о поднесеніи въ подарокъ испанскому королю шестерки чужихъ лошадей, за что былъ пожалованъ всемилостивымъ рескриптомъ и орденомъ. Продѣлка обнаружилась черезъ мѣсяцъ, но графъ успѣлъ улизнуть.

Графъ разсказываетъ о своей жизни у абиссинскаго негуса Менелика, объявившаго его владѣтельнымъ княземъ своего царства и обручившаго съ полудюжиной чернокожихъ принцессъ.

Разсказываетъ объ одураченныхъ имъ ювелирахъ Парижа, Лондона, Брюсселя, о довѣрчивыхъ вѣнскихъ банкирахъ, о знаменитыхъ парижскихъ кокоткахъ, о глупыхъ американскихъ туристахъ, монакскихъ крупье и англійскихъ лордахъ.

Кстати, англичанъ онъ ненавидитъ почему-то, съ какою-то болѣзненной остротой и пакостилъ имъ, чѣмъ только могъ, съ особеннымъ наслажденіемъ. Когда-то, очень давно, онъ едва не продалъ рижскій Верманскій паркъ какой-то англійской компаніи. Сейчасъ, онъ серьезно носится съ фантастическимъ планомъ завоеванія Индіи.

Вспоминая юные годы, графъ разсказалъ о своемъ участіи въ исторіи похищенія извѣстнымъ клептоманомъ, великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, брильянтовъ и другихъ драгоцѣнностей изъ иконъ дворцовой молельни своей матери, великой княгини Александры Іосифовны. Похищеніе было раскрыто градоначальникомъ Треповымъ. Графъ отдѣлался высылкой изъ Россіи. Великій князь былъ сосланъ въ Ташкентъ, гдѣ и жилъ подъ

фамиліей Искандера, вплоть до разстрѣла большевиками...

Царевичъ наблюдаетъ за Николаемъ Евстафьевичемъ, съ жадностью выслушиваетъ его любопытную исповѣдь, пытается разобраться въ этой незаурядной фигурѣ.

Въ ней нѣтъ большого ума, но бездна энергіи, ловкости, тщеславія, эгоизма и, одновременно, русскаго самодурства, легкомыслія, плутовства и какой-то особой чувствительности, свойственной многимъ авантюристамъ.

Вотъ, напримѣръ, склонившись надъ портретомъ красивой женщины, въ рѣзной серебряной рамѣ, графъ молча глядитъ на нее и неожиданно всхлипываетъ. Слеза стекаетъ по худой, сморщенной, впалой щекѣ и падаетъ на письменный столъ.

Это — его единственная дочь, проживающая въ Парижѣ.

Графъ показываетъ богатую табакерку старинной работы, украшенную монограммами и короной — подарокъ, якобы, императрицы Евгеніи... Показываетъ золотые брегетовскіе часы — подарокъ какого-то Ротшильда... Показываетъ рядъ менѣе значительныхъ сувенировъ, случайно еще сохранившихся въ его обладаніи.

Изъ чемодана графъ извлекаетъ тринадцать тетрадей въ парусиновомъ переплетѣ, лично сработанномъ за время ссылки въ Нарымскій край. Тетради заполнены мелкимъ бисернымъ почеркомъ. Это дневникъ и литературное наслѣдство графа Тулуза.

Царевичъ имѣетъ мужество выслушать длин-

ную, совершенно нецензурную повѣсть, подъ заглавіемъ:

„ЛЮБОВЬ ГРАФА".

Въ общемъ, все въ прошломъ!

Мильоны, безумная жизнь, сотни красивѣйшихъ женщинъ и годы тюремной рѣшотки.

Да, сейчасъ онъ не тотъ, этотъ классическій червонный валетъ.

Былъ конь, да изъѣздился!

— Монъ шеръ, чувствую себя отвратительно! — говоритъ старый графъ. — Ситуація никуда не годится!.. Надо ѣхать въ Америку!

— Оллъ райтъ! — отвѣчаетъ Царевичъ и задумывается.

Наступаетъ продолжительное молчаніе.

— Можете благодарить революцію! — замѣчаетъ съ усмѣшкой Иванъ Антоновичъ. — Вашу „великую", вашу „безкровную"!

Графъ вспыхиваетъ:

— Монъ шеръ, не напоминайте о ней!.. Это повергаетъ меня въ состояніе еще большей депрессіи!.. Номъ де номъ, номъ де шьенъ!.. Сэ-т-энъ кошемаръ!..

60.

Царевичъ вышелъ на улицу съ какимъ-то неопредѣленнымъ, смѣшаннымъ чувствомъ.

Бесѣда съ графомъ воскресила рой яркихъ воспоминаній изъ далекаго, безвозвратно потонувшаго прошлаго, пробудила безотчетную грусть, наполнила сознаніе размышленіями о непрочности и бренности существованія.

— Плачь, старикъ, плачь! — подумалъ Царевичъ, вспомнивъ графскія всхлипыванія надъ портретомъ дочери. — Юность глупа, любовь безразсудна, а старость жестока!

Одновременно, онъ почувствовалъ жалость къ этому больному, дряхлому, всѣми забытому старику.

— Каковы его думы въ долгія безсонныя ночи?

— Какія видѣнія проходятъ въ его воспаленномъ мозгу?

— Какъ тяжелъ, въ сущности, грузъ одинокихъ, ненужныхъ, источенныхъ временемъ дней...

Передъ глазами выплывали свѣтлыя весны, весеннія радости, вздохи и шопоты, сладкіе ароматы земли, звонкіе голоса жизни, все то, что было однажды и больше не повторится...

Между тѣмъ, уже отгорѣла заря.

Небо приняло свинцовый оттѣнокъ, который съ

каждой минутой становился гуще и какъ бы поглощалъ всѣ краски и очертанія. На военныхъ корабляхъ заиграли рожки и суда расцвѣтились топовыми огнями. Точно такіе же огоньки вспыхнули на мачтѣ Морского Штаба, поползли вверхъ, по склонамъ сопокъ, и вскорѣ весь городъ, отъ подножія до верхушекъ, уже горѣлъ моремъ желтыхъ, синихъ, зеленыхъ глазъ.

Съ противоположной стороны бухты, изъ загороднаго сада „Италія", доносились звуки вѣнскаго вальса, смѣнявшагося, время отъ времени, раскатами туша и мелодичными отрывками изъ „Орфея въ Аду". На улицахъ кипѣло ночное движеніе. Сверкали витрины и транспаранты. Съ металлическимъ звономъ проносились трамваи. Распространяя зловоніе, грохотали городскія подводы. Визжали, горланили и суетились китайцы. Изъ темныхъ воротъ выходили женщины, съ блѣдными улыбками на раскрашенныхъ лицахъ, ловили за рукава прохожихъ, стыдливо и робко шептали слова любви...

Медленною походкой Царевичъ шагалъ по панели.

Вотъ уже театръ „Золотой Рогъ", съ безсмертной гоголевской комедіей, идущей въ качествѣ очередной сезонной премьеры, съ Евтихіемъ Долинымъ въ главной роли.

Привлеченный огнями, машинально, безъ опредѣленнаго плана, Царевичъ вошелъ въ вестибюль и спустился въ подвалъ „Би-Ба-Бо".

Многочисленные посѣтители сидѣли за круглыми столиками, пили пиво, кафе-крэмъ и чай, тянули черезъ соломинки зеленые и янтарные напитки, ку-

рили, спорили о стихахъ Нины Петровской, о послѣднемъ произведенiи Бурлюка, о достоинствахъ премированной поэмы Асѣева:

„Стынь, стужа, стынь, стужа,
Стынь, стынь, стынь!
День — ужасъ, день — ужасъ,
Динь, динь, динь!
Въ ушахъ полозьевъ лисiй визгъ,
Глазамъ темно отъ синихъ искръ,
Упрямъ упряжекъ поискъ —
Летитъ собачiй поѣздъ!“

Въ углу шелъ шахматный турниръ — игра à л'авеглъ противъ тринадцати досокъ. А на эстрадѣ, декорированной гирляндами краснаго клена и хвои, украшенной разноцвѣтными лампiонами изъ тонкой японской бумаги, вихрился музыкально-вокальный дивертисментъ.

Въ длинномъ фракѣ, видимо, съ чужого плеча, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ алой бутоньеркой въ петлицѣ, бѣгалъ маленькiй бритый человѣкъ, въ качествѣ конферансье, шепелявымъ голосомъ кидалъ нѣсколько фразъ, создавая настроенiе и нѣкiй символическiй мостъ между публикой и сценой.

Первый любовникъ и теноръ украинской оперетки, Бутай-Бутаевскiй, продекламировавъ что-то изъ Тараса Шевченки, спѣлъ арiю Ленскаго:

„Што дэнь хрядущiй мнэ хотовитъ,
Его мiй взоръ понапрасну ловитъ,
Въ хлубокой тмэ таиться енъ...“

Два родныхъ брата, два близнеца — Моша и Антоша Рубинштейнъ, съ присущей экспрессіей, сыграли въ четыре руки „Патетическую симфонію". Любитель-виртуозъ, оцѣнщикъ городского ломбарда, Кай Семпроніевичъ Бурданосъ, сыгралъ соло на окаринѣ — „Эхо въ лѣсу". А потомъ, въ длинномъ до пятъ бумазейномъ платьѣ, въ крупныхъ бусахъ изъ фальшиваго янтаря, съ тугой соломенной косой, вышла на эстраду примадонна санктпетербургской императорской оперы, Гликерія Николаевна Куза-Лаперузова и, держа въ одной рукѣ веретено, а въ другой небольшое ручное зеркальце, спѣла извѣстную „Арію съ жемчугомъ".

Было шумно, просто, непринужденно...

Ровно въ полночь Царевичъ подходилъ къ дому.

Сторожа Семеновскаго Базара, напоминая свѣтлячковъ, обходили съ фонарями ряды и, время отъ времени, били въ мѣдныя доски. Въ китайской кумирнѣ мерцалъ фіолетовый огонекъ. Высокія мачты шампунокъ, нѣмыя и неподвижныя, казались заколдованнымъ лѣсомъ.

На Набережной было пустынно.

Длинный рядъ деревянныхъ строеній уходилъ въ тьму. Подъ ногами скрипѣли доски деревянной панели. А по другой сторонѣ, гдѣ-то внизу, дробясь о каменистый берегъ, просѣкаемое лунной дорогой, плескалось и шумѣло море.

Медленно поднявшись по лѣстницѣ, Иванъ Антоновичъ вошелъ въ кабинетъ и, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, стоялъ у открытаго окна. Потомъ повернулся и тихими шагами, на цыпочкахъ, раздви-

нувъ японскій коверъ на дверяхъ, направился въ сосѣднюю комнату.

Лунный свѣтъ чертилъ на стѣнѣ блѣдныя пятна.

Разметавшись на широкой кровати, обхвативъ подушку голенькими руками, Милочка крѣпко спала. Сорочка соскользнула съ плеча и обнажила маленькую, крѣпкую, слегка загорѣвшую грудь, съ розовымъ круглымъ соскомъ. Ротикъ былъ полуоткрытъ и точно ожидалъ поцѣлуя.

Царевичъ склонился надъ дѣвушкой и съ нѣжностью глядѣлъ на стройное тѣло, колеблемое ровнымъ дыханіемъ, на цѣломудренную улыбку, на нимбъ русыхъ волосъ, слегка вьющихся на щекѣ и затылкѣ.

— Спи, дѣтка! — прошепталъ Иванъ Антоновичъ, осторожнымъ движеніемъ поправляя сползшее одѣяло. Глубоко вздохнувъ, онъ взглянулъ еще разъ на дѣвушку и вышелъ изъ комнаты...

61.

Былъ еще одинъ день, странный, удивительный день, вызвавшій въ сознаніи Ивана Антоновича какія-то неопредѣленныя чувства изъ области четвертаго измѣренія, всколыхнувшій и заставившій затрепетать его больное сердце, усладившій, на короткое мгновенье, розовою надеждой, оранжевыми химерами, алыми, какъ золотой пурпуръ солнца мечтами и, черезъ какую нибудь минуту, окутавшій его снова блѣднымъ саваномъ тяжкихъ раздумій.

Въ этотъ именно день, находясь въ исключительно нервномъ и подавленномъ настроеніи, не получая отъ фактора утѣшительныхъ свѣдѣній въ отношеніи купли-продажи литерной батареи, Иванъ Антоновичъ медленно шелъ по Свѣтланкѣ, держась тѣневой стороны, избѣгая умышленно всякихъ встрѣчъ.

На пристани онъ, по обыкновенію, остановился и нѣкоторое время наблюдалъ за погрузкой океанскаго парохода. Какъ всегда скрипѣли краны, визжали лебедки, ползли съ грохотомъ тяжелыя цѣпи и якоря. Грузчики, согнувшись подъ кладью, обливаясь влажной испариной, подымались по отлогимъ трапамъ и лѣстницамъ. Дымя трубками, слѣдили за работой надсмотрщики, а маленькіе юркіе люди,

прислонясь спиною къ наполовину опорожненнымъ грузовикамъ, отмѣчали въ записныхъ книжкахъ фактуру.

Рядомъ стояла флотилія китайскихъ шампунокъ, бойкихъ, верткихъ, съ грязными парусами на бамбуковыхъ мачтахъ, съ кормовымъ весломъ, опущеннымъ въ темную маслянистую воду.

Нѣсколько далѣе, выбросившись въ заливъ, бѣлѣлъ поплавокъ, тотъ самый Шуинскій поплавокъ, на которомъ произошло знаменательное знакомство съ литературнымъ критикомъ „Утренней Почты"...

Повинуясь безотчетному чувству — это чувство можно, пожалуй, сравнить съ влеченіемъ человѣка къ мѣсту зарожденія его первой любви, одновременно, къ мѣсту совершенія преступленія — Царевичъ повернулъ налѣво и вскорѣ очутился передъ знакомыми сходнями.

Тяжелое настроеніе Ивана Антоновича искало выхода. Ощущалась потребность взвинтить себя хотя бы искусственнымъ способомъ, безразлично какимъ — зарядомъ спирта, морфія, кокаина, лишь бы почувствовать притокъ бодрости, мужества, силъ. Двѣ японскія іены и кое-какая серебряная мелочь, какъ результатъ ликвидаціи золотого перстня съ фамильнымъ гербомъ, еще хранились въ его кошелькѣ.

Иванъ Антоновичъ поднялся по сходнямъ на поплавокъ, остановился передъ буфетной стойкой и потребовалъ рюмку водки.

— Мамочка, голуба, дорогуля моя! — вспомнилось выраженіе критика, когда, поднявшись въ

уровень съ ртомъ, холодная влага сверкнула кристальной слезой передъ глазами.

Царевичъ проглотилъ водку, сладко поморщился, улыбнулся. Онъ выпилъ вторую рюмку, третью, четвертую, пятую. Онъ собирался проглотить шестую, на мгновенье повернулъ голову въ сторону моря и — замеръ...

Передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, склонившись надъ пивнымъ бокаломъ, сидѣлъ маленькій человѣкъ въ чесучевомъ костюмѣ, въ лѣтней чесучевой фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ изъ желтаго целулоида.

— Позднышовъ!

На этотъ разъ, Царевичъ подошелъ къ нему.

Нѣтъ, онъ не подошелъ, онъ кинулся къ нему съ разбѣга, точно влекомый необъяснимой силой, точно готовясь совершить гигантскій прыжокъ, сокрушивъ на пути столъ, опрокинувъ стулъ, едва не сбивъ съ ногъ лакея съ подносомъ.

— Здравствуйте! — задыхаясь крикнулъ Царевичъ.

Онъ схватилъ его за руку и жадно посмотрѣлъ въ глаза, прикрытые синими стеклами. Онъ стоялъ передъ нимъ, полный ожиданія, волненія и надеждъ, съ минуты на минуту готовый услыхать повтореніе его рѣчи, произнесенной въ купальнѣ Комнацкаго.

Но Позднышовъ молчалъ и съ удивленіемъ глядѣлъ на Ивана Антоновича.

— Я — Царевичъ! — крикнулъ „Сынъ Полка“. — Неужели вы меня не узнали?

Позднышовъ поправилъ очки, на минуту задумался и проговорилъ:

— Признаюсь, не узналъ!“.. Въ „Парадизѣ“ вы были военнымъ!.. Сейчасъ вы въ статскомъ!.. Не узналъ, откровенно говоря, не узналъ!

Царевичъ смутился.

Сонъ, призракъ, видѣніе, фатаморгана!.. Все это вѣрно!.. Все это такъ!.. Позднышовъ?.. Позднышовъ?.. Что говоритъ это имя?.. Мелкій страховой агентъ!.. Тоже вѣрно!.. Но подъ этою оболочкой несомнѣнно скрывается нѣчто иное!.. Сонъ и дѣйствительность!.. Здѣсь несомнѣнно существуетъ какая-то связь!.. Позднышовъ!.. Позднышовъ!.. Онъ разоблачитъ его... Онъ выведетъ его на чистую воду!.. Онъ заставитъ его показать свое истинное лицо!.. Сонъ и дѣйствительность... Боже мой, Боже мой, гдѣ же настоящая правда?

Царевичъ грубо уставился на сосѣда и произнесъ:

— Кто вы такой?

— Кто я такой? — переспросилъ Позднышовъ. — Я агентъ по распространенію патентованныхъ огнетушителей фирмы Гвоздецкій, Пржездецкій и Ко!

— Что вы намѣрены дѣлать?

— Что я намѣренъ дѣлать? — снова переспросилъ Позднышовъ. — Завтра я уѣзжаю въ Шанхай!.. Пахнетъ гарью!.. Пора сматывать удочки!

Какое-то странное ощущеніе, чувство разочарованія, обиды, горечи, негодованія, овладѣло Иваномъ Антоновичемъ.

Иванъ Антоновичъ поблѣднѣлъ.

— Вы лжете! — крикнулъ Царевичъ.

Позднышовъ присѣлъ на стулъ.

Его чесучовая фуражка съ козырькомъ, въ то же время, неожиданно поднялась и стала похожей на большой грибъ-боровикъ, прикурнувшій подъ сосновымъ пенькомъ. въ ожиданіи лѣтней грозы.

— Вы лжете! — въ бѣшенствѣ повторилъ Царевичъ и стукнулъ кулакомъ по столу. — А революція?.. А вселенскій пожаръ?.. А завоеваніе міра?.. Что вы пѣли мнѣ мѣсяцъ тому назадъ?

Кровь кинулась въ голову.

Отъ возбужденія и выпитаго вина передъ глазами наплывалъ странный туманъ. Стучало въ вискахъ, и человѣкъ въ чесучевомъ костюмѣ уже не казался реальностью, а принималъ формы того видѣнія, которое появилось въ купальнѣ.

Поздныщовъ поднялся со стула.

Онъ ничего не понималъ.

Тупо, съ испугомъ, съ недоумѣніемъ, онъ глядѣлъ на Царевича и дрожалъ мелкой собачьей дрожью.

Негодованіе и злоба наростали съ каждой минутой.

Ахъ, вотъ какъ?.. Мразь!.. Пигмей!.. Индивидуумъ!.. И онъ трубилъ ему гордыя, величавыя фразы о завоеваніи міра?.. Онъ заставилъ пережить его цѣлый рядъ жестокихъ минутъ?.. Онъ склонилъ его на измѣну, окунулъ съ головой въ грязь, въ бездну несмываемаго позора?.. Мразь!.. Пигмей!.. Индивидуумъ!..

Царевичъ задыхался.

— Вы негодяй! — произнесъ „Сынъ Полка“. — Вы пытались меня соблазнить!.. Ха-ха-ха!.. Вы сулили мнѣ работу тайнаго резидента!.. Ха-ха-ха!..

Вы обѣщали мнѣ тысячу англійскихъ фунтовъ!.. Ха-ха-ха!.. Вы ничтожная личность, которую я презираю!.. Вонъ отсюда!

Но Позднышовъ уже не слышалъ послѣднихъ словъ.

Пугливо озираясь, онъ выбѣжалъ изъ буфета, выскочилъ на улицу и смѣшался съ толпой.

Царевичъ упалъ на стулъ и продолжалъ хохотать пьянымъ смѣхомъ...

62.

Надежды Царевича оказались болѣе, чѣмъ преждевременными.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Попандопуло не давалъ никакого отвѣта. Вопросъ о куплѣ-продажѣ оставался неразрѣшеннымъ. Тридцать разъ бѣгалъ Рувимъ Аронович на Комаровскую улицу, на которой проживалъ грекъ, каждый день видѣлся съ Иваномъ Антоновичемъ и не могъ сказать ему ничего утѣшительнаго.

— Это несчастье! — говорилъ факторъ. — Паскудство!.. Надо ждать!

Царевичъ торопилъ, сердился, ругался.

— Я не могу больше ждать! — кричалъ Иванъ Антоновичъ. — Это разбой!

Онъ дѣлалъ самъ кое-какія попытки продать участокъ.

Онъ наводилъ справки, знакомился съ маклерами, таскалъ ихъ на гору, понижалъ цѣну, истощался въ усиліяхъ и окончательно упалъ духомъ.

Одни покупатели предпочитали бы имѣть участокъ на берегу моря, чтобы эксплоатировать въ качествѣ пляжа. Другіе желали бы купить тамъ же, въ собственное пользованіе, для постройки дачи. Но всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказывались отъ голой

вершины, вѣнчавшей городъ кучей разбитаго бетона и щебня.

Царевичъ проклиналъ свою опрометчивость, изъ-за которой не пріобрѣлъ своевременно участка на морскомъ берегу. Это было вполнѣ возможно какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца тому назадъ.

Почему эта мысль не пришла ему въ голову?

Нѣтъ, онъ зналъ, правда, лишь вскользь, со словъ того же Афанасія Ивановича, что военнослужащіе имѣютъ право на безвозмездное пріобрѣтеніе крѣпостной земли.

Но у него были тогда деньги.

Онъ собирался ѣхать въ Европу.

Участокъ не представлялъ ни малѣйшаго интереса.

О возможности продать землю онъ даже не подозрѣвалъ.

— Что дѣлать?.. Какъ быть?

Въ концѣ концовъ, развѣ не ясно, что батарею никто не купитъ?.. Этотъ несчастный еврей вводитъ его въ заблужденіе!.. Кому, въ самомъ дѣлѣ, нуженъ этотъ каменный хламъ?.. Кобелю подъ хвостъ!.. Что онъ дѣлалъ?.. Торговалъ кирпичомъ!

Не лучше ли плюнуть на эту затѣю и взять другой, болѣе подходящій участокъ, хотя бы на томъ же Русскомъ Островѣ, на чемъ такъ настаивалъ титулярный совѣтникъ Кривошапкинъ?

Чиновникъ безспорно знаетъ толкъ въ этихъ вещахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если предполагавшаяся поѣздка въ Европу сейчасъ состояться не можетъ, почему бы

не использовать съ выгодой время и не заняться сельскимъ хозяйствомъ?

Конечно, корнеплодовъ разводить онъ не станетъ.

Но если засѣять земельную площадь, напримѣръ, макомъ или, еще лучше, цѣннымъ жень-шенемъ, и снимать періодически урожай, это будетъ весьма выгоднымъ предпріятіемъ.

Можно заняться еще рыбною ловлей въ широкомъ масштабѣ — пріобрѣсти въ кредитъ сѣть гигантскихъ размѣровъ, зафрахтовать эскадру китайскихъ шампунокъ, организовать на паевыхъ началахъ товарищескую артель...

Можно, наконецъ, сдѣлать попытку разводить изюбрей и чернобурыхъ лисицъ?.. Это тоже не плохо!.. Оленьи панты и мѣхъ имѣютъ огромную цѣнность!

Царевичъ посвятилъ въ свой планъ Милочку.

Милочка, сначала скептически и даже со смѣхомъ, отнеслась къ его словамъ.

— Богъ съ вами, Иванъ Антоновичъ! — смѣялась Милочка. — Какія вы глупости несете?

Однако, по мѣрѣ того, какъ Царевичъ развивалъ свои планы, Милочка все болѣе проникалась вѣрою въ ихъ осуществленіе и, въ концѣ концовъ, согласилась.

Можетъ быть, дѣвушка не хотѣла огорчать своего друга?

Можетъ быть, онъ сумѣлъ ее убѣдить?

Такъ или иначе, Иванъ Антоновичъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію. Остановившись на немъ, онъ тотчасъ сталъ приводить его въ исполненіе.

63.

На другой день, окрыленный надеждами, Царевичъ явился въ штабъ и поднялся въ кабинетъ чиновника Кривошапкина.

Мысли его порхали вокругъ новаго плана.

Въ самомъ дѣлѣ, почему вмѣсто нездоровой сомнительной спекуляціи не стать на путь честнаго плодотворнаго производительнаго труда?

Почему не сдѣлать попытку заняться сельскимъ хозяйствомъ или какимъ нибудь выгоднымъ промысломъ, вродѣ разведенія чернобурыхъ лисицъ?

Именно, чернобурыхъ лисицъ, или песцовъ, или камчатскихъ бобровъ! Эти животныя, какъ извѣстно, размножаются съ невѣроятною быстротой... Промышленники зарабатываютъ на нихъ огромныя деньги... Они отправляютъ цѣлыя экспедиціи на Командорскіе острова, на Камчатку, къ берегамъ Ледовитаго океана... Не проще-ли завести спеціальный питомникъ и, безъ особыхъ расходовъ, безъ малѣйшаго риска, связаннаго съ полярной экспедиціей, эксплоатировать мѣховое хозяйство?

Блестящая мысль!

Любопытно знать, почему подобныя мысли приходятъ въ голову неожиданно, безъ подготовки, точно по наитію свыше?..

Царевичъ вошелъ въ кабинетъ и остановился передъ столомъ.

— Здравствуйте! — произнесъ Иванъ Антоновичъ и протянулъ руку.

— Здравія желаю! — отвѣтилъ чиновникъ Кривошапкинъ, поднялся со стула и обмѣнялся рукопожатіемъ.

— Я отказываюсь отъ батареи! — сказалъ Иванъ Антоновичъ. — Категорически!.. Довольно!.. Благодарю васъ за этотъ подарокъ! — добавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ. — Куча камня и мусора!.. Бетонъ, щебень, кирпичъ!.. Однимъ словомъ, дерьмо!.. Я полагалъ бы, что принявъ во вниманіе мой чинъ и мое положеніе, вы могли бы предложить мнѣ другое?.. Удивляюсь подобному отношенію къ военнослужащимъ, отмѣченнымъ знаками боевого отличія!

Кривошапкинъ развелъ руками.

— Что прикажете дѣлать? — произнесъ чиновникъ съ виноватой улыбкой. — На нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ!.. Вы опоздали, полковникъ!.. Какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, всѣ лучшіе участки закрѣплены!.. Къ глубокому сожалѣнію, закрѣплены!

— Очень жаль! — процѣдилъ Иванъ Антоновичъ. — Могли бы на этотъ разъ не торопиться!

Онъ нахмурился, на мтновенье умолкъ, съ дѣланною досадой взмахнулъ рукой.

— Ну, покажите? — небрежнымъ тономъ, черезъ минуту, спросилъ Царевичъ. — Что у васъ тамъ еще есть?

Чиновникъ порылся въ шкафу и развернулъ планъ.

— Извольте взглянуть? — сказалъ Кривошапкинъ. — Всѣ земельныя площади, не отмѣченныя краснымъ карандашомъ, являются свободными для эксплоатаціи!.. Такимъ образомъ, имѣется Черная Рѣчка... Отмѣнный кусочекъ!.. Вотъ маленькій клочокъ на Седанкѣ... Прекрасная дачная мѣстность!.. Вотъ, напримѣръ, Девятнадцатая Верста... Районъ съ огромною будущностью!.. Наконецъ — Русскій Островъ... Великолѣпный участокъ!.. Дѣвственная природа, изумительная растительность, благодатная почва!.. Черноземъ и суглинокъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы вамъ не взять Русскій Островъ?

Отъ избытка чувствъ, Кривошапкинъ причмокнулъ губами, потеръ одну ладонь о другую и вопросительно уставился на Ивана Антоновича.

— Воздухъ!.. Море!.. Можно жить, какъ Робинзонъ Крузо! — усмѣхнулся Царевичъ. — Не правда-ли?

Чиновникъ, въ свою очередь, улыбнулся.

— Совершенно вѣрно! — произнесъ онъ сладенькимъ тономъ. — Изволили точно сказать!.. У меня также есть тамъ участочекъ!.. Осьмнадцать квадратныхъ саженей дачной земли и сорокъ двѣ для разведенія корнеплодовъ!.. Я отмѣнно доволенъ!

Царевичъ задумался.

— Давайте Русскій Островъ! — сказалъ Иванъ Антоновичъ и сѣлъ на стулъ...

64.

Царевичъ вышелъ изъ штаба въ нѣсколько раздраженномъ состояніи.

То, на что онъ имѣлъ законное право, вылетѣло изъ его рукъ, точно канарейка изъ клѣтки. Ахъ, если бы онъ зналъ обстановку нѣсколько ранѣе, если бы онъ не былъ такъ опрометчивъ!.. Въ его карманѣ лежали бы теперь крупныя деньги. Во всякомъ случаѣ, въ переводѣ на японскій или американскій финансовый языкъ, это былъ бы весьма приличный кушъ!

Медленнымъ шагомъ, время отъ времени пріостанавливаясь передъ заборомъ и перечитывая послѣднія сводки штаба о побѣдѣ надъ красными партизанами подъ Иманомъ, Иванъ Антоновичъ дошелъ до Морской.

Навстрѣчу ему катился Рувимъ Ароновичъ.

Царевичъ досадливо усмѣхнулся:

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣ...“

Фраза застряла въ горлѣ.

Рувимъ Ароновичъ имѣлъ странно ликующій видъ.

Онъ размахивалъ руками, точно пьяница или одержимый безуміемъ, его ротъ глупо растянулся отъ одного уха до другого, котелокъ держался на самомъ затылкѣ.

Онъ подбѣжалъ къ недоумѣвавшему Царевичу и тотчасъ ухватился за пуговицу.

— Вы — мильонщикъ! — крикнулъ въ лицо Рувимъ Ароновичъ. — Фершолтенеръ копфъ!.. Вы же — мильонщикъ!

Иванъ Антоновичъ обомлѣлъ.

— Скорѣй!.. Нельзя терять ни одной минуты! — задыхаясь, продолжалъ кричать Рувимъ Ароновичъ. — Ну что вы стоите, какъ мертвый?.. Это же удивительно!.. Онъ мнѣ не вѣритъ, онъ не хочетъ, онъ не желаетъ мнѣ вѣрить!

— Въ чемъ дѣло? — все болѣе изумляясь, спросилъ Царевичъ.

— Въ чемъ дѣло?.. Что за вопросъ? — кричалъ факторъ. — Вы — мильонщикъ!.. Я вамъ говорю уже тысячу разъ!.. Попандопуло купилъ батарею!.. Три тысячи американскихъ долларовъ!.. Ха-ха-ха!.. Смотрите!.. Вотъ вамъ задатокъ!

Съ этими словами Рувимъ Ароновичъ сунулъ Царевичу зеленую бумажку въ тысячу долларовъ.

Царевичъ раскрылъ ротъ.

И въ эту минуту понялъ трагизмъ положенія.

Четверть часа тому назадъ онъ былъ еще обладателемъ этой маленькой собственности, горделиво возвышавшейся надъ городомъ, той самой литерной батареи, которой далъ поэтическое названіе „Замка Тамары". Груда жалкихъ камней, не имѣющихъ никакой цѣнности, которую онъ только что съ пре-

зрѣніемъ отъ себя отшвырнулъ, неожиданно, точно счастливый лотерейный билетъ, превращается въ драгоцѣнное золото.

— Другой камень дороже золота! — мелькнуло какъ молнія выраженіе фактора...

Какъ человѣкъ быстрыхъ рѣшеній, въ одно мгновенье, Царевичъ составилъ планъ.

Въ слѣдующее мгновенье, уже приводилъ планъ въ исполненіе.

Точно ужаленный, онъ отскочилъ отъ Рувима Ароновича, словно тайфунъ или орканъ пролетѣлъ сотню шаговъ, ворвался въ помѣщеніе штаба, взбѣжалъ наверхъ. Ударомъ ноги открылъ дверь въ отдѣлъ „крѣпостныхъ земельныхъ участковъ“ и остановился передъ столомъ Кривошапкина.

— Пардонъ! — произнесъ „Сынъ Полка“, задыхаясь и переводя духъ. — Я погорячился!.. Я мѣняю свое рѣшеніе!.. Я беру назадъ батарею!

Кривошапкинъ развелъ руками.

— Къ сожалѣнію, удовлетворить вашу просьбу я не могу! — отвѣтилъ чиновникъ.

— То есть, какъ не могу? — вспыхнулъ Иванъ Антоновичъ. — Вы понимаете, я беру свою батарею обратно.

Чиновникъ снова развелъ руками:

— При всемъ желаніи, ничего сдѣлать нельзя.

— То есть, какъ такъ нельзя?.. Моя батарея?.. Позвольте?. Съ ума сойти?.. Ничего не понимаю?

— Вы сейчасъ все поймете, полковникъ!.. — сказалъ титулярный совѣтникъ Кривошапкинъ. — Полчаса тому назадъ, литерная батарея Б была вашей!.. Это точно!.. Сейчасъ она передана въ арендное поль-

зованіе срокомъ на девяносто девять лѣтъ отставному капитану Кандыбѣ!.. Вотъ отмѣтка въ крѣпостной книгѣ, если угодно взглянуть!.. Вотъ его собственноручная росписка!

Иванъ Антоновичъ похолодѣлъ.

Къ горлу подползала одновременно липкая неприятная теплота.

Но какъ человѣкъ быстрыхъ рѣшеній, Иванъ Антоновичъ уже составлялъ новый планъ.

Въ слѣдующее мгновенье, уже приводилъ его въ исполненіе.

Выбѣжавъ, какъ полуумный изъ кабинета, онъ скатился съ лѣстницы, выскочилъ въ парадныя двери и очутился на улицѣ. Онъ тотчасъ увидѣлъ передъ собой блѣдное, искаженное ужасомъ лицо Рувима Ароновича.

Но онъ увидѣлъ и нѣчто другое.

Въ полуверстѣ разстоянія, ковыляющею старческою походкой, по направленію къ Эгершельду, удалялся Кандыба...

65.

Царевичъ нагналъ его въ четыре прыжка.

— Здравствуйте, капитанъ! — произнесъ „Сынъ Полка“, переводя духъ отъ быстраго бѣга и пожимая капитанскую руку. — Очень радъ съ вами встрѣтиться!.. Какъ ваше здоровье?

Отставной капитанъ съ изумленіемъ взглянулъ на Ивана Антоновича.

— Покорно благодарю! — сказалъ старикъ. — День да ночь — сутки прочь!.. Вотъ наша жизнь, что подѣлаешь!

Царевичъ почувствовалъ припадокъ невѣроятнаго гнѣва.

Онъ съ наслажденіемъ схватилъ бы сейчасъ капитана за горло, задушилъ собственными руками, овладѣлъ бы документами, а трупъ выбросилъ въ море. Жалкій старикъ ловко воспользовался его минутною слабостью, его отказомъ на принадлежавшій участокъ!

Почему старикъ не заболѣлъ вчера острымъ ревматизмомъ или подагрой или расширеніемъ сердечной аорты?.. Почему, наконецъ, онъ не умеръ три дня тому назадъ отъ склероза, невроза, перикардита, перитонита или грудной жабы?.. Ему пора умирать!.. Рѣшительно пора умирать!.. Нѣтъ, онъ не умеръ, не

заболѣлъ, а какъ нарочно ожидалъ того часа, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ, батарея освободится!.. Онъ навѣрно не спалъ цѣлыя ночи, слѣдилъ, дежурилъ въ крѣпостномъ штабѣ!..

Негодяй!..

„Сынъ Полка“ взялъ себя въ руки и сочувственно взглянулъ на Кандыбу.

— Я слышалъ, вы пріобрѣли батарею? — спросилъ Царевичъ. — По этому случаю, я хотѣлъ бы съ вами поговорить!.. Уступите мнѣ батарею!

Кандыба вторично воззрился.

— На какомъ основаніи? — спросилъ отставной капитанъ и лукаво прищурилъ маленькіе слезящіеся глаза. — Участокъ является моей собственностью!.. Онъ закрѣпленъ за мной на девяносто девять лѣтъ!.. Я буду разводить голубей!

— Но, позвольте? — вспыхнулъ Царевичъ. — Почему вы хотите разводить голубей именно на этомъ участкѣ?.. Почему именно понравилась вамъ батарея?.. Тамъ камни, песокъ и прочая гадость!.. Не понимаю! Какъ будто нѣтъ болѣе подходящаго мѣста!.. Чудакъ!.. Участокъ находится въ чертѣ города!.. Вашихъ голубей будутъ воровать на жаркое!.. Вы не оберетесь непріятностей и обидъ!.. Мнѣ жалко васъ!.. Я хочу вамъ добра!.. Честное слово, я хочу вамъ добра!

Кандыба недовѣрчиво покосился.

— Покорно благодарю! — сказалъ старикъ. — Можетъ быть, вы и правы, да ужъ мѣсто мнѣ больно понравилось!.. Красота неописанная, одинъ видъ чего стоитъ!.. Нѣтъ, участка я не могу уступить!.. Простите!.. Вотъ черезъ девяносто девять лѣтъ,

пожалуйста!.. Я уже вѣроятно умру!.. Мнѣ тогда все одно, кто будетъ владѣть!.. Я холостой!.. Наслѣдниковъ у меня нѣтъ!.. Если желаете, я даже могу васъ сдѣлать наслѣдникомъ!

Царевичъ кипѣлъ отъ бѣшенства.

Ему дорога каждая минута, каждая секунда.... Глупый старикъ болтаетъ ему всякій вздоръ... Онъ издѣвается... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, способенъ, кажется, стоять на своемъ... Что дѣлать, если старикъ не пойдетъ на уступки?

— Слушайте! — сказалъ „Сынъ Полка“ какъ можно болѣе спокойнымъ тономъ. — Для вашихъ голубей мы отыщемъ другое мѣсто!.. Русскій Островъ!.. Какъ вамъ понравится?.. Воздухъ!.. Море кругомъ!.. Тишина!.. Будете жить, какъ Робинзонъ Крузо!.. Умирать не надо!

— Покорно благодарю! — отвѣтилъ Кандыба. — Это вѣрно!.. Нѣтъ, я лучше все-таки останусь на батареѣ! — произнесъ онъ со вздохомъ.

— Да поймите же! — крикнулъ Иванъ Антоновичъ съ такой силой, что старикъ даже присѣлъ. — Я дѣло говорю, а вы не хотите меня понять!.. Не валяйте мнѣ дурака!.. Вопросъ идетъ о жизни или смерти!.. На карту поставлены интересы отечества!.. Понимаете?.. Тьфу!

— Интересы отечества? — протянулъ Кандыба, и на минуту задумался. — Да, теперь я понимаю! Значитъ, опять будете ставить пушки?

— Ну, конечно! — воскликнулъ Царевичъ и сразу почувствовалъ облегченіе. — Неужели вы не догадались до сихъ поръ?.. Получено секретное предписаніе!.. Вы понимаете — тайна!.. Военная тайна!..

Никто ничего не долженъ знать!.. Я довѣряю вамъ, какъ военному!.. Ни слова больше!

— Значитъ, опять пушки? — повторилъ тихо Кандыба и снова задумался. — Жаль!.. Славное мѣстечко!.. А все-таки участка я уступить не могу!.. Простите!

Еще минута и „Сынъ Полка“ готовъ былъ вцѣпиться въ горло. Онъ рѣшилъ пойти на послѣднее средство.

— Слушайте! — произнесъ онъ торжественнымъ голосомъ. — Ваши интересы будутъ соблюдены!.. Какъ пострадавшій, вы получите компенсацію!.. Вы получите отступное!.. Мы даемъ вамъ сто іенъ!

Кандыба, при этихъ словахъ, навострилъ уши.

— Сто іенъ? — сказалъ онъ. — Ну, это другое дѣло!.. Сто іенъ? — повторилъ тихо старикъ и снова задумался. — Это мало!.. Дайте сто пятьдесятъ!

— Давайте росписку!

Черезъ десять минутъ сдѣлка была совершена.

Мелкой рысцой, утирая обильно катившійся потъ, „Сынъ Полка“ возвращался по направленію къ штабу.

— Тьфу! — выругался Царевичъ. — Упарилъ, проклятый старикъ!

Было жалко, конечно, затраченныхъ іенъ.

Но, въ частномъ и въ цѣломъ, все вышло великолѣпно...

66.

Трубите трубы, звените кимвалы, гремите фанфары побѣды!

Царевичъ, въ третій разъ, почувствовалъ себя спасеннымъ.

Въ его распоряженіи, вотъ здѣсь, въ лѣвомъ пиджачномъ карманѣ, на самомъ сердцѣ, лежитъ тысяча американскихъ долларовъ, настоящихъ полноцѣнныхъ долларовъ, въ видѣ удлиненной бумажки, съ волокнистыми жилками по зеленоватому полю, съ портретомъ покойнаго президента Авраама Линкольна, въ медальонѣ.

Это реальныя деньги, а не та мифическая тысяча англійскихъ фунтовъ, которая приснилась ему въ нелѣпомъ сумбурномъ снѣ, лѣтомъ, въ купальнѣ Комнацкаго!

Сегодня же или завтра грекъ Попандопуло вручитъ ему остальныя двѣ тысячи. Съ этими деньгами онъ снова является хозяиномъ положенія. Онъ немедленно покинетъ этотъ проклятый городъ и уѣдетъ въ Европу.

Весь міръ будетъ лежать у его ногъ!..

Двадцать процентовъ отъ общей суммы, согласно условія, онъ отдастъ Рувиму Ароновичу.

Еврей заслужилъ вполнѣ эту награду.

Милый, симпатичный, порядочный человѣкъ!..

Царевичъ вернулся домой и сразу прошелъ въ комнату Милочки. Онъ схватилъ Милочку въ объятія и закружилъ по комнатѣ. Онъ хохоталъ дикимъ звѣринымъ смѣхомъ, вальсировалъ и, въ тактъ, шлепалъ дѣвушку по крутымъ ягодицамъ и бедрамъ.

— Ну, что это вы, Иванъ Антоновичъ! — смѣялась, въ свою очередь, Милочка, пытаясь освободиться. — Ну, какъ вамъ, право, не стыдно!.. Въ самомъ дѣлѣ!

Царевичъ упалъ на стулъ, посадилъ Милочку на колѣни, расцѣловалъ обѣ родинки и подѣлился своимъ счастьемъ.

Онъ извлекъ изъ кармана тысячедолларовый билетъ, взмахнулъ имъ по воздуху и поднесъ къ глазамъ Милочки.

— Милица Михайловна! — задыхаясь отъ притока волнующихъ чувствъ, прошепталъ „Сынъ Полка". — Мы спасены!.. Наша взяла!.. Гвардія умираетъ, но не сдается!

Дѣвушка съ изумленіемъ взглянула на деньги, въ ея синихъ широко раскрытыхъ глазахъ отразилась улыбка, нѣсколько исхудавшія щечки вспыхнули нѣжнымъ румянцемъ.

— Уррра! — крикнулъ Царевичъ, сорвавшись со стула, взмахнувъ билетомъ и закружившись снова по комнатѣ. — Къ чорту лисицы!.. Къ чорту макъ, жень-шень, Русскій Островъ!.. Попандопуло купилъ батарею!

Въ короткихъ словахъ, перебивая себя и перескакивая съ фразы на фразу, Царевичъ передалъ дѣвушкѣ новый планъ. Въ сущности, планъ былъ не

новый, но только сейчасъ, при наличіи крупной денежной суммы, онъ стоитъ на самомъ порогѣ осуществленія.

Предполагавшаяся и столь жадно лелѣемая поѣздка въ Европу является вопросомъ всего нѣсколькихъ дней. Французскій пароходъ „Отецъ Побѣды — Жоржъ Клемансо“, правда, уже отбылъ по назначенію и, такимъ образомъ, прямое безпересадочное сообщеніе отпадаетъ. Но къ услугамъ будущихъ пассажировъ имѣется цѣлый рядъ другихъ судовъ, японскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, на которыхъ есть возможность добраться до Нагасаки или Шанхая.

Въ одномъ изъ послѣднихъ портовъ необходимо будетъ сдѣлать короткую остановку, выждать прибытія подходящаго парохода и, на этотъ разъ, въ двумѣстной каютѣ, съ табльдотомъ перваго класса, безъ спѣшки, безъ суеты, съ полнымъ комфортомъ, знакомясь попутно съ красотами экзотическаго ландшафта, совершить кругосвѣтную морскую прогулку.

Политическая обстановка требуетъ принятія рѣшительныхъ мѣръ, безъ малѣйшаго промедленія. Служба въ почтовой конторѣ ликвидируется въ кратчайшій срокъ. На дорожные сборы предоставляется одна недѣля.

Теперь остается только позаботиться о документахъ, другими словами, *о* паспортѣ и визахъ.

Съ раскраснѣвшимся личикомъ, захваченная врасплохъ неожиданнымъ событіемъ и категорическимъ рѣшеніемъ своего друга, Милочка подчинилась ему безъ малѣйшаго возраженія...

„Безпечный другъ, откуда ты принесъ
Къ окну вспотѣвшему кипучее веселье?
Я помню, съ вечера, у дымчатыхъ березъ,
Ты солнечной кружился каруселью.
И въ желтомъ трепетѣ оборванной листвы,
Тебѣ шептали ласковые клены,
О томъ, что гдѣ-то, гдѣ-то у Москвы,
Поля одѣлись въ снѣжныя попоны...“

67.

Паспортъ Земскаго Края, разумѣется, не годился. Власть трещитъ по всѣмъ швамъ и вскорѣ разсыпется. Царевичъ совершенно не довѣряетъ побѣднымъ реляціямъ штаба. Онъ знаетъ, что съ эвакуаціей японскаго экспедиціоннаго корпуса, Приморскій Край будетъ захваченъ большевиками.

Царевичъ остановился на англійскомъ подданствѣ.

Ему улыбалась мысль стать гражданиномъ великаго государства, на гордомъ гербѣ котораго красуется символъ мощи и славы — британскій левъ и единорогъ. Англійскія владѣнія раскинуты по всему свѣту. Англійское имя пользуется почетомъ и уваженіемъ.

. Но планъ рухнулъ въ одно мгновенье.

Послѣ разговора съ секретаремъ англійскаго консула, Иванъ Антоновичъ вышелъ изъ кабинета униженнымъ и раздавленнымъ.

Царевичъ рѣшилъ принять французское подданство.

Когда-то онъ былъ вѣрнымъ союзникомъ, проливавшимъ, во имя великихъ идей демократіи, свою монархическую русскую кровь.

Свобода, равенство, братство!

Не онъ ли ковалъ на восточно-прусскихъ и галиційскихъ поляхъ мечъ громоносной побѣды?.. Не ему ли обязана, въ частности, храбрая французская армія разгромомъ нѣмцевъ подъ Марной?.. Конечно, онъ единица, но одна изъ тѣхъ единицъ, которыя, въ общей сложности, увѣнчали французовъ тріумфомъ.

Но и этотъ планъ повисъ въ воздухѣ.

Послѣ бесѣды съ самимъ французскимъ консуломъ, Царевичъ вышелъ изъ кабинета съ высоко поднятой головой, но съ горькой усмѣшкой.

Онъ перемѣнилъ еще нѣсколько націй, побывалъ у чеховъ, финновъ, поляковъ, эстонцевъ, литовцевъ и латышей. Всюду встрѣчалъ предупредительный, очень корректный и любезный отказъ.

Тогда Иванъ Антоновичъ рѣшилъ сдѣлаться украинцемъ.

Его корни принадлежатъ Малороссіи. Свое дѣтство и юность онъ провелъ на Волыни. Малороссія ему нравится. Все тамъ прекрасно — черноземъ, дѣвушки, воздухъ:

„Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются гище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ?...“

Это не бѣда, что существуетъ какое-то УСР, крайне неблагозвучное красное правительство, со столицею въ городѣ Харьковѣ. Кромѣ него существуетъ другое, законное украинское правительство, засѣдающее въ настоящую минуту въ Парижѣ. Оно имѣетъ свой собственный національный флагъ и

гербъ. Его представители и посланцы аккредитованы по всему міру...

Съ такими приблизительно мыслями, Иванъ Антоновичъ приближался къ Гнилому Углу.

Украинское консульство помѣщалось въ небольшомъ домикѣ съ мезониномъ, посреди вишневаго сада. На крышѣ весело трепыхался двуцвѣтный желто-блакитный прапоръ.

Секретарь консульства, симпатичный брюнетъ, въ національномъ костюмѣ, состоявшемъ изъ голубыхъ шароваръ и желтой, вышитой пѣтушками рубахи, принялъ его съ отмѣнной любезностью и даже угостилъ запеканкой.

— Микола Бугай-Бугаевскій! — произнесъ онъ послѣ перваго обмѣна привѣтствіями. — Сядайте добродій!.. Будьте ласкавы!.. Я вмѣсто пана консула!.. Выконуючій обовязки!.. Исполняющій обязанности! — перевелъ онъ на русскій языкъ.

Въ краткихъ словахъ Царевичъ изложилъ свою просьбу.

— Такъ! — замѣтилъ Бугай-Бугаевскій. — Это можно сдѣлать въ два счета!.. Разъ и два!.. Это будетъ коштовать пять японскихъ карбованцевъ!.. Приходите завтра!.. Паспортъ будетъ готовъ!

Царевичъ задумался.

— Пардонъ! — произнесъ онъ черезъ минуту. — Это еще не все!.. У меня есть жена!.. Собственно не жена, а какъ бы жена!.. Вы понимаете?.. Не было времени обвѣнчаться!... Политическая обстановка!.. И то, и другое, и прочее, и тому подобное, какъ говорится!

— Ахъ, какой вздоръ! — сказалъ Бугай-Бугаев-

скій. — Для насъ это не имѣетъ никакого значенія!.. Мы внесемъ ее въ паспортъ въ качествѣ законной супруги!.. Но это будетъ коштовать пять японскихъ карбованцевъ дополнительно!

Царевичъ совсѣмъ повеселѣлъ.

— Еще одна просьба! — произнесъ онъ. — Какъ бы это сказать?.. Вы человѣкъ интеллигентный!.. Ну, однимъ словомъ, я хотѣлъ бы быть графомъ! — здѣсь Иванъ Антоновичъ на мгновенье замялся. — Вы понимаете?.. Заграница?.. Престижъ?.. Представительство?.. И то, и другое, и прочее, и тому подобное!

Бугай-Бугаевскій снисходительно улыбнулся.

— Сдѣлайте одолженіе! — сказалъ „выконуючій обовязки“. — Когда я служилъ въ украинской опереткѣ... виноватъ, когда я былъ атташе при персидскомъ посольствѣ, у насъ тоже былъ одинъ графъ... Но это будетъ коштовать десять карбованцевъ... Это экстра!

— Охотно! — произнесъ совершенно расчувствовавшійся Иванъ Антоновичъ и вынулъ изъ кармана бумажникъ. — Вотъ вамъ двадцать пять іенъ!.. Двадцать возьмете за паспортъ, а пять я бы желалъ пожертвовать въ фондъ украинскихъ военноплѣнныхъ!.. Что же касается имени и фамиліи, то просилъ бы написать такъ...

„Сынъ Полка“ взглянулъ на потолокъ и задумался.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ обдумывалъ свой титулъ и тихо шепталъ:

— Графъ Безбородко-Царевичъ!.. Графъ Ра-

зумовскій-Царевичъ!.. Графъ Скоропадскій-Царевичъ!...

— Готово! — воскликнулъ, наконецъ, „Сынъ Полка".—Вы будете ласкавы написать въ паспортѣ:

— Графъ Дорошенко-Царевичъ Сихота-Алинъ!

Бугай-Бугаевскій, въ знакъ согласія, наклонилъ голову.

— Добре! — сказалъ секретарь. — Приходите завтра!..

68.

Лазарь Сократовичъ Попандопуло не приносилъ денегъ.

Прошло еще три дня, но грекъ не являлся. Не понимая причины, Царевичъ сходилъ на Комаровскую улицу.

Тучный грекъ принялъ его съ любезностью, тутъ же оформилъ окончательно сдѣлку, угостилъ бутылкой вина, обѣщалъ уплатить всю сумму въ ближайшіе дни.

Когда черезъ недѣлю Царевичъ явился вторично, грека не было дома. Квартира была въ порядкѣ. Вещи были на мѣстѣ. По свѣдѣніямъ, Попандопуло выѣхалъ на время въ Харбинъ...

Между тѣмъ, дни текли.

Уже проскочилъ тихій сентябрь. Въ городскомъ скверѣ, точно имперіалы старой царской чеканки или золотыя гинеи, горѣла на солнцѣ листва липъ, вязовъ, каштановъ. На дорожкахъ лежали лапки краснаго клена. Сквозь порѣдѣвшую паутину дубковъ глядѣло чистое холодное небо.

„Осень ньменами мыла мили,
Облако лукавое блукало,
Рощи герноругье заломили,
Вдалекь заслушавшись звукала...“

Море тоже перемѣнило свой ликъ. Вода стала сѣрой, зеленой, непривлекательной. Вмѣсто зеркальной поверхности катились хмурыя свинцовыя волны. Порой онѣ покрывались снѣжною пѣной и корабли покачивались на якоряхъ.

И уже не звучалъ въ купальнѣ Комнацкаго веселый дѣвичій смѣхъ. Только ловцы трепанговъ, широкоскулые, сухіе, точно изъ желѣза выбитые корейцы, ныряли въ студеной водѣ залива и перекликались тягучими свистами:

— Фіу-фіу!..

Городъ мало перемѣнился.

Люди хотя и смѣнили одежды на песцовыя шубки, на соболь, на куній мѣхъ, на камчатскій боберъ, а веселыя свѣтланскія барышни щеголяли даже въ оленьихъ кухлянкахъ, разукрашенныхъ на подолѣ и на рукавахъ красивыми цвѣтными вставками, общій видъ города остался тотъ же.

Такъ же грохотали трамваи, такъ же сверкали огни витринъ и свѣтовыя рекламы. Жизнь кипѣла, пульсировала, дрожала, казалось, даже еще сильнѣе. Какъ одержимые горячечнымъ бредомъ, кричали и бѣгали свѣтланскіе спекулянты, биржевые и торговые маклера, еще громче горланили китайскіе торгаши, звенѣли рубли, іены, доллары и шелестѣли бумажки.

Городъ напоминалъ растревоженный муравейникъ.

Можетъ быть, это были послѣднія судороги, пиръ во время чумы, предсмертная агонія какого-то коллективнаго тысячеглазаго чудовища?

„Солнце шлялось цѣлый день безъ дѣла.
Было-ль солнца что свѣтлѣй и краше?
А сейчасъ — скулой едва прордѣло,
И закатъ покрылся въ красный кашель...“

Японская эвакуація стала совершившимся фактомъ.

Къ городу стягивались войска и маленькіе люди, въ свѣтло-зеленомъ хаки, въ полномъ вооруженіи, грузились на японскіе транспорты, для отправки морскимъ путемъ на родину.

Генералъ Тачибана со штабомъ экспедиціоннаго корпуса уже сидѣлъ на „Кассугѣ“. Бухта была полна иностранныхъ судовъ — японскихъ, англійскихъ, американскихъ, коммерческихъ и военныхъ, совершавшихъ послѣдній рейсъ. Четыре сѣрыхъ четырехтрубныхъ миноносца, съ японскими флагами на кормѣ, стояли съ наведенными пушками и поддерживали порядокъ.

Гдѣ-то еще дрались, гдѣ-то еще были преграды, препятствовавшія красному потоку хлынуть къ подступамъ приморской столицы.

Но все печальнѣй становились штабныя сводки и все ближе отступали каппелевскія войска.

Городъ переживалъ послѣдніе дни...

„Синій глазъ бездоннаго залива
Впился въ небо полумертвымъ взглядомъ,
Сивый берегъ, усмѣхнувшись криво,
Съ нимъ улегся неподвижно рядомъ...“

69.

Капитанъ Афанасій Ивановичъ Моркотунъ, уже недѣлю тому назадъ вернувшійся съ обитателями „Пѣтушиной Ночлежки“, послѣ неудачнаго боя подъ Спасскомъ, находился въ затруднительномъ положеніи.

Онъ не строилъ себѣ иллюзій.

Трезвымъ, практичнымъ умомъ онъ оцѣнилъ обстановку. Онъ не сомнѣвался теперь, что вслѣдъ за японской эвакуаціей, слабые добровольческіе отряды не выдержатъ натиска красныхъ силъ и будутъ вынуждены отдать городъ въ руки врага.

Красный потокъ захлестнетъ городъ и край, этотъ послѣдній клочокъ русской земли, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, точно островокъ посреди моря, еще возвышавшійся надъ взбаламученною поверхностью.

Никто не станетъ на его защиту.

Онъ будетъ предоставленъ своей трагической участи и раздѣлитъ судьбу всей Россіи.

Что дѣлать, какъ быть?..

Капитанъ Моркотунъ отдавалъ ясный отчетъ въ томъ, что съ приходомъ большевиковъ, его пѣсенка будетъ окончательно спѣта. Никогда и ни при какихъ условіяхъ онъ не унизится до какого-нибудь

компромисса, до какой-нибудь сдѣлки съ ненавистною властью и совмѣстной работы во славу міровой революціи.

Какъ инвалидъ великой войны, онъ можетъ, пожалуй, разсчитывать на извѣстное снисхожденіе, если только его прежняя дѣятельность въ рядахъ бѣлыхъ войскъ не будетъ разоблачена. Въ послѣднемъ случаѣ его ожидаетъ несомнѣнная гибель — арестъ, пытки, смерть въ мрачномъ застѣнкѣ или же, такъ называемая „высшая мѣра", быстрый выводъ въ расходъ, по приговору революціоннаго трибунала, черезъ разстрѣлъ.

Жизнь потеряла для него прежнюю цѣнность. Калѣка и больной человѣкъ, онъ не имѣлъ основаній цѣпляться за постылые дни.

Однако, мысль о безславной сдачѣ, безъ сопротивленія, на милость врага, приводила его въ содроганіе. Какъ старый солдатъ, онъ не могъ примириться съ этимъ рѣшеніемъ. Онъ готовъ пасть, но не иначе, какъ въ бою, съ оружіемъ въ рукахъ, продавъ за дорогую цѣну свою жизнь.

Былъ еще рядъ причинъ, по которымъ капитанъ Моркотунъ не считалъ возможнымъ войти въ сдѣлку съ совѣстью.

Съ другой стороны, ему было чрезвычайно обидно разстаться со своимъ теплымъ гнѣздомъ, съ маленькимъ домашнимъ хозяйствомъ, съ огородомъ, взлелѣяннымъ трудовыми мозолистыми руками, со всѣмъ тѣмъ, что привыкъ считать неотъемлемой собственностью и на которой предполагалъ провести остатокъ отмежеванныхъ дней.

Послѣ тяжелаго мучительнаго раздумья, капитанъ Моркотунъ пришелъ къ опредѣленному выводу.

А именно, бросить все свое достояніе, уйти отъ большевиковъ, послѣ чего, передохнувъ и собравшись съ новыми силами, повести съ ними борьбу, на жизнь или на смерть, до послѣдняго рѣшительнаго конца.

Это было единственное, по его мнѣнію, правильное рѣшеніе.

Не взирая на нѣкоторую, можетъ быть, шершавость характера, капитанъ Афанасій Ивановичъ Моркотунъ обладалъ безцѣннымъ качествомъ.

Онъ вѣрилъ въ свое правое дѣло.

Онъ вѣрилъ въ побѣду.

Онъ вѣрилъ въ будущую Россію!..

70.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, капитанъ Моркотунъ обдумывалъ планъ и попутно дѣлалъ необходимыя приготовленія.

Прежде всего онъ подалъ рапортъ объ освобожденіи его отъ должности эконома офицерской столовой. Во-вторыхъ, купилъ на послѣднія деньги запасъ табаку, компасъ и теплую нансеновскую фуфайку изъ верблюжьей шерсти, а изъ интендантскаго склада раздобылъ новые крѣпкіе башмаки. Наконецъ, вынувъ изъ кожанаго чехла „Пульхерію Ивановну“, въ теченіе цѣлаго вечера разбиралъ ее на составныя части и тщательно смазалъ костянымъ саломъ.

Когда приготовленія были болѣе или менѣе закончены, Афанасій Ивановичъ рѣшилъ провѣдать Царевича...

Онъ засталъ его на квартирѣ, комфортабельно расположившимся въ креслѣ-качалкѣ, погруженнымъ въ чтеніе „Прогулки по Востоку“, Пьера Лоти.

Милочка отсутствовала.

Появленіе Афанасія Ивановича было нѣсколько неожиданнымъ. Друзья не встрѣчались уже болѣе мѣсяца и въ отношеніяхъ между ними наблюдался маленькій холодокъ.

Царевичъ поднялся съ качалки, протянулъ руку, предложилъ сѣсть.

— Можетъ быть, хочешь чаю? — спросилъ Иванъ Антоновичъ. — Съ ромкомъ, съ коньячкомъ... Половина на половину!.. Настоящій, штабъ-офицерскій!

Не ожидая отвѣта, Иванъ Антоновичъ выскочилъ въ коридоръ, захлопоталъ и черезъ минуту вернулся.

— Вотъ какое дѣло! — заявилъ капитанъ. — Макаки уходятъ!.. Черезъ недѣлю здѣсь будутъ большевики!.. Хочешь поступить въ мой отрядъ?

Иванъ Антоновичъ разсмѣялся.

Черезъ мгновенье губы его сложились въ кислую пренебрежительную улыбку.

— Покорнѣйше благодарю! — произнесъ Царевичъ. — Опять за единую-недѣлимую?.. Нѣтъ, братишка, хватитъ съ меня!.. Довольно!.. Сикъ транзитъ глоріа мунди!

Афанасій Ивановичъ нахмурился.

— Я безпартійный!.. — продолжалъ Царевичъ. — Кромѣ того, у меня женщина!.. Кромѣ того, я уѣзжаю въ Европу!

Афанасій Ивановичъ прищурилъ глаза.

— Эхъ, ваше высочество! — сказалъ капитанъ. — Не ладно выходитъ все это, не ладно!.. А я, признаться, на тебя крѣпко разсчитывалъ!.. Думалъ, не сдашь, вспомнишь старое, постоишь до конца?

Царевичъ развелъ руками.

— Подумай хорошо? — продолжалъ капитанъ. — Дѣло не шуточное!.. Силы скопляются!.. Дай

срокъ, сметемъ снова красную нечисть!.. Побѣда будетъ за нами!.. Спасемъ Россію!

Царевичъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Афанасій, не уговаривай! — произнесъ Иванъ Антоновичъ. — Все равно ни къ чему!.. Рѣшено и подписано!.. Я уѣзжаю въ Европу!

Наступило продолжительное молчаніе.

— Кстати, вотъ что! — обратился Иванъ Антоновичъ. — Можетъ быть, тебѣ нужны деньги?.. Много дать не могу, а такъ, сотню-другую, охотно!.. Бери!.. Даю отъ чистаго сердца!

— Спасибо! — отвѣчалъ капитанъ. — Денегъ не надо!

Друзья пили чай и продолжали бесѣдовать.

Афанасій Ивановичъ посвятилъ Царевича въ свои предположенія. Иванъ Антоновичъ, въ свою очередь, подѣлился своими планами, предстоящимъ морскимъ путешествіемъ, мечтами о будущей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщалъ войти въ связь съ политическими и военными, національно настроенными, центрами эмиграціи, дать имъ точную информацію, заинтересовать иностранцевъ, склонить ихъ, буде возможно, къ активному выступленію противъ СССР.

— Я буду говорить съ Пуанкаре! — замѣтилъ Иванъ Антоновичъ. — Въ Лондонѣ я поговорю съ Чемберленомъ!.. Кромѣ того, напишу датскому королю и Виктору-Эммануэлю!.. Даю тебѣ честное слово!

Афанасій Ивановичъ рѣзко взмахнулъ рукой.

— Вздоръ! — проговорилъ капитанъ. — Иностранецъ намъ не поможетъ!.. Вся сила въ насъ!.. Мы сами спасемъ Россію!

Пріятели обнялись и горячо расцѣловались, трижды, по старому обычаю, прикоснувшись къ щекѣ.

— Прощай, ваше высочество! — сказалъ Афанасій Ивановичъ. — Не поминай лихомъ!

— Прощай! — произнесъ Царевичъ...

71.

Сборы къ отъѣзду подходили къ концу.

Чемоданы уложены, лишнія вещи распроданы, и двѣ небольшія комнаты, въ бѣломъ домѣ на Набережной, приняли сразу какой-то странный, грустный, осиротѣлый видъ.

Слѣдуя Милочкиному совѣту, на этотъ разъ, Иванъ Антоновичъ проявилъ величайшую бережливость. Онъ не истратилъ зря ни единой копѣйки. Онъ ограничился только тѣмъ, что купилъ сѣрый дорожный костюмъ, термосъ, англійское сѣдло, сѣтку для игры въ лаунъ-теннисъ, норвежскія лыжи и новый тропическій шлемъ.

Послѣдній день недѣли былъ посвященъ прощальнымъ визитамъ... Прежде всего, Царевичъ посѣтилъ свѣтланскаго фактора.

Рувимъ Ароновичъ, закончивъ утреннюю молитву, сидя съ полосатымъ талесомъ на плечахъ, принялъ гостя въ столовой. Черезъ какую-нибудь минуту, Иванъ Антоновичъ уже былъ окруженъ всѣми обитателями квартиры, вплоть до двѣнадцати маленькихъ Шанкеровъ, начиная отъ черноволосаго юноши, кончая младенцемъ въ возрастѣ четырехъ мѣсяцевъ.

— Ша! — крикнулъ Рувимъ Ароновичъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Гей авекъ!..

Обитатели порскнули, какъ воробьи на дорогѣ, и только черезъ дверныя щели продолжали выглядывать большіе черные любопытствующіе глаза.

— Я уѣзжаю въ Европу! — сказалъ Иванъ Антоновичъ. — Необходимо оформить наше договорное соглашеніе!.. Вотъ вамъ двадцать долларовъ задатка, а остальную сумму вы имѣете получить въ ближайшіе дни! Какъ человѣкъ интеллигентный, надѣюсь, вы понимаете?

— Я уже все знаю, я все понимаю! — уныло произнесъ факторъ. — Ясно, какъ лимонадъ!

— Можетъ быть, вы мнѣ не вѣрите?

— Что за вопросъ? — высоко поднявъ брови, отвѣтилъ Рувимъ Ароновичъ. — Почему я не вѣрю?.. Я вамъ вѣрю, какъ самому себѣ!.. Но будетъ лучше, если вы дадите мнѣ маленькій вексель!.. Тогда уже все будетъ въ порядкѣ!.. Что вы скажете?

Царевичъ наклонилъ голову.

— Охотно! — произнесъ Иванъ Антоновичъ. — Требуемый документъ вы можете получить хоть сейчасъ!

Рувимъ Ароновичъ порылся въ рыжемъ затрепанномъ бумажникѣ и протянулъ вексельный бланкъ.

— Значитъ, вы уѣзжаете? — со слезой, слегка подавленнымъ голосомъ, сказалъ факторъ. — Мнѣ очень жаль!.. Ужасно, какъ жаль!.. Мы могли бы устроить еще одинъ гешефтъ!.. На Черной Рѣчкѣ продаются желѣзнодорожныя шпалы!.. Прямо задаромъ!.. Шпалы, какъ золото!.. Мы бы заработали триста процентовъ!

— Ахъ, Европа! — продолжалъ Рувимъ Ароновичъ. — Какое это прекрасное государство Европа!.. Я часто думаю объ Европѣ!

Царевичъ поднялся со стула и протянулъ фактору руку.

— Прощайте, Рувимъ Ароновичъ! — произнесъ онъ. — Вы интеллигентный, честный и порядочный человѣкъ!.. Позвольте поблагодарить васъ за оказанную услугу!.. Желаю вамъ полнаго счастья!.. И супругѣ, и дѣтямъ вашимъ!.. Прощайте!

Въ сопровожденіи фактора, Царевичъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ пролетку и приказалъ ѣхать на Корейскую улицу.

Онъ еще разъ обмѣнялся съ евреемъ сердечнымъ рукопожатіемъ.

— Прощайте! — кричалъ вдогонку Рувимъ Ароновичъ. — Прощайте!.. Будьте здоровы!.. Если проѣздомъ будете въ Гомелѣ, кланяйтесь моему швагеру!..

72.

Пролетка, то опускаясь, то взлетая, какъ на морскихъ волнахъ, занырялa по выбоинамъ Голубиной Пади, свернула на Китайскую улицу, на минуту остановилась передъ цвѣточнымъ магазиномъ. Иванъ Антоновичъ выбралъ три чайныя розы, усѣлся снова въ пролетку и направился въ гостинницу „Парадизъ“.

Воспоминанія о дняхъ, проведенныхъ въ меблированныхъ комнатахъ „Парадизъ“, не вызывали въ его душѣ сладкихъ эмоцій. Тѣмъ не менѣе, Царевичъ рѣшилъ навѣстить Аиду Раймондовну и маленькимъ прощальнымъ актомъ свѣтскаго этикета сгладить окончательно всѣ шероховатости и неровности...

— Я уѣзжаю въ Европу! — произнесъ Иванъ Антоновичъ, послѣ обмѣна любезностями и поднесенія хозяйкѣ цвѣтовъ. — Не будетъ ли съ вашей стороны какого-нибудь порученія?.. Я готовъ оказать вамъ услугу!

Аида Раймондовна, взволнованная неожиданнымъ посѣщеніемъ и вниманіемъ, раскраснѣвшаяся до корней золотого шиньона, сидѣла въ полной растерянности и не произносила ни одного звука. Въ одной рукѣ она держала цвѣты, другая рука, въ смущеніи, перебирала складки чернаго платья.

Наконецъ, съ карминовыхъ устъ слетѣла робкая фраза.

— Вы уѣзжаете? — спросила Аида Раймондовна.

— Оллъ райтъ! — отвѣтилъ Царевичъ и улыбнулся. — Я покидаю этотъ миленькій городокъ!.. Но о васъ, мадамъ, сохраню лучшую память!

Аида Раймондовна скромно опустила глаза и заиграла прюнелевой туфелькой. Ея сухія, обтянутыя напудренной кожею щеки, вспыхнули новыми красками.

— Благодарю васъ, полковникъ! — сказала Аида Раймондовна.—Вы единственный человѣкъ, котораго я встрѣчала на свѣтѣ!... Вы настоящій англійскій джентльменъ!.. The rigth man on the rigth place!.. Какъ жаль, что вы уѣзжаете!.. Я бы вамъ предложила прекрасный номеръ!

Иванъ Антоновичъ разсмѣялся.

— Увы, я уѣзжаю! — произнесъ Царевичъ. — Безповоротно и окончательно!.. Жребій брошенъ!.. Меня ожидаетъ Европа!

— А куда именно вы уѣзжаете? — спросила хозяйка.

Царевичъ на минуту задумался.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣчалъ онъ. — Прежде всего, по дѣламъ неотложной необходимости, я долженъ быть на Ривьерѣ!.. Затѣмъ, по всей вѣроятности, направлюсь въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Копенгагенъ, въ Берлинъ!.. Я посѣщу главные европейскіе центры!.. Моимъ постояннымъ мѣстожительствомъ будетъ Ницца или Монако!

— Вы будете въ Парижѣ? — съ оживленіемъ спросила Аида Раймондовна.

— Несомнѣнно! — отвѣтилъ Царевичъ.

— Какой удивительный случай! — воскликнула госпожа Салатко-Петрище. — Кэль оказіонъ!.. Я бы васъ очень просила о маленькомъ одолженіи!.. Какъ бы это вамъ объяснить?

Хозяйка на минуту замялась.

— Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ живетъ одинъ человѣкъ!.. Одинъ близкій мнѣ человѣкъ!.. Графъ Мечиславъ Забѣлло!.. Мой женихъ! — снова вспыхнувъ и потупивъ глаза, пояснила Аида Раймондовна. — Вы будете добры передать ему письмецо и кстати, если васъ это не затруднитъ, маленькую посылку!.. Фэтъ муа ле плэзиръ!.. Вы окажете мнѣ огромное одолженіе!

Аида Раймондовна выпорхнула изъ комнаты.

Вскорѣ она вернулась съ небольшимъ пакетомъ въ рукѣ. Подъ мышкой хозяйка держала стеклянную банку солидной величины, туго перевязанную бичевкой.

— Вотъ письмо! — съ улыбкой, сверкая золотымъ зубомъ, произнесла Аида Раймондовна. — А вотъ это — посылка!.. Пятнадцать фунтовъ варенья... Это райскія яблочки пополамъ съ барбарисомъ!.. Вы окажете мнѣ большую услугу!

— Охотно! — сказалъ Иванъ Антоновичъ.

И, приложившись къ раздушенной рукѣ, провожаемый восторженными улыбками и пожеланіями счастливой дороги, сталъ спускаться по лѣстницѣ...

73.

Былъ еще одинъ пунктъ, который не прошелъ мимо вниманія Ивана Антоновича, къ которому его влекло не столько по необходимости, сколько по причинѣ какого-то особаго, если можно такъ выразиться, нездороваго любопытства.

Укачиваясь въ пролеткѣ, окидывая прощальнымъ взоромъ знакомыя улицы, постройки, попадавшихся на пути прохожихъ, Царевичъ рѣшилъ пренебречь послѣднимъ визитомъ. Однако, по мѣрѣ приближенія къ Семеновскому Базару, мысли его приняли новое направленіе.

Зачѣмъ уносить въ своемъ сердцѣ обиду?.. Не лучше-ли предать забвенію маленькій фактъ и сдѣлать его какъ бы несуществовавшимъ?.. Это будетъ лучшимъ выходомъ изъ положенія!

Прежняя горечь исчезла!.. Острые углы притупились!.. Осталось лишь чувство легкаго разочарованія!.. Никто въ этомъ не виноватъ!.. А вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно взглянуть въ послѣдній разъ на старыхъ друзей и обмѣняться съ ними прощальнымъ рукопожатіемъ!.. Въ самомъ дѣлѣ!..

Царевичъ прикоснулся къ спинѣ возницы бамбуковой тросточкой и приказалъ везти въ редакцію „Утренней Почты“.

Черезъ десять минутъ онъ стоялъ на порогѣ...

Редакціонный коллективъ, по случаю экстренныхъ событій и выпуска вечерняго номера, находился въ сборѣ. Склонившись надъ свѣжими типографскими гранками сидѣли сотрудники. Редакціонный мальчикъ „Шура", по обыкновенію, разносилъ чай. Въ сосѣдней комнатѣ грохотала ротаціонная машина и линотипъ. Пахло краской, табакомъ, столярнымъ клеемъ.

Царевичъ вошелъ въ комнату, сдѣлалъ общій поклонъ и, остановившись передъ столомъ редактора Ипполита Семеновича, произнесъ:

— Я уѣзжаю въ Европу!

Сотрудники оторвались отъ работы.

Появленіе Царевича было весьма неожиданнымъ.

— Голуба! — заревѣлъ Наркизъ Наркизовичъ, вскакивая со стула. — Здравствуй, другъ!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ?.. Ну, дай обнять!.. Живъ, здоровъ, въ благоденствіи!.. А я, повѣришь-ли, уже собирался писать на тебя некрологъ!

Царевича окружили.

Царевичу пожимали руки.

Царевича усадили на парадное мѣсто, закидали вопросами, угощали чаемъ, баранками, папиросами „Нѣга".

— Въ Европу? — спросилъ, съ изумленіемъ, Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей и, по привычкѣ, снявъ черепаховыя очки, сталъ протирать ихъ фуляромъ. — Отъ имени редакціоннаго коллектива приношу поздравленіе и одновременно выражаю общее сожалѣніе!.. Газета лишается талантливаго сотрудника!..

Впрочемъ, надѣюсь, вы не откажете продолжать работу въ качествѣ спеціальнаго корреспондента?

— Поздравляю! — закричалъ критикъ.

— Поздравляю! — одновременно пропищали Цыпленковъ и „Кокъ“.

— Имѣю честь проздравить! — прохрипѣлъ „Шура“.

Въ короткихъ словахъ Царевичъ передалъ свой будущій планъ.

— Я уѣзжаю во Францію! — сказалъ Иванъ Антоновичъ.

— Ахъ, вотъ какъ? — обрадовался редакторъ.— Въ такомъ случаѣ вы будете нашимъ парижскимъ корреспондентомъ!.. Вы дадите намъ полную информацію о Палатѣ Депутатовъ, о Рю Гренеллъ, о Фошѣ, о Мистангеттъ!.. Кстати, вы не откажете дать рядъ путевыхъ очерковъ?.. Я готовъ вамъ выдать авансъ!

— Благодарю васъ! — произнесъ Царевичъ, съ нѣкоторой холодностью. — Я не нуждаюсь въ авансѣ!.. Я пришлю фельетонъ изъ Сингапура или Шанхая!

— Собственно не мѣшало бы устроить маленькій посошокъ? — замѣтилъ Наркизъ Наркизовичъ. — Голуба, дай три рубля?.. Я схожу за кахетинскимъ!.. Замѣчательное вино!

Визитъ затянулся на неопредѣленное время.

Редакціонный коллективъ, въ полномъ составѣ, сидѣлъ за редакторскимъ столомъ, пилъ водку, пиво, вино. „Шура“ сбѣгалъ за колбасой и пельменями. Критикъ досталъ изъ пролетки банку съ райскими яблочками и, не взирая на протесты Ивана Антоно-

вича, ловкимъ ударомъ вспоролъ крышку изъ бычьяго пузыря.

— Рекомендую! — произнесъ Наркизъ Наркизовичъ, запустивъ руку въ банку и облизывая липкіе пальцы. — Матеріалъ внѣ конкурренціи, прошу убѣдиться!

Пятнадцать фунтовъ варенья исчезло въ одно мгновенье.

Настроеніе подымалось.

Хлопали пробки, звенѣла посуда. Табачный дымъ, на подобіе морского тумана, окутывалъ помѣщеніе густыми непроницаемыми клубами. Отъ духоты и выпитаго вина лица лоснились, какъ гладко отполированный типографскій талеръ. Предстоящее путешествіе Ивана Антоновича служило главной темой бесѣды. Звучали отдѣльныя восклицанія, грохоталъ пьяный хохотъ, но все покрывалъ зычный голосъ литературнаго критика.

Скинувъ пиджакъ, скрестивъ руки, критикъ выразительно тряхнулъ головой и сталъ декламировать:

„На полярныхъ моряхъ и на южныхъ,
По изгибамъ зеленыхъ зыбей,
Межъ базальтовыхъ скалъ и жемчужныхъ,
Шелестятъ паруса кораблей.
Быстрокрылыхъ ведутъ капитаны,
Открыватели новыхъ земель,
Для кого не страшны океаны,
Кто извѣдалъ Мальмстремы и мель.
Чья не пылью затерянныхъ хартій —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на изодранной картѣ
Отмѣчаетъ свой дерзостный путь!“

На минуту Иванъ Антоновичъ почувствовалъ себя во власти поэтическаго очарованія. На минуту его натура, склонная къ яркимъ вымысламъ и романтическимъ воспріятіямъ, окунулась въ міръ красивой фантастики.

Онъ представилъ себя легендарнымъ Уллисомъ, бороздящимъ волны Архипелага, преодолѣвающимъ тысячу грозныхъ опасностей, твердой рукой направляющимъ свою ладью къ острову волшебной феи Калипсо... Въ сознаніи промелькнулъ чернокудрый Язонъ, направляющій бѣгъ аргонавтовъ къ загадочнымъ берегамъ Колхиды, въ поискахъ Золотого Руна... Съ непостижимою остротой воскресли отважные конквистадоры средневѣковья, чьи образы запечатлѣны въ героическихъ поэмахъ и сагахъ, высѣчены на камнѣ, воплощены въ бронзѣ...

Между тѣмъ, опьяненный виномъ и собственнымъ пафосомъ, сверкая глазами изъ подъ дымчатыхъ стеколъ пенснэ, то повышая голосъ, то снижая его до степени львинаго рыканья, критикъ продолжалъ декламацію:

„И взойдя на трепещущій мостикъ,
Вспоминаетъ покинутый портъ,
Отряхая ударами трости
Клочья пѣны съ высокихъ ботфортъ.
Или бунтъ на борту обнаруживъ,
Изъ-за пояса рветъ пистолетъ,
Такъ, что сыплется золото съ кружевъ,
Съ розоватыхъ брабантскихъ манжетъ.
Развѣ трусамъ даны эти руки,

Этотъ острый стремительный взглядъ,
Что умѣетъ на вражьи феллуки,
Неожиданно бросить фрегатъ?..“

Наркизъ Наркизовичъ выдержалъ паузу, обвелъ присутствующихъ вдохновеннымъ взоромъ и, ударивъ себя въ грудь, выбросилъ новымъ тономъ:

„Но въ мірѣ есть иныя области,
Луной мучительно томимы,
Для высшей силы, высшей доблести,
Онѣ навѣкъ недостижимы.
Тамъ, волны съ блесками и всплесками,
Непрекращаемаго танца,
И тамъ летитъ скачками рѣзкими
Корабль Летучаго Голландца.
И если въ часъ прозрачный, утренній,
Пловцы въ моряхъ его встрѣчали,
Ихъ вѣчно мучилъ голосъ внутренній,
Слѣпымъ предвѣстіемъ печали.
Ватагой буйной и воинственной,
Такъ много сложено исторій,
Но всѣхъ страшнѣе, всѣхъ таинственнѣй
Для смѣлыхъ пѣнителей моря —
О томъ, что въ мірѣ есть окраина,
Туда, за тропикъ Козерога,
Гдѣ капитану, съ ликомъ Каина,
Легла ужасная дорога!..“

— Браво, Неаполитанскій! — закричали кругомъ.

Критикъ вытеръ салфеткой разгоряченный лобъ и, въ изнеможеніи, рухнулъ на стулъ.

Черезъ минуту онъ вскочилъ снова.

— За русскаго Васку де Гама! — ревѣлъ Наркизъ Наркизовичъ, отправляя въ ротъ двадцатую рюмку. — За Фернанда Кортеца!.. За Франциска Пизарро!

— За Кука! — кричалъ Николка Бэляевъ.

— За Христофора Колумбуса! — пищалъ Цыпленковъ.

Визитъ затянулся до глубокой ночи...

Уже начинало даже свѣтать, когда Царевичъ простился съ радушными сотрудниками „Утренней Почты“. Ипполитъ Семеновичъ обвелъ присутствующихъ мутнымъ свинцовымъ взглядомъ, поднялся съ кресла и, слегка заикаясь, произнесъ тостъ:

— Въ честь отъѣзжающаго коллеги предлагаю крикнуть „ура!“

— Урррa! — загремѣло кругомъ.

— А сейчасъ, — продолжалъ редакторъ, — по исконному обычаю, по доброй русской старинкѣ...

Всѣ разсѣлись по угламъ.

Наступила минутная пауза.

Ипполитъ Семеновичъ поднялся, перекрестился, обнялъ Царевича и троекратно облобызалъ. То же самое продѣлали остальные сотрудники. Потомъ, общею группою вышли на улицу, усадили Царевича въ дожидавшуюся пролетку, окружили со всѣхъ сторонъ.

Ипполитъ Семеновичъ Фундуклей сдѣлалъ рукой знакъ и произнесъ торжественнымъ голосомъ:

— Отъ имени редакціоннаго коллектива, прошу передать привѣтъ великой французской республикѣ!

Возница взмахнулъ кнутомъ.

Пролетка тронулась и загремѣла по мостовой.

— Счастливой дороги! — ревѣлъ литературный критикъ, Наркизъ Наркизовичъ. — Кланяйся Леону Додэ!.. Я его уважаю!.. Кланяйся Виктору Маргериту, Клоду Фарреру, Полю Бурже!..

— Кланяйся Дрейфусу! — кричалъ спеціальный корреспондентъ „Кокъ".

— Кланяйся Сарочкѣ и Бернарочкѣ! — пищалъ хроникеръ Цыпленковъ.

— Кланяйся Эйхвелю! — хрипѣлъ редакціонный мальчикъ „Шура".

Царевичъ обернулся въ послѣдній разъ.

Въ послѣдній разъ онъ увидѣлъ зданіе „Утренней Почты", взмахи платковъ, редакціонный коллективъ въ полномъ составѣ...

Въ послѣдній разъ услышалъ крикъ, ревъ, напутственныя пожеланія и привѣтствія...

Пролетка сдѣлала десятокъ шаговъ и скрылась за поворотомъ...

74.

Былъ хмурый сѣрый октябрьскій день, когда власть правительства Земскаго Края прекратила существованіе.

Городъ переживалъ трагическіе часы.

Послѣдніе японскіе эшелоны покидали бухту и тяжелые транспорты, одинъ за другимъ, выходили въ открытое море.

Бѣлые каппелевскіе отряды, изнемогавшіе въ непосильной борьбѣ, еще пытались оказывать сопротивленіе наступавшимъ войскамъ Нарреварміи, подъ командой товарища Уборевича, но упавъ духомъ, сломленные въ концѣ концовъ дружнымъ натискомъ красныхъ, стали поспѣшно отходить къ корейской границѣ.

Флотъ, въ составѣ нѣсколькихъ миноносцевъ и маленькихъ посыльныхъ судовъ, въ свою очередь, покидалъ воды Приморскаго Края и уходилъ въ неизвѣстность.

Красные стояли у воротъ города.

Уже дачныя мѣстности — Седанка, Девятнадцатая Верста, Океанская, вплоть до Угольной, кишѣли партизанами и солдатами въ суконныхъ шлемахъ, съ красной пятиконечной звѣздой.

На улицахъ города мятущійся потокъ и безпо-

рядочная нервная стрѣльба... На всѣхъ углахъ стоятъ военные пикеты. На стѣнахъ и заборахъ воззванія, летучки и плакаты... Тревоженъ ликъ Свѣтланки, всегда бывало яркой, шумной, суетливой, наряженной гуляющими толпами, насыщенной особенными запахами, расцвѣченной волнистыми туманами изъ Голубиной Пади... Затихла въ смутномъ ожиданіи веселая Корейская Слободка и пьяный Эгершельдъ — пріютъ бездомной вольницы и штабъквартира темнаго подполья...

Уже не рѣяли на правительственныхъ учрежденіяхъ трехцвѣтные бѣло-сине-красные флаги. На смѣну появились бѣло-зеленые цвѣта областного Сибирскаго правительства. А къ вечеру, на балконѣ гостиницы „Золотой Рогъ", къ изумленію случайныхъ прохожихъ, точно языкъ багроваго пламени, заполыхалъ на осеннемъ вѣтру огромный алый лоскутъ.

Неизбѣжное совершилось...

Въ тотъ самый часъ, въ „Пѣтушиной Ночлежкѣ", шло важное военное совѣщаніе.

Въ кабинетѣ Афанасія Ивановича, за тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ еще такъ недавно жильцы коротали вечера въ дружеской попойкѣ, сидѣло пять человѣкъ.

Кромѣ самого хозяина, здѣсь находились — поручикъ Девяткинъ, штабсъ-капитанъ Бончъ-Бруевичъ, кавказскій драгунъ князь Чавчавадзе. На уголкѣ, робко оглядывая присутствующихъ, сидѣло новое лицо — молодой офицеръ, румяный какъ яблочко, прапорщикъ Серафимовъ.

На столѣ лежали, на этотъ разъ, не игральныя карты, а большая карта Приморскаго Края, надъ

коей, въ позѣ глубокой задумчивости, склонился капитанъ Моркотунъ. Онъ водилъ циркулемъ по бумагѣ, отмѣривалъ разстоянія, дѣлалъ разсчеты. Затѣмъ откинулся и сказалъ:

— Штабсъ-капитанъ Бончъ-Бруевичъ, пишите приказъ!

Диспозиція Приморскому Отряду.

№ 1.

Карта 10 верстъ въ дюймѣ.

1. Красная армія заняла Владивостокъ. 2. Съ наступленіемъ ночи, ввѣренному мнѣ отряду выступить въ походъ, въ общемъ направленіи на Суйфунъ. 3. Въ случаѣ встрѣчи съ противникомъ, пробиваться съ оружіемъ въ рукахъ.

Штабсъ-капитанъ закончилъ приказъ.

— Понятно? — произнесъ Афанасій Ивановичъ.

Онъ окинулъ присутствующихъ пытливымъ взоромъ, назначилъ часъ выступленія, порядокъ движенія, мѣры ближней развѣдки и охраненія. На штабсъ-ротмистра Чавчавадзе возложилъ особую задачу, по установленію связи съ бѣлыми агентами и наблюденію за сосредоточеніемъ красныхъ войскъ.

Военный совѣтъ былъ законченъ.

Вслѣдъ за тѣмъ закипѣла работа по снабженію отряда патронами и провіантомъ...

Въ послѣдній разъ вышелъ Афанасій Ивановичъ въ свой огородъ и посмотрѣлъ въ сторону моря.

Оно было черно, какъ чернила.

Изъ-за разорванныхъ тучъ выплывалъ молодой мѣсяцъ. Вѣтеръ срывалъ блеклые листья и кружилъ ихъ въ холодномъ воздухѣ.

Гдѣ-то хрипло выла собака...

75.

Отрядъ шелъ всю ночь.

Шли на Седанку, на Девятнадцатую Версту, на Океанскую, держась берега моря, прямо на сѣверъ, указываемый Полярной Звѣздой.

Въ качествѣ головного дозора, просѣкая темноту ночи зоркимъ кошачьимъ глазомъ, шагалъ Ефимъ Зозуля, онъ-же — Бабъ-эль-Мандебъ. Въ полусотнѣ шаговъ держались главныя силы — капитанъ Афанасій Ивановичъ Моркотунъ, съ бѣжавшимъ рядомъ „Дружкомъ", молодой прапорщикъ Серафимовъ, тяжелаго мортирнаго дивизіона штабсъ-капитанъ Бончъ-Бруевичъ. Движеніе колонны замыкалъ саперный поручикъ Девяткинъ, въ качествѣ аріергарда.

Шли молча, сосредоточенно, съ единственной цѣлью добраться возможно скорѣй до Суйфуна.

— Даешь Суйфунъ? — гвоздила тревожная мысль.

Да, разумѣется, тамъ ожидаетъ еще преграда, въ видѣ красныхъ пограничныхъ постовъ. Но это будетъ послѣднее препятствіе!..

Во всякомъ случаѣ, отрядъ сознавалъ, что съ каждымъ поступательнымъ шагомъ ускользаетъ изъ захлестнувшей петли, что самое опасное уже позади

— чекисты, красные партизаны, отребье, рвань, голытьба большого портоваго города, распаленное водкой и кровью.

Отрядъ шелъ всю ночь и весь день, прерывая движеніе короткими десятиминутными остановками. Необходимо было быстрѣй миновать дачную полосу, за которой начиналась дикая, безлюдная, раскинувшаяся на тысячу верстъ тайга...

Припадая на лѣвую ногу, опираясь на суковатый костыль, капитанъ Моркотунъ шелъ рядомъ съ молодымъ прапорщикомъ, который, видимо, начиналъ ослабѣвать. Съ каждой милей его шаги становились короче, онъ задыхался и отставалъ, послѣ чего вприпрыжку, бѣгомъ, пытался наверстать утраченную дистанцію.

— Да, ну же! — кричалъ Афанасій Ивановичъ, на минуту пріостанавливаясь и въ сердцахъ стуча костылемъ. — На кой чортъ, спрашивается, я съ вами связался?.. Мать вашу!.. Погубите мнѣ всю музыку!.. Впередъ!.. Пришпорьте стерву-кобылу!.. Право, одно несчастье!.. Тьфу!

Афанасій Ивановичъ облегчалъ душу плевкомъ. Тяжелая трехъэтажная брань срывалась съ его языка. Онъ запаливалъ погасшую трубку и старымъ стрѣлковымъ шагомъ продолжалъ снова ковылять по тропѣ.

Съ наступленіемъ вечера прапорщикъ выбился вовсе изъ силъ.

Онъ плакалъ, какъ женщина, умолялъ не оставлять его одного, обѣщая въ скоромъ времени втянуться въ походъ.

— Афанасій Ивановичъ!.. Миленькій!.. Не

могу! — сквозь слезы стоналъ молодой прапорщикъ, падалъ на землю, оставался лежать, снова приподымался и дѣлалъ попытки слѣдовать за отрядомъ.

Впрочемъ, и всѣ остальные притомились до чрезвычайности и чувствовали потребность въ отдыхѣ.

И тогда Афанасій Ивановичъ рѣшилъ сдѣлать привалъ.

Отрядъ круто свернулъ съ дороги и подался въ сторону сопокъ, возвышавшихся зеленой шапкой надъ моремъ. Тамъ, въ буреломѣ, въ чапыжникѣ, въ густой заросли орѣшника, елей, липъ, краснаго клена, можно было считать себя въ сравнительной безопасности. Развѣ только дикій звѣрь набредетъ — рогатый красавецъ-изюбръ, бурый медвѣдь, свирѣпый кабанъ-одиночка.

Но звѣри не страшны для людей!

На круглой полянкѣ, подъ мохнатыми кедрами, отрядъ сталъ на ночлегъ. Изъ сухихъ вѣтокъ и сучьевъ живо смастерили костеръ. Афанасій Ивановичъ досталъ изъ полотняной торбы провіантскій запасъ — буханокъ чернаго хлѣба, десятокъ картофелинъ, банку американскихъ консервовъ. Зозуля вскипятилъ на огнѣ котелокъ. Поручикъ Девяткинъ порылся въ походной сумкѣ, досталъ осьмушку кирпичнаго чая, кусокъ сахара-рафинада.

Молча сидѣли и лежали подлѣ костра, насыщая голодный желудокъ, перекидываясь короткими фразами, чувствуя непреодолимое желаніе сомкнуть глаза.

Афанасій Ивановичъ предложилъ начальнику штаба огласить новый приказъ, ясный и краткій,

какъ лаконичень былъ языкъ и всѣ дѣйствія капитана.

Бончъ-Бруевичъ извлекъ изъ кармана френча блокъ-нотъ. Онъ откашлялся и тутъ-же, лежа животомъ на землѣ, прочелъ.

— Понятно? — произнесъ Афанасій Ивановичъ.

Онъ снова окинулъ отрядъ проницательнымъ взоромъ, тутъ же назначилъ дежурство, установилъ очередь и часы смѣны, далъ необходимыя указанія на случай тревоги. Затѣмъ, набивъ трубку, отошелъ въ сторону и растянулся въ тѣни, во весь длинный ростъ, подложивъ подъ голову парусиновый плащъ.

Афанасій Ивановичъ долго не могъ уснуть.

Его одолѣвали тяжелыя мысли, безпокоила участь ввѣрившихся ему людей, тревожило продолжительное отсутствіе кавказскаго князя, заботилъ дальнѣйшій походъ. Трубка вспыхивала во мракѣ и порой слышался глухой подавленный вздохъ.

Молодой прапорщикъ Серафимовъ отлучился лишь на минуту, послѣ чего свернулся клубочкомъ подлѣ костра, накрылся шинелькой и тотчасъ задремалъ сномъ утомленнаго отрока.

Его примѣру послѣдовали Зозуля и штабсъ-капитанъ Бончъ-Бруевичъ. „Дружокъ" поднялъ морду, потянулъ воздухъ, порылся въ опавшей листвѣ, отыскалъ хозяина и свернулся возлѣ него.

Поручикъ Девяткинъ, сжавъ винтовку въ рукахъ, сидѣлъ у костра и немигающими глазами смотрѣлъ на огонь. Время отъ времени, приподымался, прислушивался, вглядывался въ темноту ночи, собиралъ валявшійся подъ ногами валежникъ, кидалъ его въ угасавшее пламя.

Ночь была тихая, звѣздная.

Изъ-за вѣтвей выплывалъ лунный челнокъ, словно скользилъ по поверхности чернаго моря. Слѣва доносились звуки прибоя. Ночная жизнь просыпалась въ лѣсу. Пищали и перекликались ночные звѣрьки, перебѣгая изъ одной норки въ другую. Стонали и ухали неизвѣстныя птицы. Сова-курятница шарахнулась на огонь и, залопотавъ бѣлыми пушистыми крыльями, исчезла во мракѣ...

76.

Съ разсвѣтомъ отрядъ былъ на ногахъ.

Уже позади осталась Девятнадцатая Верста, Океанская и Садъ-Городъ. Отрядъ огибалъ Амурскій заливъ и, съ сѣвернаго направленія, взялъ круто на западъ.

Отрядъ шелъ дикой лѣсною тропой, слѣдуя, какъ обычно, въ боевой готовности, со всѣми мѣрами охраненія.

„Дружокъ“ внезапно ощетинился и зарычалъ.

Сзади послышался топотъ.

Всадникъ, въ полушубкѣ и огромной бѣлой папахѣ, съ алымъ шлыкомъ, верхомъ на заморенной лошаденкѣ, казачьимъ наметомъ приближался къ отряду. Капитанъ Моркотунъ скинулъ съ плеча „Пульхерію Ивановну“ и взялъ незнакомца на мушку.

Подлетѣвъ, всадникъ лихо спрыгнулъ съ коня.

— Кто такой? — грозно спросилъ капитанъ. Острымъ глазомъ онъ воззрился на незнакомца въ бѣлой папахѣ.

Всадникъ взялъ подъ козырекъ и бойко отвѣтилъ:

— Честь имѣю явиться!.. Нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-ротмистръ князь Чавчавадзе!

Афанасій Ивановичъ захохоталъ.

— Дѣло! — произнесъ онъ, опуская винтовку.— Спасибо за службу!.. Пожалуйте, ваше сіятельство!.. Пистолетъ-парень!

Съ прибытіемъ штабсъ-ротмистра Чавчавадзе отрядъ увеличивался на шестую часть. Это было крупное приращеніе силъ. Къ тому же, какъ представитель конницы, князь Арчилъ Захаровичъ Чавчавадзе могъ быть использованъ для дальней развѣдки.

— Спасибо за службу! — повторилъ капитанъ Моркотунъ. —Начальникъ штаба! — обратился онъ къ Бончъ-Бруевичу. — Зачислить прибывшаго въ списки отряда!.. Вотъ тебѣ и всѣ три рода оружія!

Однако, съ дальнѣйшимъ движеніемъ, положеніе осложнялось.

Провіантъ былъ на исходѣ и питались больше натурой — ягодами, грибами, кедровыми орѣхами. Башмаки износились, ноги были въ струпьяхъ и свѣжихъ ссадинахъ. На каждомъ шагу, вдобавокъ, можно было ожидать теперь встрѣчи съ противникомъ, шаркавшимъ гдѣ-то поблизости, сторожившимъ всѣ выходы изъ захваченнаго имъ края.

Не исключалась и встрѣча съ шайкой хунхузовъ, многочисленной, хорошо вооруженной, безпощадной по отношенію къ своимъ жертвамъ, немилосердной въ примѣненіи самыхъ утонченныхъ пытокъ.

Но маленькій отрядъ неуклонно продвигался впередъ...

Еще четыре дня утомительнаго похода — и передъ глазами сверкнулъ Суйфунъ.

Весной, въ половодье, широкій, могучій, онъ бурно несетъ свои желтыя воды, сметая все на пути.

Сейчасъ представлялъ сравнительно жалкій потокъ, въ заросшихъ дубнякомъ и лозой берегахъ, перетянутый отмелями и плесами.

Отрядъ скрытно спустился къ рѣкѣ.

Капитанъ Моркотунъ собралъ военный совѣтъ. Большинствомъ голосовъ было рѣшено, не мѣшкая, приступить къ переправѣ. За неимѣніемъ лодокъ приходилось переправляться вплавь.

Люди начали раздѣваться.

Держа надъ головой винтовки съ патронами, бѣлье, одежду и прочій нехитрый багажъ, одинъ за другимъ входили въ рѣку, вздрагивали отъ рѣзкаго холода, искусно лавируя переходили отъ плеса къ плесу, и лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ попадали на глубину.

Капитанъ Моркотунъ, стоя въ исподникахъ, босикомъ, руководилъ переправой.

— Право держи! — кричалъ Афанасій Ивановичъ. — Мать вашу, вправо!.. Утопнутъ, ей-Богу, утопнутъ!.. Дьяволы слѣпорожденные!

Только молодой прапорщикъ, еще одѣтый, не отваживался войти въ студеную воду.

Вдобавокъ, онъ не умѣлъ плавать.

Онъ стоялъ на берегу, въ полной растерянности, безпомощно разводилъ руками и чуть не плакалъ.

Штабсъ-ротмистръ князь Чавчавадзе нашелъ выходъ изъ положенія.

Онъ усадилъ прапорщика въ сѣдло, наказавъ крѣпко держаться за гриву, раздѣлся и голый, въ чемъ мать родила, ведя коня подъ уздцы, смѣло поплылъ съ нимъ на противоположный берегъ.

Черезъ какихъ нибудь полчаса переправа была закончена.

Въ густомъ дубнякѣ, тщательно укрытый отъ взоровъ, отрядъ заночевалъ. Долго сушились и грѣлись подлѣ костра, прочищали и смазывали оружіе, пересчитывали патроны.

Уже вышли послѣдніе остатки провизіи и силы людей были, въ свою очередь, на исходѣ.

Между тѣмъ предстоялъ рѣшительный день, отъ котораго зависѣло все. Удача сулила свободу, дальнѣйшую борьбу за осуществленіе идеаловъ, окончательную побѣду. Неудача влекла за собой рабство, муки застѣнка, въ лучшемъ случаѣ, быструю смерть.

Было надъ чѣмъ призадуматься!

Но отрядъ вѣрилъ въ вождя, вѣрилъ въ правое дѣло и въ свою собственную счастливую звѣзду. Въ теченіе семи дней похода эта звѣзда не измѣняла. Сотня опасностей подстерегала людей на каждомъ шагу, сидѣла въ любомъ кустѣ, на вершинѣ сопки, въ каждой заимкѣ.

Какимъ-то особымъ, острымъ, таежнымъ чутьемъ, капитанъ Моркотунъ вывелъ отрядъ изъ красныхъ клещей и, безъ сомнѣнія, опрокинетъ послѣдующія преграды...

77.

Брызнулъ разсвѣтъ.

Гуськомъ, одинъ за другимъ, имѣя впереди конницу, въ лицѣ штабсъ-ротмистра Чавчавадзе и его безвершковаго маштачка „Сѣрко“, люди продвигались по холмистой береговой полосѣ, мало по малу, переходившей въ широкую степную равнину.

Государственная граница находится гдѣ-то поблизости.

Но впереди — ни души!

На много верстъ тянется необозримый степной горизонтъ, съ выжженной и съ побурѣвшей травой, отъ сотворенія міра незнакомой съ косой или плугомъ. Кое-гдѣ сверкнетъ, въ лучѣ солнца, бѣлое ослѣпительное пятно — это стадо пасущихся дрохвъ. Порой выскочитъ сѣрый тушканчикъ, присядетъ на заднія лапки, засвиститъ въ свою дудочку и скроется въ норкѣ. Надъ головой, съ шумомъ и гоготомъ, пронесутся дикіе гуси, направляющіе полетъ съ озера Ханка въ южныя страны. А еще выше — голубая синь приморскаго неба, съ золотымъ пылающимъ окомъ.

Знаетъ капитанъ Моркотунъ, хорошо знаетъ — недаромъ исходилъ съ „Пульхеріей Ивановной“ весь край на тысячу верстъ, отъ перевала Сихота-Алинъ вплоть до Чжанъ-Гуанцайлина — что широка при-

морская степь, непролазна тайга, глубоки балки, неприступны сопки, кручи, хребты.

Знаетъ, гдѣ водится сѣрая бѣлка, куница, соболь и бѣленькій горностай, гдѣ лежитъ бурый медвѣдь и царь тайги — красный приморскій тигръ.

Не знаетъ только, гдѣ ждетъ его встрѣча съ краснымъ двуногимъ звѣремъ.

А встрѣча близка!

Все знаетъ Афанасій Ивановичъ, не вѣдаетъ только, что пограничный взводъ красной монгольской конницы, предводимый бывшимъ драгунскимъ вахмистромъ Грай-Жеребцомъ, подтянувъ подпруги конямъ, уже спускается съ сопки, переводитъ лошадей въ рысь, скачетъ навстрѣчу растяжнымъ монгольскимъ наметомъ.

Тѣмъ же наметомъ сорвался зоркій кавказецъ, князь Арчилъ Чавчавадзе, повернулъ круто къ своимъ, нахлестывая „Сѣрко“ нагайкой.

— Тревога! — кричитъ князь Чавчавадзе, но голоса его не слыхать.

Но, какъ одинъ человѣкъ, услышалъ отрядъ команду начальника, твердую, спокойную, самоувѣренную:

— Прямо, по кавалеріи!.. Прицѣлъ постоянный!

Афанасій Ивановичъ выдержалъ паузу, привычнымъ движеніемъ, безъ суеты, вскинулъ „Пульхерію Ивановну“ въ плечо и скомандовалъ:

— Рота!.. Пли!

Дружный залпъ рѣзанулъ степь.

Какъ молнія скрылись тушканчики. Стадо дрохвъ взметнулось на бурой стернѣ, пробѣжало, ко-

выляя на короткихъ ногахъ, десятокъ шаговъ и тяжело поднялось къ небесамъ.

— Рота!.. Пли! — прозвучала снова команда.

Вторично прогрохоталъ залпъ, третій, четвертый, пятый.

— Одиночный огонь! — продолжалъ командовать капитанъ Моркотунъ, точно на полковомъ стрѣльбищѣ, на смотру роты Его Величества.

Впереди, саженяхъ въ ста и нѣсколько далѣе, виднѣлась на травѣ груда тѣлъ, конскихъ и человѣческихъ. Одни лежали совсѣмъ неподвижно, другіе ползали по травѣ, бились въ послѣдней агоніи, судорожно цѣпляясь руками, роя копытами землю.

Около десятка всадниковъ, съ обнаженными шашками, обтекали отрядъ съ обѣихъ сторонъ.

Афанасій Ивановичъ не утерпѣлъ.

Вскинувъ снова „Пульхерію Ивановну“ въ плечо, сталъ садить выстрѣлъ за выстрѣломъ, точно на голубиномъ садкѣ или въ стрѣльбѣ на стэндѣ по быстродвижущимся мишенямъ.

— Бацъ!.. Бацъ!.. Бацъ! — звенѣли сухіе удары и съ каждымъ ударомъ, широко взмахнувъ руками, очередной всадникъ, какъ снопъ, валился съ сѣдла.

Кони, задравъ хвосты, носились по всѣмъ направленіямъ. Нѣсколько человѣкъ улепетывали въ карьеръ. Тяжело раненый въ пахъ лежалъ на землѣ бывшій вахмистръ Грай-Жеребецъ и отстрѣливался изъ револьвера.

— Сдавайся? — закричалъ Афанасій Ивановичъ, подбѣгая вмѣстѣ съ „Дружкомъ“ къ начальнику краснаго взвода.

— Не сдамся! — отвѣчалъ вахмистръ.

Произошла жуткая сцена.

— Сдавайся, сукинъ сынъ? — заревѣлъ капитанъ Моркотунъ, беря винтовку на изготовку. Прапорщикъ Серафимовъ, взволнованный и блѣдный, какъ суровое полотно, отъ пережитыхъ волненій, подбѣжалъ къ капитану и схватилъ за рукавъ.

— Афанасій Ивановичъ!.. Не убивайте! — залепеталъ прапорщикъ. — Миленькій, не убивайте!.. Русскій вѣдь человѣкъ?

Вахмистръ съ усиліемъ приподнялся на локтѣ, прицѣлился, спустилъ курокъ.

Это былъ его послѣдній выстрѣлъ.

Прапорщикъ Серафимовъ вскрикнулъ и, безъ чувствъ, повалился ничкомъ...

И когда капитанъ Моркотунъ поспѣшилъ подать ему первую помощь, когда разорвавъ рубаху, обнаружилъ въ правомъ плечѣ небольшое пулевое отверстіе, съ розовыми краями, онъ одновременно обнаружилъ маленькую упругую дѣвичью грудь, по которой ползла струйка крови.

Лицо Афанасія Ивановича изобразило величайшее изумленіе.

Его желтыя, худыя, давно небритыя, заросшія колючею щетиною щеки, налились неожиданно краской. Сверкнули и заморгали сконфуженно маленькіе, острые, какъ у горностая, глаза.

— Баба? — произнесъ онъ.

И схвативъ „Пульхерію Ивановну“, грозно потрясъ ею по направленію къ небесамъ, изрыгая богохульственное ругательство...

78.

Въ тотъ самый день, когда удачно отбивъ атаку, маленькій отрядъ перешагнулъ государственную границу и очутился, такимъ образомъ, на свободѣ, когда вздохнувъ облегченною грудью и прокричавъ, по предложенію своего начальника троекратно „ура!“, былъ готовъ, въ близкомъ будущемъ, возобновить борьбу за освобожденіе родины отъ краснаго ига, Царевичъ стоялъ на палубѣ парохода „Токіо-Мару“, уходившаго въ Нагасаки.

Одѣтый въ сѣрый дорожный костюмъ, съ широкими никербокерами, съ сѣрой кепкой на головѣ, онъ стоялъ возлѣ борта и глядѣлъ на покидаемый городъ.

Онъ былъ не одинъ.

Въ одной рукѣ онъ держалъ „Ящикъ Пандоры“, а другой обнималъ Милочку.

Передъ нимъ, точно въ феерической сказкѣ, выростала волшебная панорама. Аметисты дымчатыхъ сопокъ голубѣли въ бронзовой оправѣ заката. Золочеными куполами сверкалъ кафедральный соборъ. Ниже разстилался городской скверъ съ памятникомъ адмиралу Завойко. Направо виднѣлся обелискъ Невельскому, увѣнчанный двуглавымъ орломъ. Налѣво — тянулась Свѣтланская улица, таможня, вокзалъ, безконечные пакгаузы Эгершельда.

Все было такъ знакомо, такъ близко!..

Въ сознанiи проходитъ вереница дней... Шесть мѣсяцевъ жизни въ приморской столицѣ... Дыханiе океана и политическiй тайфунъ... Надежды и разочарованiя... Шампунки, ходи, сопки... Гостиница „Парадизъ"... Редакцiя „Утренней Почты"... „Замокъ Тамары"... И все, и все, отъ милыхъ бѣженокъ Свѣтланки до крабовъ и чилимсовъ Девятнадцатой Версты...

Но Царевичъ не испытывалъ сожалѣнiя при мысли о предстоящей разлукѣ. Въ его богатомъ воображенiи выростала картина иной жизни, подъ иными долготами, пронизанная красками европейской культуры и цивилизацiи.

Въ эту минуту онъ мечталъ о тихомъ уютѣ кокетливой виллы, выходящей фасадомъ на лазурное море, примыкающей тыломъ къ тѣнистому парку, съ орхидеями, алоэ и пальмами.

На „Promenade des Anglais" прогуливается изысканная толпа... На бархатномъ пляжѣ лежатъ молодыя обнаженныя женщины — бѣлокурыя вѣнки, черноволосыя флорентинки, рыжiя, какъ золото, англичанки... Слышится пестрая иностранная рѣчь, смѣхъ, звонкiя восклицанiя.... Одна за другой проносятся могучiя гоночныя машины, блестящiе лимузины, Рольсъ-Ройсы, Мерседесы и Шевроле... А въ нѣсколькихъ километрахъ, рукой подать, высится на скалистомъ утесѣ храмъ Золотого Тельца, въ которомъ можно шутя сорвать огромное состоянiе...

Впереди предстояла сытая, безпечная, красивая жизнь.

Тысяча американскихъ долларовъ, хранящихся

въ маленькомъ, скромномъ на видъ ларцѣ изъ карельской березы, представляютъ, по нынѣшнимъ временамъ, извѣстныя средства. Переѣздъ въ Европу вполнѣ обезпеченъ. Въ конторѣ нотаріуса его ожидаетъ наслѣдство. Въ головѣ Царевича уже возникъ грандіозный коммерческій планъ.

Этотъ планъ долженъ принести милліоны!

При этой мысли Иванъ Антоновичъ улыбнулся и украдкой взглянулъ на сосѣдку.

Въ головѣ Милочки не бродило никакихъ плановъ.

Облокотившись о бортъ, разсѣяннымъ взоромъ глядѣла она на городъ, уже загоравшійся первыми вечерними огоньками. Они ползли по голубымъ сопкамъ и сливались со звѣздами. Милочкѣ было жаль покидать родную русскую землю и плыть къ невѣдомымъ берегамъ. Съ другой стороны, чуткой женской душой она предугадывала ея печальную участь и покорно, безъ сѣтованій, отдавалась судьбѣ.

Пароходъ былъ набитъ до отказа.

Приморскіе спекулянты, ювелиры, дѣльцы, скромные чиновники и министры, представители военныхъ круговъ, штаба и контръ-развѣдки, казаки и опереточныя артистки, солдаты, журналисты и веселыя дамочки изъ загороднаго сада „Италія“, безъ малаго, почитай, всѣ члены лѣтняго „Клуба Комнацкаго“ — Оскаръ Оскаровичъ Муттермильхъ, Кеша Рудыхъ, инженеръ Лакстигалъ, Воробейчикъ, Теръ-Абрамьянцъ, Изидоръ Денисюкъ, отецъ Мисаилъ, Тузъ-Бубонный — все сгрудилось на палубѣ, точно сто паръ чистыхъ и сто паръ нечистыхъ въ ковчегѣ

праотца Ноя, галдящее, взволнованное и возбужденное, въ ожиданіи часа отхода.

На трапѣ стоялъ часовой, съ винтовкой въ рукѣ. По серединѣ залива дымили четырехтрубные японскіе миноносцы. Недалеко отъ берега стоялъ минный крейсеръ „Карлейль" и японскій броненосецъ „Кассуга". Зычно ревѣли сирены. Длинные щупальцы прожекторовъ, шаря по сопкамъ, просѣкали небо серебряными лучами.

„Токіо-Мару" продолжалъ стоять на якорѣ.

По свѣдѣніямъ, отходъ намѣчается не ранѣе десяти часовъ. Такимъ образомъ, въ распоряженіи имѣется запасъ времени.

Мысли Ивана Антоновича неожиданно приняли новое направленіе и онъ вспомнилъ о Попандопуло.

— Проклятый грекъ! — процѣдилъ „Сынъ Полка" и нервно взглянулъ на часы. — Надулъ, подлецъ!.. Двѣ тысячи долларовъ!.. Это не фунтъ изюма!

Царевичъ задумался, какъ бы что-то прикидывая и соображая.

Внезапная мысль осѣнила его сознаніе:

— Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, сейчасъ, въ эти послѣднія минуты, онъ еще поймаетъ грека въ квартирѣ?

Иванъ Антоновичъ покосился на городъ.

Онъ имѣлъ свой обычный, беззаботный, слегка легкомысленный видъ. Звучали звонки трамваевъ, вспыхивали свѣтовыя рекламы, на высокой мачтѣ Морского Штаба, какъ обычно, горѣлъ огонекъ.

Иванъ Антоновичъ принялъ рѣшеніе.

— Сейчасъ или никогда! — тихо произнесъ

„Сынъ Полка“. — Оллъ райтъ!.. Прочь колебанія!.. Подобный случай выходитъ однажды въ сто лѣтъ!

При этомъ Царевичъ успокоилъ себя соображеніемъ, что какъ иностранный подданный, имѣя всѣ документы въ порядкѣ, онъ не подвергается ни малѣйшему риску.

— Милица Михайловна! — произнесъ Иванъ Антоновичъ серьезнымъ, нѣсколько торжественнымъ тономъ и тронулъ дѣвушку за руку. — Вотъ, изволите видѣть, я вручаю вамъ ящикъ!.. Храните его, какъ зѣницу вашего ока!.. Вы понимаете, здѣсь все наше будущее?.. Самъ же я, по дѣламъ неотложной необходимости, вынужденъ посѣтить городъ!.. Прошу васъ не безпокоиться!.. Черезъ полчаса я возвращусь!

Милочка тщетно пыталась отговорить его отъ принятаго рѣшенія.

Иванъ Антоновичъ былъ непреклоненъ и, вручивъ дѣвушкѣ „Ящикъ Пандоры“, быстрыми шагами направился къ трапу...

79.

Тихо скользитъ шампунка по волнамъ залива, огибаетъ грозный контуръ „Кассути“ и пристаетъ къ берегу.

— Ходя! — обращается Царевичъ къ старому лодочнику-китайцу и подымаетъ передъ его носомъ указательный палецъ. — Моя выходи, твоя оставайла!.. Черезъ полчаса твоя меня ожидайла!.. Шанго?

— Шанго! — отвѣчаетъ лодочникъ и трясетъ, въ знакъ согласія, головой.

Иванъ Антоновичъ соскакиваетъ на пристань и выходитъ на Свѣтланскую улицу.

Нѣтъ, это лишь издали городъ имѣетъ свой обычный характеръ. При болѣе близкомъ, непосредственномъ ознакомленіи, онъ принялъ, оказывается, совсѣмъ иной видъ. Еще третьяго дня кипѣла въ немъ жизнь. Въ настоящую минуту все замерло до неузнаваемости. Магазины забраны металлическими рѣшотками. Закрыты кино, рестораны, кафэ. А на углахъ стоятъ какіе-то странные люди, съ винтовками, въ нарукавныхъ повязкахъ, съ суконными шлемами на головахъ.

Царевичу стало жутко.

Онъ почувствовалъ даже легкую дрожь, пробѣ-

жавшую по его тѣлу. Быстрыми шагами, почти бѣгомъ, онъ пересѣкъ улицу и свернулъ въ ближайшій проулокъ. Въ проулкѣ, крадучись точно воръ, длинными извилистыми путями, то прижимаясь къ забору, то останавливаясь на минуту въ черной тѣни домовъ, ощутилъ подлинный страхъ и рѣшилъ вернуться назадъ.

— Проклятый грекъ! — подумалъ снова Иванъ Антоновичъ. — Сердце какъ бьется!

Передъ глазами мелькнула груда долларовыхъ бумажекъ.

Онъ дотронулся рукой до бокового кармана съ иностраннымъ паспортомъ и заграничными визами, и почувствовалъ облегченіе.

— Глупости, глупости! — прошепталъ „Сынъ Полка" и свернулъ на Комаровскую улицу.

На Комаровской совсѣмъ темно. Но вотъ блеснулъ свѣтъ изъ окна. Это домъ Попандопуло — двухъэтажный небольшой особнякъ съ разноцвѣтными стеклами на верандѣ. Онъ узнаетъ его сразу, съ перваго взгляда. Вотъ палисадникъ, съ отцвѣтающими георгинами, астрами. Но какъ странно?.. На улицѣ — ни души!.. Всѣ попрятались, всѣ сидятъ въ своихъ щеляхъ... Нечего сказать, храбрецы!

Иванъ Антоновичъ улыбнулся и замурлыкалъ любимый стишокъ:

„До разсвѣта поднявшись, коня осѣдлалъ
Знаменитый Смальгольмскій баронъ..."

Черезъ минуту, Царевичъ подымался по узенькой винтовой лѣстницѣ. Черезъ другую, уже сидѣлъ

въ кабинетѣ Лазаря Сократовича Попандопуло.

Тучный грекъ принялъ его съ обычной учтивостью, произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, предложилъ стаканъ вина. Не взирая на тревожную обстановку, былъ, видимо, совершенно спокоенъ. Событія минувшей недѣли, смѣна властей, призракъ экономическаго краха, произвола, террора, видимо, не произвели на него особаго впечатлѣнія.

— Я уѣзжаю въ Европу! — сказалъ Царевичъ.

Лазарь Сократовичъ ульгбнулся, поднялъ бокалъ и чокнулся.

— Сцастливой дороги! — произнесъ грекъ. — Оцень заль!.. Между процимъ, за мной остается должокъ!.. Одну тысяцу вы уже полуцили?.. Вотъ вамъ еще сто долларовъ!

— Это мало! — спокойно замѣтилъ Царевичъ. — Съ васъ слѣдуетъ получить двѣ тысячи долларовъ!

Грекъ засмѣялся:

— Сто долларовъ!.. Больсе вы не полуците ни одного цента!.. Цестное слово!.. Я и такъ, кажется, переплатилъ!.. Берите деньги и сказите спасибо!

Царевичъ вспыхнулъ.

— Пардонъ! — сказалъ Иванъ Антоновичъ. — Что это значитъ?.. Я ничего не понимаю?.. Съума сойти?.. Это грабежъ?.. Это кража и даже со взломомъ?.. Это разбой?

Грекъ молча барабанилъ пальцами по столу.

Иванъ Антоновичъ перешелъ въ рѣшительную атаку.

— Погодите! — произнесъ онъ. — Завтра у

васъ произведутъ обыскъ!.. У васъ отнимутъ всѣ деньги!.. Васъ посадятъ въ тюрьму!.. Васъ разстрѣляютъ!

Попандопуло разсмѣялся:

— Хо-хо!.. Не разстрѣляютъ!.. Я иностранный целовѣкъ!

— Я самъ иностранецъ! — крикнулъ „Сынъ Полка“. — Чортъ васъ возьми, давайте хоть тысячу?

— Сто долларовъ и ни цента больсе!

— Тысячу и ни цента меньше?

— Сто!

— Тысячу?

— Сто!

Грекъ не сдавался. Время шло. Необходимо было торопиться.

Царевичъ взглянулъ на часы:

— Половина десятаго!

Медлить нельзя ни минуты.

— Подавись!

Въ бѣшенствѣ, Иванъ Антоновичъ схватилъ сто долларовъ и, хлопнувъ дверьми, скатился по лѣстницѣ...

80.

Сорвалось!

Сорвалось въ послѣднюю роковую минуту, когда обезпеченный матеріально, обласканный фортуной и женской любовью, съ великими планами, съ законными визами и документами, Царевичъ готовился покинуть предѣлы отечества.

Мгновенье, остановись!..

Иванъ Антоновичъ скатился по лѣстницѣ и тотчасъ исчезъ вомракѣ. Тѣмъ же порядкомъ, точно человѣкъ замышляющій злодѣяніе, осторожными, робкими, но поспѣшными шагами, мчался по улицѣ, по направленію къ пристани, прислушиваясь къ малѣйшему звуку, къ каждому подозрительному шелесту, шороху, скрипу.

Ночная жизнь окончательно замирала.

Одинъ за другимъ гасли огни. Встревоженные обыватели, переживая безпокойные дни, предпочитали сидѣть по квартирамъ. Даже китайцы, даже рогульщики-ходи, вѣчно шмыгающіе по опійнымъ притонамъ, наполняющіе толпами районъ Семеновскаго Базара, на этотъ разъ, схлынули съ панелей и мостовыхъ города.

Все это производило тяжелое, гнетущее впечатлѣніе...

Иванъ Антоновичъ пересѣкъ Комаровскую улицу и спѣшилъ уже внизъ по Китайской. Онъ не могъ еще отдѣлаться отъ непріятной бесѣды съ грекомъ и честилъ его на всѣ корки.

Не безъ злорадства, онъ улыбнулся при мысли, что въ ближайшіе дни грекъ, безъ сомнѣнія, подвергнется обыску и будетъ арестованъ, какъ спекулянтъ, какъ злостный торгашъ, какъ общественный паразитъ, истощающій народные соки.

Съ подобными думами, Царевичъ скользилъ по деревянному настилу панели. У ближайшаго фонаря онъ перевелъ духъ и взглянулъ на часы:

— Безъ четверти десять!.. Медлить нельзя ни секунды!..

Чья-то таинственная рука тяжело легла на плечо.

Ноги Царевича подкосились.

— А, здравствуй! — произнесъ медленный голосъ. И когда Царевичъ поднялъ глаза, онъ задрожалъ отъ неожиданной встрѣчи.

Передъ нимъ стоялъ предсѣдатель сапожнаго цеха, почетный потомственный гражданинъ Чернѣга.

Онъ былъ, видимо, пьянъ. Его широкая медвѣжья фигура, въ русской поддевкѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги, въ лихо заломленномъ картузѣ, была въ неустойчивомъ равновѣсіи. Изъ глотки дышалъ запахъ виннаго перегара. Онъ несомнѣнно былъ пьянъ.

— Отдай мои деньги! — крякнулъ Чернѣга.

Иванъ Антоновичъ отскочилъ.

— Какія деньги? — раздраженно спросилъ

„Сынъ Полка". — Оставьте меня въ покоѣ!.. Не смѣйте меня задерживать!.. Я тороплюсь!

— Отдай мои деньги! — повторилъ снова Чернѣга и схватилъ за рукавъ.

— Прочь! — крикнулъ Иванъ Антоновичъ и сдѣлалъ попытку освободиться.

Но попытка не удалась. Чернѣга облапилъ его клещами, приблизилъ свое бородатое, изрытое оспенными язвами лицо, дохнулъ водкой:

— Отдай мои деньги!... Не отдашь?.. Въ остатній разъ тебѣ говорю?

Онъ вложилъ два пальца въ широкій, заросшій косматою шерстью ротъ:

— Пропадать, такъ съ музыкой!

Рѣзкій пронзительный свистъ ворвался въ тишину ночи.

Приклады винтовокъ брякнули по деревянной панели. Нѣсколько человѣкъ, съ незнакомыми страшными лицами, въ солдатскихъ шинеляхъ, съ суконными шлемами на головахъ, окружили Царевича со всѣхъ сторонъ.

— Документы? — потребовалъ хриплый голосъ.

Сердце Ивана Антоновича заколотилось, точно подстрѣленный голубь.

Однако, на минуту овладѣвъ собой, ласковымъ и нѣсколько унизительнымъ голосомъ, прошепталъ:

— Недоразумѣніе, товарищи-граждане!.. Я вамъ сейчасъ объясню!.. Впрочемъ, вотъ документы!.. Все въ полномъ порядкѣ!.. Извольте!

Иванъ Антоновичъ порылся въ карманѣ сѣраго пиджака, съ широкими никербокерами, досталъ паспортъ и подалъ солдату. При свѣтѣ мерцающаго

огня, съ усиліемъ разбирая украинско-французскій текстъ, солдатъ прочелъ первую строчку:

— Громадянинъ Украинской Державной Республики графъ Иванъ Антоновичъ Дорошенко-Царевичъ Сихота-Алинъ!

Конвоиры захохотали.

— Графъ Дорошенко-Царевичъ? — повторилъ солдатъ и, въ свою очередь, загрохоталъ пьянымъ смѣхомъ. — Во, какая птица?.. Щобъ ты сказывся! — добавилъ онъ по хохлацки и взялъ Царевича за плечо. — Пойдемъ до комиссаріата!.. Тамъ разберутъ!

Иванъ Антоновичъ задрожалъ.

Холодный липнущій потъ охватилъ его съ головы до ногъ. Больное сердце готово было выпрыгнуть изъ груди. Съ мужествомъ отчаянія, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и закричалъ:

— Товарищи-граждане!.. Будьте сознательны!.. Я иностранецъ!.. Вы не смѣете меня трогать!.. Я буду жаловаться посланнику!.. Я буду жаловаться министру!

Грубый хохотъ былъ отвѣтомъ на крикъ.

Солдаты ухватили Ивана Антоновича подъ руки и повели. Онъ пытался сопротивляться, но дюжія лапы крѣпко держали въ тискахъ и кто-то легонько подталкивалъ его прикладомъ подъ задъ.

Его повели внизъ по Китайской, къ той самой Свѣтланской улицѣ, на пристани которой дожидался лодочникъ-ходя, гдѣ сверкалъ вахтенными огнями японскій броненосецъ „Кассуга“, гдѣ стоялъ „Токіо-Мару“...

Царевичъ очнулся.

На мгновенье передъ нимъ воскресла картина — вилла на золотомъ берегу, съ видомъ на лазурное море... Орхидеи, пальмы, алоэ... Обнаженныя женщины на бархатномъ пляжѣ... Гудки лимузиновъ... Храмъ Золотого Тельца!..

На мгновенье представился волшебный островокъ Бора-Бора, омываемый дыханіемъ океана... Жемчужныя лагуны, тропическій лѣсъ, рокотъ прибоя и шелкъ вѣчно синяго неба!..

Передъ нимъ мелькнула Милочка, съ взволнованнымъ личикомъ, держащая въ рукахъ „Ящикъ Пандоры", ожидающая съ тревогой его возвращенія!..

Вотъ раздался вой пароходной сирены.

Густой дымъ, съ лиловыми искрами, повалилъ изъ пароходной трубы.

Пароходъ медленно развернулся, описалъ полукругъ и, сверкая огнями иллюминаторовъ, точно сказочное видѣніе на фонѣ траурной ночи, плавно направился къ выходу.

— Спасите! — нечеловѣческимъ голосомъ закричалъ „Сынъ Полка".

Бѣшенымъ усиліемъ онъ вырвался изъ рукъ конвоировъ и побѣжалъ по Свѣтланкѣ. Гигантскими прыжками, не чувствуя ногъ, онъ мчался какъ антилопа, преслѣдуемая кровавыми хищниками, спасая надежды, обрѣтенное счастье и жизнь.

Онъ вытащилъ изъ кармана платокъ и, вѣя по воздуху, подавалъ сигналы уходящему пароходу... На пристани его ожидаетъ старый китаецъ... Еще десять шаговъ...

Внезапно прогрохоталъ выстрѣлъ:
— Бомммъ!
Царевичъ сдѣлалъ послѣдній скачокъ...
Солнце опалило мозгъ пламеннымъ свѣтомъ...
И наступила ночь...

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр. 21, строка 18, сверху, вмѣсто „людей", читать — Людей.

Стр. 27, строка 14, вмѣсто „сердце" — сердцѣ.

Стр. 93, строка 11, вмѣсто „останется" — остается.

Стр. 97, строка 1, вмѣсто „общежитіе" — общежитіи.

Стр. 186, строка 20, вмѣсто „зароботокъ" — заработокъ.

Стр. 208, строка 20, вмѣсто „глазныхъ" — главныхъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1. **ИМПЕРАТОРСКІЕ ФАЗАНЫ.** Разсказы.
2. **ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ.** Скитанія.
3. **ОРХИДЕЯ.** Тропическія рифмы.
4. **ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРІЯ.** Разсказы.
5. **КИТАЙСКІЯ ТѢНИ.** Романъ.
   Im Schatten des Drachen. Übers. von R. Frhr. Campenhausen.
   Chinskie Cienie. Przeklad Edmunda Jezierskiego.
   Čínská Stinohra, preklad Boženy Popowè.
6. **ОСТРОВЪ ЖАСМИНОВЪ.** Романъ.
   Wyspa Jaśminow. Przeklad Edmunda Jezierskiego.
7. **КРАСНЫЙ ХОРОВОДЪ.** Повѣсть въ двухъ книгахъ.
8. **ЗЕЛЕНЫЙ МАЙ.** Латвійскія новеллы.
9. **ВОЛЧІЙ СМѢХЪ.** Разсказы.
10. **ЗВѢРІАДА.** Записки Черкесова. Романъ.
11. **РОМАНЪ ЦАРЕВИЧА.** Приморская повѣсть.
12. **ЛИЛІАНЪ ГРЕЙ.** Романъ. Гот. къ печати.
13. **ОРУЖІЕ БОГОВЪ.** Романъ. Гот. къ печати.

